

—Современные вопросы общественно-речевой практики.

-
*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета филологического
факультета
МГУ им. М.В. Ломоносова*

Ответственный редактор —
Доктор филологических наук, профессор А.А. Волков

Рецензенты:
доктор филологических наук, профессор Ю.Н. Марчук
кандидат филологических наук, доцент В.П. Мурат

Составитель: А.А. Любимова

Современные вопросы общественно-речевой практики/ Сост. А.А. Любимова. — М.: Макс Пресс, 2005. — 120 с.

Сборник содержит статьи аспирантов филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, посвященные различным проблемам общественно-речевой практики. Рассматривается широкий круг вопросов: от риторического построения высказывания и проблем нормирования языка до изменением языка под воздействием средств массовой информации и сети Интернет. Сборник предназначен для филологов-студентов, аспирантов и научных работников, а также для всех интересующихся вопросами взаимодействия человека и общества.

Кислова Е.И. К вопросу о феномене языковой нормы 4

Любимова А.А. Языковое манипулирование в СМИ как способ разрушения языковой картины мира и традиционной системы ценностей.33

Никонова М.С. Роль палеографического и текстологического анализа при изучении нормы церковнославянского языка (на примере описания Строгановского минейного Торжественника)62

Розенблат В.К. Понятие и специфика этнокультурного образа личности (образа русского ратора)73

Смолененкова В.В. Понятие риторической критики ...97

Хуринов В.В. О речевой динамике научного сообщения120

Шалунова М.С. Эволюция языка рекламы в Интернете, конец XX — начало XXI вв.141

Шуйская Ю.В. Алгоритмы образования аргументов от общих мест150

Кислова Е.И. К вопросу о феномене языковой нормы

С проблемой определения языкового явления как нормативного или ненормативного, и, соответственно, с проблемой определения нормы, так или иначе соприкасается почти каждый, кто занимается исследованием языка. Традиционно предполагается, что существование языковой нормы как особого феномена, обладающего рядом однозначно определяемых характеристик, — объективная данность. Считается, что норму можно совершенно точно отделить от не-нормы и описать. Однако в работах разных ученых норме могут приписываться абсолютно разные качества и свойства.

В данной работе делается попытка показать общность и различие в подходах ученых к понятию нормы, а также взаимосвязь выделяемых ими свойств нормы и задач, которые решает конкретный раздел науки о языке.

1. Принципы описания нормы

Можно выделить две общих модели описания нормы. Опираясь на работу Л.И.Скворцова¹ и собственные наблюдения, мы выделяем таксономическую (классификационную, описательную) и динамическую модели:

1) Модель таксономическая предполагает установление четких границ между нормативным и ненормативным употреблением. Она также фиксирует отношения нормы и литературного языка (ЛЯ), ЛЯ и диалекта, профессиональных жаргонов и просторечия. Кодификация нормы при таком подходе выступает как заранее заданный элемент системы ЛЯ, некая отправная точка, истинность которой не подвергается сомнению. Актуализируются такие качества нормы как стабильность, кодифицированность, консервативность.

2) Модель динамическая предполагает рассмотрение нормы как исторически изменчивого явления. С этой точки зрения рассматриваются происходящие в ЛЯ процессы,

¹ См.: Скворцов Л.И. Теоретические основы культуры речи. — М., 1980.

которые оказывают значительное влияние на норму. Истинность кодифицированной нормы здесь постоянно подвергается сомнению, ЛЯ не рассматривается как эталон, большое внимание уделяется отступлениям от нормы, причем часто они не оцениваются негативно. Кодификация здесь рассматривается как явление относительное и даже субъективное.

Некоторые исследователи в рамках построенной ими системы представлений о законах языка совмещают оба подхода.

Эти две модели описания нормы соотносятся с двумя «трактовыми» понятиями нормы в лингвистической литературе: широкой и узкой. Широкая и узкая трактовки понятия нормы выделяются в статьях Н.Н.Семенюк, В.А.Ицковича, Э.Косериу, а также в некоторых работах по социолингвистике и культуре речи.

При широкой трактовке понятия нормы авторы исходят из того, что норма — это в первую очередь общепринятое (традиционное) употребление языковых единиц. Такая «норма» применима и к некодифицированным идиомам языка (диалект, арго, жаргоны, просторечие и так далее), и к языку социума на любом этапе его исторического развития (в том числе в условиях отсутствия кодификации в словарях и грамматиках), и к отдельным стилям и жанрам языка (например, нормы устной и письменной речи, нормы отдельного уровня речевой культуры и так далее).

При узкой трактовке нормы авторы исходят из того, что в качестве основной выделяется прескриптивная функция нормы; такая «норма» напрямую связана с кодификацией и представлением о ЛЯ.

В русской лингвистической традиции XX в. сформировались также две традиции описания нормы: первая восходит к трудам В.И.Чернышева, вторая — к идеям Пражского лингвистического кружка. Первая опиралась на узкое понимание нормы и подчеркивала как основные ортологическую и аксиологическую функции нормы; для нее характерно отрицательное отношение к колебаниям нормы и вариантам, стремление выделить единственно «нормативный» вариант из нескольких существующих в языке, представление о консерватизме нормы как об

основной и важнейшей ее характеристике и так далее. Зарождение этой традиции Б.С.Шварцкопф связывает с работами В.И.Чернышева: «В стратегическом плане В.И.Чернышев продолжил — и передал далее — традицию словарей неправильностей: (а) отрицательное отношение нормализатора к самой вариантности средств, к колебаниям, стремление представить в словаре-справочнике как нормативный лишь один из вариантов (а другой, соответственно, запретить) или же, в крайнем случае, (б) рекомендация к употреблению обоих вариантов — как результат их дифференциации, специализации...»² Еще в 60-е годы XX в. было распространено определение нормы как «жесткого «предписания» выбора из нескольких вариантов одного»³. Эта традиция представлена в части работ по культуре речи и социолингвистике.

Вторая традиция описания языковой нормы восходит к положениям Пражского лингвистического кружка. Феномен языковой нормы рассматривается здесь как «функциональное, лингвосоциологическое и конкретно-историческое понятие»⁴. Разграничиваются, во-первых, «узус» как речевой обычай и ЛЯ, а во-вторых, «норма» как объективные правила и «кодификация» как научное описание и практическое закрепление этих правил: «Норма динамически соотносится с узусом, традицией употребления и структурой ЛЯ»⁵. Эти идеи были поддержаны Л.В.Щербой («...норма может состоять в отсутствии нормы, т.е. в возможности сказать по-разному. Лингвист должен будет все же определить границы колебаний, которые и являются нормой»⁶), Е.С.Истриной («Норма, в одних случаях ясная и несомненная, в других — вызывает затруднения,

² Шварцкопф Б.С. Колебание нормы: его сущность и статус. // Словарь и культура русской речи. К 100-летию со дня рождения С.И.Ожегова. — М., 2001. — С.365-366.

³ Головин Б.Н. Как говорить правильно. Заметки о культуре речи. — Горький, 1966. — С.41.

⁴ Лингвистический энциклопедический словарь. — М., 1990. — С.247.

⁵ Там же.

⁶ Щерба Л.В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании. // Л.В.Щерба. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974, — С.36.

требует специальных разысканий, устанавливается иногда лишь с той или иной степенью условности; иногда даже приходится признать нормой самое наличие двух вариантов (хотя этого следует всячески избегать)»⁷), С.И.Ожеговым и другими.

Данная традиция не отрицает ортологической и аксиологической функций нормы; однако эти функции не оцениваются как основные. Такая традиция понимания нормы оказалась наиболее универсальной: она подходит как для целей и задач культуры речи, так и, например, для истории ЛЯ.

2. Характеристики нормы

На основе приведенных данных может сложиться мнение, что речь в рамках разных лингвистических традиций идет о разных феноменах, каждый из которых называется нормой. Однако нетрудно заметить, что расхождения всякий раз связаны с ограниченным набором признаков. Определение нормы можно представить в виде набора «вопросов», ответы на которые в той или иной степени обязательны для описания нормы.

В этой таблице мы выделили такие «вопросы», а также наиболее распространенные варианты «ответов».

Характеристики нормы	Свойства нормы	
	Тип 1	Тип 2
Отношение к времени	Стабильность, устойчивость, консервативность	Динамичность, изменчивость
Наличие канона	Единообразие, унифицированность, отсутствие вариантов	Вариативность языковых средств; существование типов нормы
Соотношение нормы и кодификации	Норма характерна только для ЛЯ, она напрямую	Норма существует и в некодифицированных идиомах (как

⁷ Истрина Е.С. Нормы русского литературного языка и культура речи. — М.:Л., 1948. — С.4-5.

	связана с кодификацией.	традиция).
Функции нормы		
Организация языкового материала	Ортологическая (норма предписывает, какие языковые элементы как использовать)	Описательная (норма только фиксирует сложившиеся принципы)
Отношения нормы и живой речи	Оценочная (аксиологическая). Норма оценивает факты языка.	Норма не должна давать оценку фактам языка.
Роль нормы в отношениях ЛЯ и нелитературных подсистем языка.	Норма защищает ЛЯ от проникновения элементов из диалектов, жаргонов, аргю	Норма обогащает ЛЯ, вбирая наиболее яркие и образные выражения из национального языка.
Источники нормы:		
Более авторитетным следует считать	авторитетные источники (язык писателей, средств массовой информации, видных общественных деятелей)	массовое употребление

В исследованиях могут быть представлены сочетания таких ответов (так, в большинстве лингвистических исследований будет говориться и о стабильности, и о динамичности нормы).

Иначе говоря, одни и те же свойства и функции нормы могут быть описаны с различных позиций. «Ответ» на каждый из «вопросов» во многом зависит от целей и задач

конкретного исследования (например, в учебниках по культуре речи, предназначенных для школьников и студентов, будет говориться о стабильности и консервативности нормы; в работах по истории языка — о ее динамичности, и т.д.).

Кроме того, «ответ» определенного типа на один «вопрос» влечет за собой «ответ» такого же типа на другой «вопрос»: так, признание стабильности и консервативности влечет за собой выделение унифицированности и жесткое соотнесение нормы и кодификации. И наоборот: если признается динамичность нормы, чаще всего признается и ее вариативность.

3. Описание нормы и различные лингвистические дисциплины

Лингвистические дисциплины, в которых фигурирует понятие нормы, чаще всего избирают в качестве базового определенный тип реализаций. Однако конкретное представление о норме и ее характеристиках у каждого автора часто несколько отличается от типового. Представляется целесообразным выделить 4 группы научных исследований по тому, какой именно аспект нормы становится главным объектом исследования:

1) общетеоретические лингвистические работы, цель которых — изучение нормы и ее свойств как таковых. Это, например, статьи С.И.Ожегова, Р.Р.Гельгардта, Н.Н.Семенюка, В.А.Ицковича и других.

2) труды по истории ЛЯ; норма здесь — в первую очередь характеристика изменяющегося во времени ЛЯ. Это книги и статьи В.В.Виноградова, Б.А.Успенского, М.Л.Ремневой и др.

3) труды по социолингвистике; в них норма является одним из средств характеристики «языка в его социальном контексте»⁸, а также одним из существенных инструментов регулирования развития и функционирования языка, то есть языковой политики⁹. Это труды В.И.Беликова, Л.П.Крысина, Н.Б.Мечковской и др.

⁸ Лабов У. Исследование языка в его социальном контексте. // Новое в лингвистике. Вып.7. Социолингвистика. — М., 1975.

⁹ См.: Беликов В.И., Крысин Л.П. Социолингвистика. — М., 2001. — С.13-18.

4) труды по культуре речи. Здесь выделяется два подтипа: в работах первого типа ставится задача научить носителя языка говорить правильно, т.е. соблюдать норму. Это практически все учебники по культуре речи для студентов и школьников. Назовем этот тип «учебным». Соответственно разрабатывались и общенаучные положения. «Теоретические» работы по культуре речи, представленные статьями и книгами О.Б.Сиротининой, Н.И.Кузнецовой, Е.В.Дзякович, Е.Н.Ширяева и др., ставят перед собой цель построить новую систему норм на основе наблюдений над функционированием современного языка.

Как видно, предметы и объекты этих дисциплин серьезно различаются. Посмотрим, как характеристики нормы реализуются в конкретных работах.

3.1. Динамичность или стабильность?

Феномен нормы можно рассматривать как в рамках диахронии, так и в рамках синхронии. Соответственно, она предстанет как явление динамичное или как явление статичное. Эти два подхода обобщены в традиции рассматривать норму как изменяющуюся во времени, но «отстающую» от темпов развития живого языка. С точки зрения момента времени такая норма статична, однако с точки зрения периода времени — изменчива.

Изменение статуса конкретного языкового факта по отношению к норме также может быть рассмотрено как в рамках диахронии (изменение статуса языкового факта от инновации до архаизма), так и в рамках синхронии (изменение статуса языкового факта от диалектного / просторечного / жаргонного до нормативного). Часто эти подходы взаимосвязаны.

Несмотря на стремление к объективности, как стабильность, так и динамичность нормы обязательно так или иначе оценивается учеными. Соответственно, изменчивость может оцениваться как тенденция, ведущая к разрушению ЛЯ, а устойчивость — как нежелательная консервативность, углубляющая разрыв между живой речью и ЛЯ. Крайние выражения этих тенденций — пуризм (как стремление избежать любых изменений нормы определенной эпохи) и антинормализаторство (как

неприятие нормы как чего-то, насильственно навязываемого живому языку).

3.4.1. В общетеоретических лингвистических работах норма рассматривается в единстве ее динамического и статического аспектов, однако в процессе исследования тот или иной аспект оказывается для того или иного ученого более важным. Так, С.И.Ожегов положительно оценивает именно динамичность нормы. Вся история ЛЯ, начиная с послепушкинской эпохи, представляется ему именно борьбой «за выправление колеблющихся норм литературной речи», причем «...в один ряд с действительными неправильностями ставились и новые, еще непривычные явления, проникавшие в литературную речь из демократических слоев общества...»¹⁰.

Однако С.И.Ожегов не дает практических рекомендаций по разграничению допустимых и недопустимых в ЛЯ элементов просторечия и диалектов. Абстрактный критерий здесь — «прогрессивность» и «общенародность»: узкодиалектное явление оценивается как «ошибка», «неправильность», а широко распространенное, но не кодифицированное явление, — как потенциальная норма¹¹. Существует также и норма как факт синхронного среза, т.е. как свод определенных правил использования элементов языка, однако и такая норма — явление каждого нового этапа развития языка; соответственно, при смене этапов она должна подвергаться пересмотру.

Для Р.Р.Гельгардта основное качество нормы — ее консервативность, и поэтому норма неминуемо входит в противоречие с реальным языковым употреблением¹². Однако такое противоречие оценивается Р.Р.Гельгардтом как неотъемлемое свойство нормы. Р.Р.Гельгардт рассматривает норму как сложное сочетание единой

¹⁰ Ожегов С.И. Очередные вопросы культуры речи. // Вопросы культуры речи. Институт языкознания АН СССР. Вып 1. — М., 1955. — С.6-7, 10.

¹¹ Там же, С.11.

¹² Гельгардт Р.Р. О языковой норме. Вопросы культуры речи. Институт языкознания АН СССР. Вып.3 — М., 1961. — С.24.

литературной нормы и частных ситуативно обусловленных норм. Как и С.И.Ожегов, он подходит к проблеме динамики нормы как к проблеме перехода явления из разряда окказиональных, территориально или социально обусловленных, местных явлений, к широкоупотребительным, массовым, и критерием вхождения окказионального явления в норму для него становится массовость употребления¹³. Но, в отличие от С.И.Ожегова, Р.Р.Гельгард не оговаривает возможность оценки даже широко распространенного явления как ошибочного, то есть для него критерий массового употребления представляется наиболее важным.

3.4.2. В работах по истории языка норма рассматривается в первую очередь как изменяющийся во времени феномен.

Так, В.В.Виноградов подробно описывает пути и способы нормализации языка, становление нормы и ее источники, но не рассматривает вопрос о существенных признаках нормы: для целей конкретного исследования достаточно принять несколько положений, не описывая весь феномен. Норма в трудах В.В.Виноградова неразрывно связана с литературностью, она является неотъемлемым признаком ЛЯ, а литература, в свою очередь, играет большую роль в формировании нормы¹⁴. Нормы ЛЯ «строги, обязательны и универсальны», однако на разных этапах развития языка существенно различаются в применении к разным сторонам языка.

Другие исследователи предпочитают конкретизировать свойства и признаки нормы, существенные для исследования. Так, в книгах Б.А.Успенского и М.Л.Ремневой, посвященных истории русского ЛЯ, проблеме феномена нормы посвящены целые главы.

Б.А.Успенский рассматривает тенденции динамичности и статичности языковой нормы в контексте

¹³ Там же, С.35.

¹⁴ Виноградов В.В. Вопросы образования русского национального литературного языка. // Избранные труды. История русского литературного языка. — М., 1978. — С. 179.

противопоставления системы языка и нормы: «Понятие «нормы» противопоставляется вообще понятию «системы». Система представляет собой явление языкового кода, норма — явление языковой культуры. Система языка соотносится с его функционированием как средства коммуникации...»¹⁵ Динамика языковой нормы объясняется заложенной в системе языка потенцией к языковым изменениям. Степень статичности нормы, по мнению Б.А.Успенского, связана со степенью ее осознанности. Динамика нормы имеет, таким образом, дискретный характер, тогда как динамика живой речи — непрерывный. Как и С.И.Ожегов, Б.А.Успенский считает, что норму как набор фиксированных правил можно выделить для определенного периода истории языка.

В работах М.Л.Ремневой норма рассматривается в первую очередь как свод частных норм, характерных для определенного письменного жанра определенной эпохи. Норма главным образом рассматривается с точки зрения ее отношения к кодификации и живой речи, что позволяет описать историю ЛЯ как историю изменяющейся нормы и типов норм в произведениях того или иного жанра. Проблема стабильности и динамичности нормы решается за счет введения понятия вариантов (см. далее)¹⁶.

3.4.3. В работах по социолингвистике авторы чаще всего следуют в русле общетеоретической лингвистической традиции. Динамика нормы преимущественно рассматривается в рамках синхронного среза как повышение статуса языковых элементов. Как в книге В.И.Беликова и Л.П.Крысина, так и в книге Н.Б.Мечковской отмечается, что норма консервативна, однако она изменяется вместе с обществом¹⁷. Динамика нормы рассматривается в первую очередь как проникновение элементов нелитературных подсистем языка в ЛЯ и наоборот.

¹⁵ Успенский Б.А. История русского литературного языка (XI — XVII вв.). — М., 2002. — С.8.

¹⁶ Ремнева М.Л. Пути развития русского литературного языка XI-XVII вв. — М., 2003. — С.28-29.

¹⁷ Беликов В.И., Крысин Л.П. Социолингвистика. — М., 2001. — С. 39-40.

3.4.4. «Учебные» работы по культуре речи имеют в основном утилитарно-практическую направленность¹⁸. В традиционных учебниках норма — качество и признак ЛЯ, овладение которым и является целью обучения. Основными качествами нормы становятся те, которые позволяют отличить речь нормативную, «хорошую», «культурную», от речи ненормативной, «плохой», «некультурной». Соответственно, такой подход диктует внимание в первую очередь к синхроническому аспекту нормы и ее ортологической функции. Динамика нормы с этой точки зрения рассматривается как нарушение статики и реализуется преимущественно внутри вертикали «нелитературная речь (диалект, просторечие, жаргон) — литературная речь».

В некоторых работах о динамике нормы пометы в словарях оказывается основным «критерием» изменения статуса слова¹⁹. Изменение норм, как и в работах по социолингвистике, объясняется результатом развития общества.

В работах, которые представляют теоретический подход к проблеме, динамичность нормы также рассматривается в рамках вертикали «нелитературная речь — литературная речь». Нормативность здесь — неотъемлемое качество, присущее определенному типу культуры речи (выделяются «элитарная», «среднелитературная» и «разговорная» типы); именно степень нормативности относит текст к тому или иному типу культуры речи²⁰. Любое проявление динамики нормы при таком подходе расценивается как нарушение.

Таким образом, в собственно лингвистических работах делается попытка равноценно показать и динамичность, и статичность нормы, однако один из аспектов неизбежно оценивается как более важный; в работах по истории языка изучается преимущественно динамичность нормы; в

¹⁸ См.: Введенская Л.А. Культура речи. — Ростов-на-Дону, 2001. гл.3.1.;

Введенская Л.А., Павлова Л.Г. Деловая риторика. — Ростов-на-Дону, 2001.

¹⁹ См.: Введенская Л.А., Павлова Л.Г. Деловая риторика. — Ростов-на-Дону, 2001. — С.189.

²⁰ Ширяев Е.Н. Современная теоретическая концепция культуры речи. // Культура русской речи. — М., 2000. — С.13.

работах по социолингвистике и культуре речи большую роль играет статичность.

3.5. Вариантность или единообразие?

Существует два подхода к пониманию вариантов: «Вариантность... 1) представление о разных способах выражения какой-либо языковой сущности как о ее модификации, разновидности или отклонении от некоторой нормы...; 2) термин, характеризующий способ существования и функционирования единиц языка и системы языковой в целом...»²¹.

Первое понимание вариантности реализуется в тех работах, которые нацелены на исследование собственно нормы (ее образования, функционирования, истории).

Главной проблемой здесь является вопрос: должна ли норма быть единообразной и может ли она допускать варианты, и каков тогда статус этих вариантов? Соответственно, проблема вариантности и единообразия напрямую связана с проблемой динамичности нормы: если на одном полюсе находится нормированный ЛЯ (в идеале единообразный), а на другом — ненормированный нелитературный язык (характеризуемый обилием равноправных вариантов), то динамика нормы выглядит именно как «повышение» статуса определенного элемента нелитературной системы, приобретение им статуса нормированного и вытеснение одного из ранее равноправных вариантов. Единство нормы при таком подходе — это общепризнанность одного варианта при недопустимости других.

Второе понимание вариативности реализовано в работах, посвященных феномену ЛЯ и нормированности как его характеристики. В них как варианты выделяются устная и письменная речь, функциональные стили и т.д., то есть некие проявления языка, в которых норма может быть реализована по-разному, но при этом остается нормой. Единство нормы в таком случае не означает отсутствия вариантов; более того, норма здесь — именно единство

²¹ Лингвистический энциклопедический словарь. — М., 1990. — С.80.

вариантов, и чем больше вариантность, существующая в рамках нормы, тем богаче ЛЯ.

3.5.1. В общетеоретических лингвистических работах делается попытка представить норму как компромисс между унифицированным и вариантным образованием. Однако каждый исследователь чаще всего оценивает одно из этих свойств как более важное. Так, например, С.И.Ожегов считал колебание нормы органичным явлением языка и положительно оценивал именно вариантность²². Наличие вариантов С.И.Ожегов объясняет многообразием устных и письменных стилей, существующих в языке²³. Р.Р.Гельгардт также признавал наличие вариантов внутри нормы, хотя и оговаривал, что «эти частные нормы, в отличие от общей языковой нормы, обладают значительно меньшей общеобязательностью и четкостью границ»²⁴.

3.5.2. В работах, посвященных истории формирования и развития ЛЯ, более важным оказывается именно вариантность нормы. Существенные различия заключаются в «наполнении» понятия варианта. Чаще всего термин «вариант» имеет значение «вариант нормы», т.е. «вариант целой системы средств и правил их употребления»; реже рассматривается собственно история вариантных языковых средств. В.В.Виноградов не употребляет термина «вариант», однако говорит о том, что нормы письменной и устной речи были разными и формировались по-разному²⁵. Для Б.А.Успенского также варианты нормы — в первую очередь нормы речи разговорной и письменной. Более того, для Б.А.Успенского не существует проявления языка, не обладающего нормой, т.е. речи ненормированной, различаются только типы нормы: первичные (естественные,

²² См.: Ожегов С.И. Очередные вопросы культуры речи. // Вопросы культуры речи. Институт языкознания АН СССР. — Вып 1. — М., 1955 — С. 6, 11.

²³ См.: Ожегов С.И. Работы по культуре речи. // Лексикология. Лексикография. Культура речи. — М., 1974.

²⁴ Гельгардт Р.Р. О языковой норме. Вопросы культуры речи. — Институт языкознания АН СССР. — Вып.3 — 1961, — С.36.

²⁵ См.: Виноградов В.В. Вопросы образования русского национального литературного языка. // Избранные труды. История русского литературного языка. — М., 1978.

свойственные разговорной речи), и вторичные (искусственные, дополнительные, к которым относится и «книжная норма, т.е. норма ЛЯ»²⁶).

В работах М.Л.Ремневой термин «вариант» употребляется как для обозначения разных, но нормативных реализаций какого-то языкового феномена, так и для выделения типов нормы: «В узком смысле слова как варианты понимаются изофункциональные средства той же нормы, во всех отношениях равноценные, не имеющие дифференциальных признаков; в широком смысле слова вариантными являются пары и тройки средств, одно из которых несет дополнительную информацию или смысловой оттенок, стилистическую маркированность, варианты средств могут отличаться частотным или временным ограничением...»²⁷

3.5.3. В работах по социолингвистике единой точки зрения по вопросу вариантности или унифицированности нормы нет. Так, В.И.Беликов и Л.П.Крысин вообще не вводят понятие варианта, так как с их точки зрения норма уникальна, едина и свойственна только ЛЯ²⁸. Н.Б.Мечковская, однако, признает наличие нормы не только у ЛЯ и диалекта, но и у арго. Соответственно, признается и наличие вариантов нормы, которые при этом не оцениваются отрицательно²⁹.

3.5.4. В работах по культуре речи «учебного» типа чаще всего говорится о норме ЛЯ как о некоем идеале и об отступлениях от нормы, которые могут быть «допустимы» или «недопустимы.» При этом, например, функциональные стили выделяются *внутри нормы*, а типы речи — книжная и разговорная — характеризуются по признаку последовательного / непоследовательного соблюдения нормы³⁰. В «Деловой риторике» Л.А.Введенской, Л.Г.Павловой отношения нормы и вариантов описаны несколько более

²⁶ См.: Успенский Б.А. История русского литературного языка (XI — XVII вв.). — М., 2002. — С.111.

²⁷ Ремнева М.Л. Пути развития русского литературного языка XI-XVII вв. — М., 2003. — С.28.

²⁸ См.: Беликов В.И., Крысин Л.П. Социолингвистика. — М., 2001. — С. 41.

²⁹ Мечковская Н.Б. Социальная лингвистика. — М., 2000. — С.35.

³⁰ См.: Введенская Л.А. Культура речи. — Ростов-на-Дону, 2001. — гл.3.1.

подробно: во-первых, вариант признается обязательным элементом динамики нормы, во-вторых, варианты нормы оказываются кодифицированы и распределены как по стилистической шкале (пометы *разг.*, *прост.*, *книжн.*), так и по временной (*устар.*)³¹. Авторы «Деловой риторики» описывают понятие «нормы» как характерное исключительно для ЛЯ, однако, «основываясь на показателях различных нормативных словарей», выделяют внутри него «три степени нормативности»:

«норма 1-й степени — строгая, жесткая, не допускающая вариантов;

норма 2-й степени — нейтральная, допускает равнозначные варианты;

норма 3-й степени — более подвижная, допускает использование разговорных, а также устаревших форм»³².

Самым подробным образом рассматривается соотношение вариантов отдельных языковых единиц, при этом опора делается на словарь и словарные пометы, что естественно: подобные работы рассчитаны на людей, которых необходимо научить правильно употреблять допустимые варианты.

В подобных работах по культуре речи выделение вариантов связывается с ортологической функцией нормы, а также с ее динамикой: из двух вариантов одного явления в один момент времени может быть оценен как соответствующий норме только один вариант; второй имеет либо статус ненормативного, либо статус дополнительного, допустимого. Это соотношение может изменяться во времени, однако равноправные варианты могут быть таковыми недолго: один из них будет устаревать.

По-другому реализован подход к вариантам в теоретических работах по культуре речи. Выделяемые три типа культуры речи (элитарная, среднелитературная и разговорная) соотносятся с понятием нормы весьма сложным образом: они различаются не по степени допустимости вариантов, а по степени овладения нормами

³¹ Введенская Л.А., Павлова Л.Г. Деловая риторика. — Ростов-на-Дону, 2001. — С.189.

³² Там же, С.190.

ЛЯ. Только один тип («элитарный») может быть отнесен к ЛЯ. Среднелитературный и разговорный типы являются уже нарушениями нормы и именно так квалифицируются³³.

3.6. Функции нормы: оценочная или описательная?

Важным моментом в описании нормы является выделение в качестве основной оценочной («прескриптивной», «ортологической», «аксиологической») или описательной функции. Ортологическая функция нормы основывается на системе оценок («правильно» — «неправильно»), «можно употреблять» — «нельзя употреблять»). Разногласия вызывает вопрос, что именно должно быть положено в основу системы оценок, чье мнение должно учитываться и т.д., — то есть вопросы собственно кодификации. Описательная функция сводится к положению о том, что следует последовательно фиксировать уже сложившуюся традицию, а не оценивать ее или предписывать или запрещать употребление отдельных языковых средств.

3.6.1. В общетеоретических лингвистических работах может говориться о той и о другой функции; важным в таком случае оказывается их разграничение. Так, Н.Н.Семенюк выделяет оценочную функцию как элемент социального аспекта нормы, а описательную функцию — как элемент собственно лингвистического аспекта³⁴.

В концепциях, признающих вариативность, оценочная функция нормы часто трактуется как одна из основных особенностей нормы. Но и в тех случаях, когда концепцией не предусмотрено само понятие вариантности языковых явлений, оценочная функция остается важной. В первом случае она регламентирует выбор одного варианта из нескольких и обладает разной степенью императивности; во втором случае выбор сводится к двум возможностям: явление может быть либо нормативно, либо ненормативно.

Подробно оценочный аспект нормы рассматривал Г.В.Степанов: «Во-первых, объективная норма, т.е., иначе

³³ Сиротинина О.Б. Основные критерии хорошей речи. // О.Б.Сиротинина, Н.И.Кузнецова, Е.В.Дзякович и др. Хорошая речь. — Саратов, 2001. — С.15-16.

³⁴ Лингвистический энциклопедический словарь. — М., 1990. — С.337.

говоря, осуществленный выбор одной из возможных реализаций, предоставляемых системой..., всегда предшествует элементу оценки, т.е. аксиологической норме. Во-вторых, необходимо установить, что с чем сравнивается. ... Совершенно очевидно, что ... понятие правильности... смешивается с понятием образцовости... Кроме этого объективного («нормального») пласта имеется целый ряд явлений, нормативность которых определяется престижем, авторитетом той или иной формы речи»³⁵. Разграничение понятий «образцовость» и «правильность» позволяет разрешить ряд противоречий между нормой ЛЯ и местной нормой (традицией). Оценочная функция нормы в таком случае также будет двойственной: явление будет сравниваться с «образцом» или с некой общепринятой традиционной формой.

В русской лингвистике долгое время подвергалась сомнению сама возможность оценки языка с точки зрения нормы: «...в дореволюционной науке... задачей лингвиста считалось лишь объективное описание фактов языка»³⁶. Такая позиция оценивается С.И.Ожеговым и Р.Р.Гельгардтом отрицательно. В то же время много говорится, во-первых, о разрыве, существующем между «нормативными установлениями» и оценкой носителями языка тех или иных фактов³⁷, а во-вторых, о проблеме источника оценки. Исследователи часто указывают на присутствие личного вкуса, личных языковых привычек, субъективности в оценках языковых явлений³⁸. Попытки так или иначе описать и решить все эти проблемы характеризуют собственно-лингвистический подход.

3.6.2. В работах по истории ЛЯ основной упор сделан на описательную функцию нормы, однако представление о важной роли аксиологической и ортологической функций

³⁵ Степанов Г.В. О двух аспектах понятия языковой нормы. // Язык. Литература. Поэтика. — М., 1988. — С.90-91.

³⁶ Ожегов С.И. Очередные вопросы культуры речи. // Вопросы культуры речи. Институт языкознания АН СССР. — Вып. 1. — М., 1955. — С.8.

³⁷ Гельгардт Р.Р. О языковой норме. Вопросы культуры речи. Институт языкознания АН СССР. — Вып.3. — М., 1961. — С.24.

³⁸ См. Ожегов С.И. О нормах словоупотребления. // Лексикология. Лексикография. Культура речи. — М., 1974. — С.285-291.

нормы — одно из главных положений, например, концепции Б.А.Успенского³⁹. Не менее важна аксиологическая и ортологическая функции нормы в концепции М.Л.Ремневой: именно на общественной оценке тех или иных языковых явлений как правильных для того или иного типа нормы и формируются сами типы⁴⁰.

Однако ортологическая норма в дограмматический период истории ЛЯ имеет свою специфику (здесь мы переходим к проблеме кодификации). Если оценочный аспект нормы теоретически может существовать и до кодификационных работ (на уровне оценки «красиво — некрасиво», «уместно — неуместно» и под.), то возможно ли говорить о предписаниях до того, как были написаны первые грамматики и словари? Если мы принимаем точку зрения, согласно которой кодификация возможна в форме «образцовых текстов», то да, хотя тогда рекомендации и предписания будут существовать как традиция. Соответственно, сила подобных запретов и рекомендаций может быть расценена в некоторых случаях как большая, нежели сила запретов и рекомендаций кодификационных документов, а в некоторых случаях — как меньшая.

3.6.3. Аксиологическая и ортологическая функции нормы играют важную роль в социолингвистике, так как именно употребление элементов, которые языковой коллектив квалифицирует как «правильные — неправильные» или «уместные — неуместные», характеризует и языковую личность, и функционирование языка в социуме. Позицию Н.Б.Мечковской от позиции В.И.Беликова и Л.П.Крысина здесь отличает только признание нормы, существующей в виде традиции у некодифицированных подсистем языка⁴¹.

3.6.4. Так как главная задача традиционных курсов культуры речи — научить говорить правильно, в соответствии с нормами ЛЯ, то есть предотвратить и исправить ошибки, то аксиологическая и ортологическая функции здесь —

³⁹ Успенский Б.А. История русского литературного языка (XI — XVII вв.). — М. 2002. — С.9, 16.

⁴⁰ Ремнева М.Л. Пути развития русского литературного языка XI-XVII вв. — М.2003. — С.29.

⁴¹ Мечковская Н.Б. Социальная лингвистика. — М.2000. — С.35.

важнейшие составляющие нормы. В рамках традиционных представлений не может быть признано наличие нормы у нелитературных подсистем языка; все они оцениваются отрицательно; норма должна быть кодифицирована; предписания словарей и грамматик не могут подвергаться сомнению и обязательны для выполнения. Однако в современных работах по культуре речи наблюдается смещение от оценки языкового факта как «правильного — ошибочного» в сторону оценки «целесообразный — нецелесообразный»⁴². Однако в работах по культуре речи норма — именно правила отбора и использования языковых средств в определенной коммуникативной ситуации (вне зависимости от того, признают авторы концепции наличие вариантных языковых средств в рамках нормы или нет). В первом случае правила регламентируют выбор наиболее удачного средства среди нормативных вариантов, во втором — выбор единственно верного (нормативного) варианта среди ненормативных средств. Если в традиционных работах мы видим бинарную оппозицию по признаку нормативности (норма — не-норма), которой соответствует «рекомендательная» и «запретительная» оценки, то в работах последних лет выстраивается уже градуальная оппозиция: между «правильным» и «неправильным» выделяются явления, которые нельзя оценить однозначно.

Это привело к тому, что в некоторых работах выделяется два типа норм: императивные нормы (они строго обязательны, их нарушение расценивается как слабое владение русским языком) и диспозитивные нормы (они допускают стилистически различающиеся или нейтральные варианты)⁴³.

Работы по культуре речи «нетрадиционного типа» унаследовали представление о любом отступлении от нормы как об ошибке. Однако их основное отличие

⁴² «Норма не делит средства языка на хорошие и плохие, а указывает на их коммуникативную целесообразность.» Л.А.Введенская. Л.Г.Павлова. Деловая риторика. — Ростов-на-Дону, 2001. — С.186.

⁴³ Плещенко Т.П., Федотова Н.В., Чечет Р.Г. Стилистика и культура речи. — Минск, 2001. — Гл.1, §3.

заключается в понимании того, что предписания словарей и грамматик не выполняются большинством носителей ЛЯ. Речь, полностью соответствующая нормам ЛЯ, описывается как недостижимый идеал, что, однако, не уничтожает понятия ошибки. Сторонники теории трех речевых культур, с одной стороны, делают попытку беспристрастно описать сложившуюся ситуацию, с другой стороны, даже признавая преобладание в обществе среднелитературной культуры, они оценивают ее в первую очередь как набор отклонений от нормы, которая в наибольшей степени реализуется в элитарной речевой культуре.

Представления об оценочной функции нормы присутствуют в работе практически всех ученых, однако различаются воззрения на принципы и основы оценки. Выявляется прямая взаимосвязь между наличием ортологической функции и статусом вариантов: в тех теориях, которые признают наличие вариантов в рамках нормы, ортологическая функция часто выражается в рекомендации к выбору того или иного варианта в том или ином случае (т.е. норма здесь диспозитивна); в тех теориях, в которых упор делается в первую очередь на единство, унифицированность и общеобязательность нормы, ортологическая функция сводится к выделению одного варианта как допустимого и нормативного; соответственно, другие варианты квалифицируются как ошибочные (т.е. норма здесь императивна).

3.7. Селективная и охранительная функции нормы

В некоторых работах упоминаются также селективная и охранительная функции нормы. По сути, это две характеристики одного и того же свойства: одни явления языковой действительности норма вбирает в себя, другие — отвергает. Каждая из концепций актуализирует либо тот аспект нормы, либо другой.

Селективная функция нормы заключается в отборе из диалектов, просторечия и жаргонов наиболее выразительных языковых средств. Этот аспект нормы считал важнейшим для

ее сложения, например, С.И.Ожегов⁴⁴. Охранительная функция (как способствующая поддержанию целостности и единства ЛЯ) особенно подчеркивается в работах по социолингвистике и культуре речи. Видимо, на этапе сложения ЛЯ большую роль играет селективная функция нормы, на этапе дальнейшего развития — охранительная.

3.8. Нормализация и кодификация

Термины «нормализация» и «кодификация» в некоторых работах являются синонимами, однако логичным представляется их различение.

В.А.Ицкович считает нормализацией не простое описание нормы или ее кодификацию в строгом смысле слова, а «активное вмешательство в языковой процесс, например, введение определенных терминов и отказ от других, как нежелательных по каким-нибудь причинам»⁴⁵.

Л.И.Скворцов считает нормализацию частью кодификации и фактически приравнивает первую к стандартизации⁴⁶.

Для Л.К.Граудиной «нормализация» — это комплекс проблем, предполагающих освещение следующих аспектов: «1) изучение проблемы определения и установления нормы ЛЯ; 2) исследование в нормативных целях языковой практики в ее отношении к теории; 3) приведение в систему, дальнейшее совершенствование и упорядочение правил употребления в случаях расхождения теории и практики, когда появляется необходимость укрепления норм ЛЯ»⁴⁷. Кодификация оказывается более узким и специализированным термином; так, Л.К.Граудина использует его в тех случаях, когда речь идет о регистрации правил в нормативных трудах⁴⁸.

⁴⁴ Ожегов С.И. Очередные вопросы культуры речи. // Вопросы культуры речи. — Институт языкознания АН СССР. — Вып 1. — М., 1955. — С.15.

⁴⁵ Ицкович В.А. Норма и ее кодификация. // Актуальные проблемы культуры речи. — М., 1970. — С.13-14.

⁴⁶ Скворцов Л.И. Теоретические основы культуры речи. — М., 1980. — С.34.

⁴⁷ Граудина Л.К. Вопросы нормализации русского языка: Грамматика и варианты. — М., 1980. — С.3.

⁴⁸ Культура русской речи. Ред. Граудиной Л.К., Ширяева Е.Н. — М., 1998. — С.13.

В книге Т.П.Плещенко, Н.В.Федотовой и Р.Г.Чечет нормализация — это «процесс становления, утверждения нормы, ее описания, упорядочения языковедами. Нормализация представляет собой исторически длительный отбор из языковых вариантов единых, наиболее употребительных единиц. Нормализаторская деятельность находит свое выражение в кодификации литературной нормы — ее официальном признании и описании в виде правил (предписаний) в авторитетных лингвистических изданиях (словарях, справочниках, грамматиках). Следовательно, кодификация — это выработка свода правил, который приводит в систему нормированные варианты, «узаконивает» их)⁴⁹.

3.8.1. В общетеоретических лингвистических работах наблюдается два типа представлений о роли кодификации: одни ученые считают, что только кодификация и сознательное поддержание делают языковую традицию собственно нормой. Обычно именно они считают наличие нормы отличительной чертой ЛЯ. Другие ученые не отводят столь большой роли кодификации, полагая, что если у некодифицированной подсистемы существует традиция языкового функционирования, то этого достаточно для того, чтобы говорить о норме.

Больше всего разногласий вызывают принципы кодификации и ее прескриптивная значимость. Что должно быть кодифицировано: массовое употребление или употребление, принятое в каких-то определенных кругах (среди образованных людей; среди авторитетных людей; среди жителей определенной местности и т.д.)? Сложность также представляет вопрос об истоках и формировании нормы: что оказало наибольшее влияние на уже сложившуюся норму и на что, соответственно, стоит обращать наибольшее внимание при современной кодификации?

Лингвистический энциклопедический словарь выделяет три признака, необходимых для признания нормативности языкового факта: «Признание нормативности языкового

⁴⁹ Плещенко Т.П., Федотова Н.В., Чечет Р.Г. Стилистика и культура речи. — Минск, 2001. — Гл.1, §4.

явления или факта основывается на наличии по крайней мере трех признаков: на соответствии данного явления структуре языка; на факте массовой и регулярной воспроизводимости данного явления в процессе коммуникации; на общественном одобрении и признании соответствующего явления нормативным. Наиболее эксплицитной и «объективизированной» формой такого одобрения является кодификация...»⁵⁰

Большая часть ученых выступает против представления о норме как о «среднем арифметическом» языкового употребления, однако и субъективность в кодификации оценивается отрицательно⁵¹. Р.Р.Гельгард разделяет кодификацию и образцовость: нормативная грамматика не является «действующей моделью», поэтому появляется некий «образец» речи в виде живой действующей модели — речи конкретных лиц, общественных классов, социальных групп»⁵² и т.д. Поэтому художественная литература имеет большое значение для развития ЛЯ, но нельзя идеализировать ее как материал нормализации и кодификации.

Значение языка художественной литературы для нормализации и кодификации ЛЯ исследуется в работах по истории ЛЯ: в дограмматический период в качестве «действующей модели нормы» часто выступали произведения литературы.

3.8.2. Положение о кодификационной роли образцовых литературных текстов поддерживают практически все ученые, занимающиеся историей ЛЯ⁵³. На начальных этапах развития языка отношения между нормализацией (кодификацией) и ЛЯ были несколько иными, нежели на поздних: «Кодификация как признак

⁵⁰ Лингвистический энциклопедический словарь. — М., 1990. — С.338.

⁵¹ Ожегов С.И. О нормах словоупотребления. // Лексикология. Лексикография. Культура речи. — М., 1974. — С.285-291.

⁵² Гельгард Р.Р. О языковой норме. // Вопросы культуры речи. — Институт языкознания АН СССР. — Вып.3. — М., 1961. — С.27-28.

⁵³ Едличка А. Проблематика нормы и кодификации литературного языка в отношении к типу литературного языка // Проблемы нормы в славянских литературных языках в синхронном и диахронном аспектах. — М., 1976. — С.19, Ремнева М.А. Пути развития русского литературного языка XI-XVII вв. — М., 2003. — С.32.

нормы ЛЯ обуславливает высокую степень императивности литературной нормы и ее значительную стабильность...По мере развития ЛЯ роль целенаправленного отбора возрастает, а формы сознательного воздействия на язык постепенно становятся все более разнообразными и научно обоснованными»⁵⁴.

3.8.3. В социолингвистике кодификация рассматривается как нечто, присущее системе ЛЯ в целом; проблемы принципов кодификации отдельных языковых фактов не рассматриваются⁵⁵. Н.Б.Мечковская выделяет два типа кодификации (в образцовых текстах и в специальных трудах)⁵⁶. Она также отмечает невозможность кодификации внелитературных подсистем⁵⁷, так как не каждое описание является кодификацией: описание должно быть составлено с целью упорядочить и закрепить, т.е. оно должно обладать аксиологической и ортологической функциями.

3.8.4. В рамках теории культуры речи принято опираться на представления Пражской лингвистической школы, где разграничиваются понятия нормы (объективных правил) и кодификации (научного описания, практического закрепления этих правил): «Норма динамически соотносится с узусом, традицией употребления и структурой ЛЯ. Успехи сознательной нормализации языка зависят от соблюдения условий, сформулированных Пражским лингвистическим кружком: 1) способность стабилизации ЛЯ. Стремление к стабилизации ЛЯ не должно приводить к его нивелировке; 2) не углублять различий между устным и письменным языком; 3) сохранять варианты и не устранять функциональных и стилистических различий... Нормализация включает в себя стихийные и сознательные процессы отбора нормативных реализаций в условиях их общественной оценки»⁵⁸. Таким образом, положения Пражского лингвистического кружка направлены не на изучение уже сложившихся и кодифицированных норм, а на

⁵⁴ Ремнева М.А. Пути развития русского литературного языка XI-XVII вв. — М., 2003. — С.28.

⁵⁵ Беликов В.И., Крысин Л.П. Социолингвистика. — М., 2001. — С.41-42.

⁵⁶ Мечковская Н.Б. Социальная лингвистика. — М., 2000. — С.38-39.

⁵⁷ Там же, С.38.

⁵⁸ Лингвистический энциклопедический словарь. — М., 1990. — С.247.

создание такой кодификации ЛЯ, которая не приведет к его нивелировке.

Учебники по культуре речи, напротив, предпочитают не рассматривать проблемы кодификации и нормализации, представляя уже готовые нормы как авторитетные и общеобязательные. Самое большее, в них может содержаться указание на источники нормы (почти всегда указывается как массовое употребление, так и «элитарная» речь)⁵⁹.

Теоретические проблемы кодификации подробно рассматривают те ученые, которые занимаются разработкой теории типов речевых культур. Вопрос о том, что именно подлежит кодификации, оказывается одним из самых важных, и, в то же время, одним из самых сложных. Предложенный еще С.И.Ожеговым в качестве объективного параметр соответствия явления тенденциям развития системы языка невозможно применить на практике: «...с одной стороны, взаимодействие системы и нормы достаточно сложно (вмешивается фактор аналогии, давление масс), а с другой стороны, пока еще лингвисты плохо прогнозируют развитие самой языковой системы»⁶⁰. Выделение типов речевой культуры оказывается компромиссным решением между представлением о существовании «идеального» ЛЯ и распространенностью ошибочного употребления⁶¹. Распространенность ошибочного употребления заставляет исследователей предлагать его кодификацию в словарях (хотя бы с пометкой доп.)

В настоящей работе рассмотрены лишь некоторые из многочисленных исследований, посвященных проблеме языковой нормы или определенным образом с ней связанных. Однако рассмотренный материал позволяет предположить, что характерные свойства языковой нормы,

⁵⁹ Введенская Л.А., Павлова Л.Г. Деловая риторика. — Ростов-на-Дону, 2001. — С.185.

⁶⁰ Сиротинина О.Б. Типы речевых культур и проблема кодификации. // Словарь и культура русской речи. К 100-летию С.И.Ожегова. — М., 2001. — С.315.

⁶¹ Там же, С.315.

выделяемые в них, различаются в зависимости от целей и сферы конкретного исследования. При этом выделяемые в работах свойства и функции нормы чаще всего являются полярными реализациями неких глобальных свойств этого феномена.

Определенная концепция нормы строится на постулатах, которые определяют ее рассмотрение. Так, если авторами постулируется как основное свойство нормы единство или унифицированность, то вопрос о возможности существования вариантов в рамках нормы будет решаться отрицательно, а сама норма будет связываться исключительно с кодификацией (как выделением одного нормативного варианта) и будет существовать только применительно к ЛЯ. Норму в таких концепциях характеризует стабильность, ее динамика может оцениваться отрицательно. Основной функцией нормы в такой концепции станет ортологическая и аксиологическая в их «охранительном» варианте, а ориентироваться при кодификации, скорее всего, будет предложено на язык «элиты». Кроме того, кодификация здесь рассматривается как нечто первичное по отношению к живому языку: предполагается, что именно она поддерживает и направляет развитие ЛЯ.

Если исследователь допускает возможность существования вариантов в рамках нормы, то основной функцией нормы становится рекомендательная; такие концепции часто допускают существование нормы (в форме традиции) и в нелитературных подсистемах языка. Иногда выделяется несколько типов нормы даже в рамках ЛЯ. В таких концепциях подчеркивается главным образом динамичность нормы, ее статичность может рассматриваться как искусственное свойство, создаваемое кодификацией. Сама кодификация здесь не имеет такого авторитета, как в концепциях первого типа: она субъективна, ретроспективна и не отражает истинного положения вещей. Часто исследователи, которые исходят из таких положений, призывают ориентироваться при кодификации на языковое употребление большинства.

Подобные обобщения, разумеется, крайне схематичны, но тенденции просматриваются достаточно

четко. В большинстве работ, однако, могут сочетаться те и другие подходы к феномену языковой нормы.

На характер описания нормы существенное влияние оказывают цели и задачи исследования: в работах по истории ЛЯ априорно принимается положение, согласно которому норма возможна и до кодификации (пусть и в форме образцовых текстов). В работах по культуре речи главным объектом рассмотрения оказывается статичность и ортологическая функция нормы. Наиболее объективны работы, посвященные собственно феномену языковой нормы, однако и в них авторы исходят из определенных, априорно заданных, постулатов.

Тем не менее, несмотря на полярность описаний нормы, сомнений в ее объективном существовании в языке как у лингвистов, так и у рядовых носителей языка не возникает. Возможно, норму как феномен речи можно описать именно через психологические механизмы восприятия речи (попытки связать понятие нормы с психологией встречаются, например, в работе Н.Б.Мечковской). Норма существует в момент восприятия текста реципиентом — как некий «эталон», с которым сравнивается текст. Несомненно, что эталоны дружеского письма, общения в чате или научной статьи будут различаться, причем различие это будет зависеть и от личности реципиента: эталон научной статьи в представлениях продавщицы и доктора наук будет обладать разными «дифференциальными признаками». Несовпадение представлений о «норме» того или иного типа текста могут порождать как комический эффект, так и конфликт.

Существует ли норма в момент порождения речи? Да. Очевидно, она связана с механизмом самоконтроля, который осуществляется во время порождения речи.

Что касается нормы как феномена языка, то и здесь можно предположить, что языковая норма существует именно как отношение: момента времени и течения времени; единичного и множественного; фиксации и предписания; «элиты» и «массы» и т.д. Именно это свойство позволяет ученым, работающим в рамках различных

дисциплин, рассматривать этот феномен с разных точек зрения и при этом наделять его одинаковыми «дифференциальными признаками», описывая их при этом с той позиции, которая требуется для задач конкретного исследования.

Библиография

1. Беликов В.И., Крысин Л.П. Социолингвистика. — Москва: Институт «Открытое общество», 2001.
2. Введенская Л.А. Культура речи. — Ростов-на-Дону, 2001.
3. Введенская Л.А., Павлова Л.Г. Деловая риторика. — Ростов-на-Дону: МарТ, 2001.
4. Виноградов В.В. Вопросы образования русского национального литературного языка. // Избранные труды. История русского литературного языка. — Москва, 1978.
4. Гельгардт Р.Р. О языковой норме. // Вопросы культуры речи. Институт языкознания АН СССР. Вып.3. — Москва, 1961.
5. Головин Б.Н. Как говорить правильно. Заметки о культуре речи. — Горький, 1966.
6. Граудина Л.К. Вопросы нормализации русского языка: Грамматика и варианты. — Москва, 1980.
7. Едличка А. Проблематика нормы и кодификации литературного языка в отношении к типу литературного языка // Проблемы нормы в славянских литературных языках в синхронном и диахронном аспектах. — Москва, 1976.
8. Истрина Е.С. Нормы русского литературного языка и культура речи. — Москва; Ленинград, 1948.
9. Ицкович В.А. Норма и ее кодификация. // Актуальные проблемы культуры речи. — Москва, 1970.
10. Культура русской речи / Под ред. Л.К.Граудиной, Е.Н.Ширяева. — Москва, 1998.
11. Лабов У. Исследование языка в его социальном контексте. // Новое в лингвистике. Вып.7: Социолингвистика. — Москва, 1975.
12. Лингвистический энциклопедический словарь. — Москва, 1990.
13. Мечковская Н.Б. Социальная лингвистика. — Москва, 2000.

14. Ожегов С.И. О нормах словоупотребления. // Лексикология. Лексикография. Культура речи. — Москва, 1974.
15. Ожегов С.И. Очередные вопросы культуры речи. // Вопросы культуры речи. Институт языкознания АН СССР. Вып 1. — Москва, 1955.
16. Плещенко Т.П., Федотова Н.В., Чечет Р.Г. Стилистика и культура речи. — Минск, 2001.
17. Ремнева М.Л. Пути развития русского литературного языка XI-XVII вв. — Москва, 2003.
18. Сиротинина О.Б. Основные критерии хорошей речи. // О.Б.Сиротинина, Н.И.Кузнецова, Е.В.Дзякович и др. «Хорошая речь». — Саратов, 2001.
19. Сиротинина О.Б. Типы речевых культур и проблема кодификации. // Словарь и культура русской речи. К 100-летию С.И.Ожегова. — Москва, 2001.
20. Скворцов Л.И. Теоретические основы культуры речи. — Москва, 1980.
21. Степанов Г.В. О двух аспектах понятия языковой нормы. // Язык. Литература. Поэтика.— Москва, 1988.
22. Успенский Б.А. История русского литературного языка (XI — XVII вв.) — Москва, 2002.
23. Шварцкопф Б.С. Колебание нормы: его сущность и статус. // Словарь и культура русской речи. К 100-летию со дня рождения С.И.Ожегова. — Москва, 2001.
24. Ширяев Е.Н. Современная теоретическая концепция культуры речи. // Культура русской речи. — Москва, 2000.
25. Щерба Л.В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании. // Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. — Ленинград, 1974.

Любимова А.А. Языковое манипулирование в СМИ как способ разрушения языковой картины мира и традиционной системы ценностей.

Под **языковым манипулированием** мы понимаем скрытое воздействие на реципиента (группу индивидов), совершаемое в интересах воздействующей стороны, с целью достижения определенного эффекта. Путем манипуляции в сознание внедряются идеи, образы, ассоциации, стереотипы, которые могут полностью, причем незаметно для человека, изменить его отношение к миру.

Языковое манипулирование основывается, в первую очередь, на ломке языковой картины мира объекта манипулирования (реципиента), замене одних опорных элементов мировосприятия другими.

Языковая картина мира — отраженные в языке представления данного языкового коллектива о строении, элементах и процессах действительности, осуществляемое средствами языковой номинации изображение человека, его внутреннего мира, окружающего мира и природы (Азимов, Щукин: 430). Языковая картина мира во многом определяется системой социальных ценностей — совокупностью нравственных и эстетических требований, выработанных человеческой культурой, закрепленной в традициях и принимаемых данным сообществом.

Понятие языковой картины мира восходит, с одной стороны, к идеям В. фон Гумбольдта и неогумбольдтианцев о внутренней форме языка, и с другой, — к идеям американской этнолингвистики, в частности, к гипотезе лингвистической относительности Сепира—Уорфа.

Еще В. фон Гумбольдт подчеркивал взаимозависимость языка и мышления и обусловленность мышления каждым конкретным языком, заключающим в себе свою национальную самобытную классификационную систему, определяющую мировоззрение носителей данного языка и формирующую их картину мира. По мысли В. Гумбольдта, овладевая другими языками, человек расширяет «диапазон человеческого существования», то есть постигает при

помощи языка — через «языковое мировидение» — картины мира другого народа. (Гумбольдт: 82).

Согласно теории «лингвистической относительности» американских исследователей, язык является средством формирования мышления и ментальности народа, способом познания внешнего мира. «Мы видим, слышим и вообще воспринимаем мир именно так, а не иначе, главным образом благодаря тому, что наш выбор при его интерпретации предопределяется языковыми привычками нашего общества» (Сепир: 261). По гипотезе Сепира—Уорфа, язык определяет сам логический строй мышления: люди членят мир, организуя его в понятия и распределяя значения определенным образом, поскольку являются участниками соглашения, действующего лишь для конкретного языка. По мнению Бенджамина Уорфа, «наш лингвистически детерминированный мыслительный мир не только соотносится с нашими культурными идеалами и установками, но захватывает даже наши, собственно, подсознательные процессы в сфере своего влияния и придает им некоторые типические черты» (Уорф: 85).

Если концепция языковой картины мира восходит к идеям Гумбольдта и теории этнолингвистики, то сам термин «языковой картины мира» был впервые введен Л.Вайсгербером в работах об «ословливания мира» (Worten der Welt): «Родной язык как форма существования общественного раскрытия языковой силы полноценно участвует в базовом энергетическом характере языка. В особенности следует понимать его «существование» как длительный процесс осуществления языкового мирозидания (Weltgestaltung) посредством языкового сообщества. Если назвать процесс языкового мирозидания Worten der Welt, то родной язык есть процесс **воссоздания мира** посредством слова его языковым сообществом» (Вайсгербер: 277—278).

Одним из фундаментальных свойств языковой картины мира является ее различие у разных языковых сообществ. За внешним сходством формальной структуры ядра языкового сознания у носителей разных языков могут стоять разные «образы мира», как, например, у англичан и русских. Например, там, где носитель русского языка употребит

слово *рад* или *обрадоваться*, англичанин скажет *happy* (счастлив) (Красных: 20).

Расхождения между языковыми картинками, наиболее очевидные в лексике (непереводимые слова), могут затрагивать и намного более глубокие слои языковой системы, как например, принципы категоризации. Так, если для носителей большинства мировых языков очевиден (с определенными модификациями) принцип выделения языковых родо-видовых категорий «живое — неживое», «человек — не человек», «мужской пол — женский пол», то в языке аборигенов Австралии классификация осуществляется по другим категориям. Так, в первую категорию *Bayi* (всего их четыре), входят мужчины, кенгуру, опоссумы, луна, радуги, бумеранги, некоторые насекомые и т.д., во вторую — *Balan* — женщины, бадикуты, сверчки, звезды, щиты, волосатые гусеницы (Лакофф: 129—130).

Языковая картина мира находится в прямой зависимости от языковых изменений, тесно связана с вопросом взаимодействия языка и общества.

При исследовании языковой картины мира мы будем использовать понятия общества, общественного сознания и индивид (реципиента).

Под обществом мы понимаем совокупность людей, объединенных общими социальными, экономическими, политическими и культурными связями и осуществляющих в повседневной жизни непосредственные и опосредованные контакты друг с другом и с различными социальными институтами при помощи одного языка или разных языков, распространенных в этой совокупности. (Беликов, Крысин: 20).

Еще одно понятие, требующее пояснения, — общественное сознание. В современной философии существует несколько пониманий общественного сознания, причем, если в отечественной традиции это направление развивалось широко, то в зарубежной традиции часто отсутствует даже сам термин, использование термина «*public conscience*» является, скорее, исключением. Единственный сопоставимый термин, употребляемый в западных исследованиях и зафиксированный в

энциклопедических изданиях (Encyclopedia Britannica) — «общественное мнение» (public opinion).

В научной литературе нет единого определения понятия «общественное сознание»: «в теории общественного сознания многие вопросы лишь поставлены и не получили еще своего обоснования» (Уледов: 58). Широко используемое определение: «совокупность идей, взглядов, представлений, существующих в обществе в данный период, в котором отражается социальная действительность» (Волкогонов: 12) действительно оставляют без ответа много вопросов (о субъекте общественного сознания, о процессе и принципе сложений сознаний и т.д.)

Под общественным сознанием мы будем понимать совокупное сознание общества в определенный исторический период: совокупность специфически человеческих форм субъективных отражений реальности, которые могут быть поняты только как продукт тех отношений и опосредований, которые возникают в ходе становления и развития общества.

Под реципиентом, или получателем информации средств массовой коммуникации, мы понимаем, аудиторию СМИ как совокупность языковых личностей, каждая из которых представляет собой совокупность речемыслительных особенностей данного речекультурного образования (Трубецкой: 105).

Языковое манипулирование является одним из аспектов сложного диалектического процесса взаимодействия языка и общества, некоторые закономерности которого представляют для нас интерес в контексте поставленной проблемы.

Взаимодействие языка и общества имеет двусторонний характер: как общество воздействует на язык, так и язык воздействует на общество. Долгое время во всех научных исследованиях взаимодействие языка и общества, языка и национального характера изучалось лишь в направлении воздействия социально-культурных и исторических факторов на языковые процессы. Действительно, развитие общества является главным импульсом для развития языка. Поскольку «язык всеми тончайшими фибрами сросся ... с силой национального

духа» (Гумбольдт: 47), он представляет интерес с точки зрения цивилизационного научного подхода при изучении культуры. «Система культурных моделей той или иной цивилизации фиксируется в языке, выражающем данную цивилизацию» (Сепир: 233). В литературе нередко отмечалось, что язык реагирует на общественные изменения более чутко, чем другие области культуры, изменения в обществе могут затрагивать фонетику, лексику, грамматику. Наиболее зависимой от развития общества, от внешних контактов страны, от ее технического развития является лексика. Особенно отчетливо языковые изменения заметны в моменты крупных общественных сдвигов. В отечественном языкознании были подробно исследованы языковые процессы, происходящие в моменты социальных революций. Р.Блакар отмечает, что именно в моменты кризисов и резких перемен мы замечаем, как язык осуществляет свою власть над нами. Он приводит в качестве доказательства слова двух исследователей — Х.Энзесбергера («Крушение в 1945 г. германского рейха привело к катастрофе в языке») и В.Хинтона («Каждая революция создает новые слова. Китайская революция создала целый новый словарь») (Блакар:100).

Обращаясь к материалу русского языка, можно привести примеры лексических изменений, произошедших вследствие исторических событий 1920-х годов, которые «не могли не наложить отпечатка на наш язык... Уходит со сцены государственная, административная, судебная, церковная, финансовая и т. д. терминология в связи с уничтожением старых учреждений, должностей, чинов, титулов (ср., например: *губернатор, департамент, гимназия, городской, экзекутор, столоначальник, подать, акциз, мещанин, гласный, богадельня, приют*). Уходит и многообразная лексика, связанная с общественными и бытовыми отношениями капиталистического общества (ср., например: *прошение, проситель, обыватель, господин, барин, гувернер, инородец, прислуга, провинция, харчевня, лакей*)» (Ожегов: 30—32).

С другой стороны, язык как автономное явление может, как творческий феномен, в свою очередь, оказывать воздействие на общество, на движение истории,

предвосхищая и даже моделируя события. Одна из любопытных концепций взаимодействия общества и языка была предложена французскими структуралистами в 60-е гг. XX века. Структуралисты считали, что человек создается набором структур. Люди представляют собой подобие шахматных фигур, лингвистических, математических или геометрических единиц: они не существуют вне уже установленных отношений, а лишь специфицируют вид поведения. Человек может обдумывать и описывать структуры, но он уже не субъект, не суверенное сознание. По мнению М.Фуко, именно набор структур по сути потенциально создает человека; он, разумеется, может их обдумывать, описывать, но он уже не субъект, не суверенное сознание. Из этого следует, что, разрушив структуры, можно разрушить и человека, и общество. Эта мысль подготовила почву для студенческих выступлений в Париже в мае 1968 г. Новые левые считали, что современное общество потребления подлежит слому и что разрушить общество можно, предварительно разрушив его язык, который они понимали как единство языковых штампов, клише, стереотипов, избитых лозунгов.

Одним из вдохновителей парижских событий 1968 г. называют Г.Маркузе, автора книги «Одномерный человек». В ней Маркузе затрагивал и проблему манипуляции сознанием через механизмы современного общества. По мысли этого автора, современное индустриальное общество манипулирует людьми, создавая в них рабскую зависимость от благ цивилизации, комфорта и готовых истин, подносимых массовой коммуникацией. «В современную эпоху технологическая реальность вторгается в личное пространство и сводит его на нет. В специфическом смысле развитая индустриальная культура становится даже более идеологизированной ввиду того, что идеология воспроизводит самое себя. Язык и речь становятся магическими, авторитарными и ритуальными элементами. Этот язык постоянно навязывает образы и тем самым препятствует развитию и выражению понятий. Сведение понятия до фиксированного образа, задерживание развития посредством самоуверяющих гипнотических формул, невосприимчивость к противоречию, отождествление вещи

(или человека) с ее (его) функцией, — таковы тенденции, обнаруживающие одномерное сознание в том языке, на котором оно говорит» (Маркузе: 111—112).

Воздействие общества на язык может иметь как открытый, явный, так и скрытый, тайный характер.

Открытое влияние общества на язык может проходить в официально установленных формах. Общество всегда принимало самое активное участие в процессах развития языка, влияя как на его внутривидовую организацию, так и на объем функционирования языка. В государстве может существовать специальный институт, контролирующий каждое языковое правило, введение каждого неологизма (L'Académie Française), могут просто проводиться регулярные реформы языка. Так, можно вспомнить реформу литературного языка при Петре I, введение новой орфографии в России в 1917 г., создание графических систем народов СССР в 20-е годы¹. Именно в связи с подобными изменениями языка обществом в языкознании появился термин «языковая политика». Существуют разные объяснения этого термина. Языковая политика определяет положение языка внутри страны, за ее пределами, внутреннюю структуру языка, включает в себя языковое конструирование и языковое строительство.

Если языковая политика относится к явлениям открытого воздействия общества на язык, механизм которого очевиден и прозрачен, то скрытым влиянием является языковое манипулирование.

Языковое манипулирование отличается от других видов аргументации и воздействия: от риторики — большей скрытостью воздействия, неосознанным для реципиента процессом аргументации; от «промывания мозгов» (brainwashing) — отсутствием физического воздействия и

¹ «У якутов (как и у ряда других, стоявших в аналогичных условиях народностей, напр., у яфетических кавказских) создание национальной графики, принятой к обязательному изучению в школе, открывает собою новую страницу культурной истории народа, с которой, собственно, только и начинается его национальная культура (с письменностью, литературой, краеведением и школой на родном языке; все это было бы невозможно при отсутствии такого необходимейшего орудия духовной культуры, как национальное письмо)». (Поливанов:81)

очевидной психологической агрессии; от пропаганды — менее явной и очевидной нацеленностью на результат воздействия (термин «пропаганда» соотносится с целью и результатом воздействия (пропаганда чего? — фашизма, наркотиков и т.д.), термин «манипулирование» описывает процесс и средства воздействия).

Манипуляция массовым сознанием осуществляется в современном обществе прежде всего через средства массовой информации вербальными и невербальными способами. В СМИ выработан новый манипуляционный язык со своей четкой системой и структурой, фонетическими особенностями, богатым набором средств на всех знаковых уровнях языка — от морфемы до структурно-композиционной организации текста. Для правильного понимания и интерпретирования текстов современных СМИ необходимо глубокое понимание как лингвистических аспектов построения текста, так и экстралингвистических реалий. В противном случае реципиент становится объектом манипулятивного воздействия.

Языковое манипулирование осуществляется на всех уровнях языка — фонетическом (звукосимволизм; просодические средства: ритмическое построение текста, тембральная картина, интонационные конструкции), лексическом (нарушение референции, использование эвфемизмов и дисфемизмов, изменение ассоциативного ряда, создание прагматически нагруженных лексических групп, прагматическое использование неодушевленных существительных в зависимости от референта, а также, введение в текст СМИ слов, значение которых размыто или функционирование которых в дискурсе основано на разном их понимании первым и вторым коммуникантом [«свобода», «демократия», «плюрализм»]); грамматическом (прагматическое использование категории модальности, позволяющей представить реальное событие как ирреальное и желательное как действительное; опущение экспериенцера предложения и пассивизация перформатива как средство переноса акцента с деятеля на действие). В образный строй манипуляционного текста вводятся такие приемы из области риторики, как развернутые метафоры, штампы, мифы, апелляции к

экспертам и «проверенным» данным. Завершается построение манипулятивного текста с помощью прагматической организации текста: путем расстановки смысловых акцентов, количественного соотношения слов, относящихся к основной теме, с одной стороны, и повествующих о второстепенных подробностях, с другой, с помощью композиции материала. В средствах массовой информации создается иллюзия объективного освещения событий, представления различных точек зрения, плюрализма мнений, однако все «альтернативные» идеи количественно и качественно перекрываются основной манипуляционной тенденцией.

В настоящее время традиционная система ценностей российского общества стала объектом манипуляционного воздействия средств массовой информации.

Это воздействие строится, в частности, на том, что языковыми средствами можно переместить то или иное слово из категории «ценности» в категорию «антиценностей» и наоборот.

Например, в тексте программы Е. Масюк «Караван» лексическая единица «наркотик» была выведена из группы слов с отрицательными коннотациями и введена в семантическую группу слов с положительными коннотациями: лекарство, культура, созидание². Внедрение мифа может быть настолько интенсивным, что нередко он укореняется в международной терминологии. Так произошло с ассоциативной парой «легкие» — «тяжелые» наркотики. «Легкий» в сознании реципиента является, во многом, синонимом слова «безопасный», «безвредный» (Уорф: 60). Вместе с тем, при подобном восприятии словосочетания «легкий наркотик» нарушается связь между сигнификатом и денотатом, поскольку, во-первых, действие, оказываемое обоими видами наркотиков — сходное, а, во-вторых, «легкие» наркотики являются первым этапом на пути к

² Подробнее см. Любимова А.А. Прагматическое использование образного языка как способ воздействия на общественное сознание в средствах массовой информации// Сборник тезисов Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов - 2004», М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2004. - С. 240-241.

«тяжелым»). Подобные лексические изменения могут находить свое отражение и в международных нормативных актах, так, например, в результате манипуляционной кампании военная акция блока НАТО против Сербии в 1999 году была названа в документах ООН «акцией по предотвращению гуманитарной катастрофы»³.

Чтобы дать представление о модификации современной системы ценностей, представляется необходимым сравнить систему ценностей, создающуюся современными молодежными СМИ, с традиционной системой ценностей и с системой ценностей россиянина конца XX — начала XXI века.

Традиционную систему ценностей носителя русского языка можно определить в контексте культуuroобразующей роли православия в истории России. По словам французского историка XIX века Л.Болье, «оригинальность России проявляется в реализации Евангельского духа именно в применении этики Христа в общественной и частной жизни»⁴. Следовательно, в соответствии с традиционными представлениями, ценностями являются добродетели, а антиценностями — грехи. Установить перечень составляющих несложно, например, по чину исповеди, приведенному в Требнике. Представим примерную систему ценностей на основе последования к исповеди и книги «В помощь кающемуся» православного епископа Игнатия⁵.

Ценности: целомудрие, любовь к ближнему, верность, скромность, милосердие, самоотречение, самопожертвование, смирение, вера, нестяжание, почтение к старшим, упование на волю Божию, семья («семья — малая Церковь»), ответственное исполнение

³ Подробнее см. Любимова А.А. Интерпретация текста и языковое манипулирование в текстах современных западных средств массовой информации. // Вопросы интерпретации текста. Лингвистика и история литературы. - М.: МАКС Пресс, 2004. - с. 66-78.

⁴ Цит. по Журавлев В.К. Русский язык и русский национальный характер. — М., 2002. — С.12

⁵ Сразу отметим, что значительную категорию ценностей, связанных с религиозной жизнью, была, для простоты сопоставления, обобщена в дихотомию ВЕРА-НЕВЕРИЕ.

работы («работайте Господеви со страхом» Пс.1), Родина (патриотизм).

Антиценности: блуд (блудные дела, мысли, разговоры), прелюбодеяние, нелюбовь к ближнему (гнев, жестокость, избиение, убийство), осуждение, сплетни, нескромность, немилосердие, себялюбие (эгоизм), гордость, неверие, любовь к богатству, чревоугодие, непочтение к старшим, самонадеянность, безответственность, нелюбовь к Родине,

На протяжении XX века языковая картина мира и система ценностей подверглись ряду изменений. К концу XX века, по данным социологических опросов (Базовые ценности современных россиян: 338—341), наиболее значимыми ценностями и антиценностями для россиян (в дальнейшем — современная система ценностей) стали следующие⁶:

Ценности: безопасность (61,4%), внимание к людям (31,1%), достаток (48,1%), любовь (34,6%), дружба (32,6%), здоровье (72,4%), образование (30,8%), семья (56,8%), уважение к родителям (33,2%).

Антиценности: агрессия (38,4%), беззаконие (45,3%), безработица (47,4 %), болезни (45,4%), война (50,2%), жестокость (42,1%), наркомания и алкоголизм (59,4%).

Вместе с тем, такие ценности, как вера (23%), порядочность (25,6%), профессионализм (12,7%), смысл жизни (12,4%), справедливость (21,4%), милосердие (20%) являются менее значимыми для современного человека, чем указанные выше.

Практическая цель настоящей работы — проанализировать способы разрушения языковой картины мира и системы ценностей путем языкового манипулирования в современных средствах массовой информации. Анализ будет производиться на сопоставительном материале средств массовой информации (в первую очередь, печатных изданий) конца XX — начала XXI века. В качестве референтной группы была выбрана подростково-молодежная аудитория (13—19 лет). Молодежные печатные издания характеризуются тем, что их

⁶ Выбраны ценности и антиценности, названные хотя бы 30% респондентов.

аудитория наиболее подвержена информационному влиянию: именно в подростковом возрасте происходит формирование системы ценностей.. В ходе исследования было проанализировано сто выпусков восьми молодежных журналов, выходящих наибольшим тиражом: Севентин (Seventeen), Кул (Cool), Кул-гел (Cool girl), Ровесник, Молоток, Круто, Ес! (Yes!), Упс (Oops). Тираж этих изданий увеличивается: к примеру, если в 1998 г. Севентин выходил тиражом 90 тысяч экземпляров в месяц, то в 2003 тираж составил 100 тысяч экземпляров.

Теперь необходимо остановиться на критериях, которыми мы руководствовались при выявлении лингвистической манипуляции сознанием в средствах массовой информации.

Первый критерий — принцип референции, соотношение с действительностью. Сущность манипуляции сознанием основана на искажении фактов. В некоторых случаях выявить манипуляцию непросто, поскольку интерпретация фактов может определяться мировоззренческой позицией первого и второго коммуникантов. Поэтому объективной опорой, ориентиром при интерпретации и оценке того или иного материала СМИ об актуальных исторических или политических событиях должны быть тексты официальных международных и государственных документов, выражающих сбалансированные позиции и апробированные мнения.

Искажение действительности, тенденциозность и необъективность может иметь ряд реализаций: 1) прямая ложь; 2) создание эмоционально-нагруженного контекста (воздействие на ассоциативное мышление реципиента).

Рассматриваемый критерий строится на референциональном анализе высказывания.

Вторым критерием для нас являются лингвистические аномалии, преднамеренное использование в речи немотивированных системой языка конструкций. Сюда можно отнести нарушения сочетаемости слов (лексической и синтаксической), синтаксической структуры. Нарушенные структуры, за исключением описанных выше, могут нести определенный манипуляционный смысл.

Третий критерий — частотность употребления. В том случае, если определенный прием манипуляции единичен, используется одним журналистом — исследователь еще не имеет достаточных оснований для зачисления его в способы манипуляции. В таком случае речь может идти об авторском оформлении высказывания, стилистических особенностях, однако для научных обобщений оснований в данном случае нет. В том случае, если один и тот же оборот речи, не мотивированный реальной ситуацией и языком, употребляется в ряде статей разных авторов, представляющих различные информационные издания, то речь может идти о сложившемся приеме манипуляции. Манипуляционный прием может повторяться буквально или с определенными вариациями.

Таким образом, при определении способов манипуляции сознанием мы руководствовались, главным образом, тремя критериями: референции, лингвистических аномалий, частотности.

Полученные в ходе исследования результаты можно обобщить в виде следующей таблицы:

Ценность / антиценность	Традиционная система	Современная система	Молодежные СМИ
Брак, семья	+	+	—
Верность	+	+	—
Дружба	+	+	+/-
Ответственность	+	+	—
Работа	+	+	+/-
Родина	+	+	—
Самопожертвование	+	+/-	—
Уважение к старшим	+	+	+/-
Целомудрие	+	+/-	—
Честность	+	+	+
Школа, образование	+	+/-	+/-
Проституция	—	—	+

Воровство	—	—	+
Гомосексуализм	—	—	+

Таким образом, реализация системы ценностей, пропагандируемой современными молодежными средствами массовой информации, будет означать разрушение традиционной системы ценностей и языковой картины мира русского человека.

Рассмотрим подробнее систему ценностей современных молодежных СМИ. Проанализируем лингвистические способы языкового манипулирования как средства разрушения системы ценностей, выявив наиболее характерные тенденции. Можно выделить несколько наиболее частых способов воздействия на сознание с целью разрушения ценностей:

1. Лексические способы.

1.1. Выделение доминантной ценности и устойчивой лексики.

В текст вводится определенная лексическая единица, обозначающая доминантную ценность (наиболее важную для данной социальной группы) и имеющая ряд семантических составляющих - наименований качеств, обладание которыми делает их носителя причастным ко всей группе в целом. Некоторые исследователи относят такие слова к категории слов-амеб, которые «настолько не связаны с конкретной реальностью, что могут быть вставлены практически в любой контекст, сфера их применимости исключительно широка...» (Кара-Мурза: 82) или «идолов толпы» (Л.Витгенштейн). К таким словам можно отнести, например, лексические единицы «крутой» и «гламурный».

*«Любая **гламурная** барышня имеет ряд устойчивых убеждений: она ненавидит дешевый трикотаж ... и предпочитает круассаны с джемом» (Севентин, март, 2003).*

Такие лексические единицы ложатся в основу бинарной дихотомии, позволяющей описывать весь окружающий мир в категориях «гламурно — не гламурно», «круто — не круто». Первая составляющая этой дихотомии приобретает адгерентные (внешние) положительные коннотации, вторая составляющая с отрицательной частицей «не» — отрицательные коннотации.

1.2.Изменение лексической сочетаемости слова (коллокации)

Одним из наиболее распространенных приемов разрушения системы ценностей является особая материализация концептов: слова, обозначающие идеальные, отвлеченные понятия все чаще вводятся в контекст повседневной, сниженной реальности. Таким образом, идеальный сигнификат сопоставляется с материальным денотатом, происходит редукция ценности.

Рассмотрим понятие «удовольствие»:

Словарь В.И.Даля (1907) приводит контексты: «Всякое доброе дело покоит и доволит, доставляя обоюдное удовольствие», «в такое удовольствие нельзя обижать других»⁷. «Василий Петрович... с удовольствием смотрел на море, лунный свет, пароходы и корабли, в первый раз в жизни вдыхая морской воздух»⁸, «Этот детский праздник почему-то доставлял ему своеобразное, наивное удовольствие»⁹. Таким образом, сочетаемость слова представлена группой лексем со значением «добро», «действие», «занятие».

Приведем современный контекст: «Мы можем получать **удовольствие не только от поцелуев, но и от незначительных пустяков** вроде пары новых маек и плитки белого шоколада» (Севентин, Апрель, 2003). В этом примере лексическая единица «удовольствие» вводится в контекст конкретных понятий, круг которых сужается ограничительной конструкцией «не только..., но и». Широкое распространение этого контекста в современной речи подтверждается данными русского ассоциативного словаря, созданного на основе языковой практики последних десятилетий, приведем несколько основных реакций на рассматриваемое слово: «дорогое (материальность понятия — А.Л.), получать, кайф, мороженое, еда, бесплатное, конфета, хорошо, отдых» (Русский ассоциативный словарь, т.1: 680).

⁷ Даль, т. 4, с.938

⁸ Гаршин В.М. «Встреча» цит. по Словарь русского языка, т.4, С. 469.

⁹ Куприн А.И., «Тапер». Там же.

Аналогичная ситуация возникает со словом «убеждение». Традиционная коллокация этого слова, закрепившаяся в архетипах национального сознания, представлена словами, принадлежащими к пласту возвышенной лексики: «Против убеждений своих делать дело трудно»¹⁰, «Убивать животных, это — противно моим убеждениям»¹¹ и т.д.. Молодежные СМИ снижают коллокацию слова «убеждение» до ряда слов с конкретным, в некоторых контекстах — сниженным, значением: «трикотаж, имплантанты, круассаны с джемом». «Любая гламурная барышня имеет ряд устойчивых убеждений: она ненавидит дешевый **трикотаж**, не верит в силиконовые **имплантанты**, скептически относится к слишком коротким **юбкам**, сомневается, что в парламенте должно быть **52% женщин** и предпочитает **круассаны** с джемом» (Севентин, март, 2003). Таким образом, семантическое поле слова «убеждение» дополняется и централизуется вокруг слов «трикотаж», «имплантанты», «круассаны с джемом».

1.3 Изменение ассоциативного ряда и коннотаций.

В процессе манипуляции сознанием соединяются два действия: наряду с основным, «открытым» сообщением реципиенту посылается закодированный сигнал, который должен разбудить в сознании необходимые ассоциативные образы. Ассоциативные поля слова, исследующиеся в рамках психолингвистики, характеризуются объединением вокруг слова-стимула определенных групп слов-ассоциатов; со-ассоциаты, несмотря на их варьирующийся состав у разных информантов, обнаруживают значительную степень общности. Созданы целые словари стандартных ассоциаций, построенные на экспериментальной основе. Сила ассоциаций объясняется частотой совместного появления соассоциатов.

По характеру ассоциаций можно восстановить семантический состав слова-стимула, так как множество ассоциаций, выданных на слово, содержит ряд признаков, аналогичных содержащимся в слове-стимуле

¹⁰ Даль, т. 4, С.918

¹¹ Чехов А.П., «Реалисты», цит. по Словарь русского языка, т.4, С. 443.

Ассоциативные ряды различаются в разных языках, так как ассоциаты укоренены в языковой картине мира народа.

«В последнее время в результате стандартного образования, распространения телевидения и других средств массовой коммуникации увеличилась стереотипность реакций» (Белянин, 1999: 21). Изменение ассоциативного ряда — один из главных показателей изменений в языковой картине мира — влечет за собой возможные смены внутренних (ингерентных) коннотаций слова.

Так, например, лексическая единица «копуша» имеет в русском языке ингерентную отрицательную коннотацию: ««Длинным фитилем» он обычно называл копуш, людей, у которых, как утверждал он, «от головы до ног медленно доходит сознание»¹²». Напротив, слово «порядок» имеет ингерентные положительные коннотации в традиционной речевой практике. Однако в молодежных СМИ намечается тенденция помещения слов, синонимичных словам «копуша», «неряха», «лентяйка», в положительный контекст, а слов группы «порядок» — в отрицательный.

«Психологи наших дней предполагают: **незаправленная кровать** — признак **творческой личности**, а **разбросанные по полу журналы** — доказательство **активной жизненной позиции**. **Беспорядок** в квартире — демонстрация **сексуальной свободы**. А **стерильная чистота**, напротив, признак **скованности**» (Севентин, Ноябрь, 2003; см. также Севентин, Апрель, 2003, Севентин, Март, 2003).

Примеры из области противозаконных действий могут быть еще более яркими подтверждениями вышесказанного — концепту «воровство» также навязываются положительные коннотации:

«**Милые** и **обеспеченные** барышни отдирают **ноготками** ценники от маек, прячут эти **безделушки** в сумки и испытывают **небывалый восторг**, **фланируя** с **невинным** видом мимо охранников» (Севентин, Апрель, 2003).

«В английских клубах **хорошим** тоном **считается** украсть бокал из-под пива, и **многие студенты** так

¹² Саянов В.М., Небо и земля, Там же, т.2, С. 101

поступают. Клептомания — это **полубессознательное** действие, которое вменяемому человеку не понять» (Севентин, Апрель, 2003).

В приведенных примерах использование существительных с уменьшительно-ласкательными суффиксами, лексических (все, многие) и грамматических (настоящее время, третье лицо, множественное число) обобщений, а также слов с положительными ингерентными коннотациями (милые, восторг, хороший тон) привносит в ассоциативное поле слова «воровство» положительные ассоциации.

1.4 Использование полисемии.

Выражение определенного содержания не только основным знаком, но и другими языковыми средствами, использование возможностей асимметрии языкового знака и значения в целях стилистических и риторических, является одним из основных условий языкового манипулирования. Известно, что количество абсолютных синонимов в языках сравнительно невелико, однако существует множество синонимических рядов, в которых слова различаются лишь незначительными оттенками значений или коннотациями. Именно в связи с тем, что одно и то же явление может быть названо разными словами, исследователь Р.Блакар называл слово инструментом власти. В очень тонких различиях между синонимическими единицами заключен один из наиболее важных инструментов манипулятора. Произведя выбор между синонимическими единицами, можно выразить свое отношение к референту. «Даже если отправитель старается «выражаться объективно», видно, что осуществляемый им выбор выражений структурирует и обуславливает представление, получаемое реципиентом. Иными словами, выразиться «нейтрально» оказывается невозможно» (Блакар: 91). В любом языке выбор может производиться как из двух близких по смыслу слов, так и из всего семантического поля — совокупности слов, объединенных общностью содержания и отражающих понятийное свойство обозначаемых явлений. Для номинации авторы манипуляционного дискурса часто выбирают из семантического поля слово, наиболее удаленное по смыслу от семантического ядра, там, где эквивалентность

синонимов минимальна, или слово многозначное, одно из значений которого можно «притянуть» к обозначению номинируемой ситуации. Выбранное слово часто имеет коннотацию, не применимую в данном контексте, или употребление слова не соответствует его словарному определению. Часто лексические единицы являются тождественными лишь в части своих значений, а выбор слова производится из области «непересекающихся», неэквивалентных значений.

Раскроем это явление на примере рекламы ноутбуков I.Ru, адресованной по стилистике, аудио- и видеоряду в первую очередь молодежной аудитории.

В рекламе сменяющие друг друга лица рассказывают о своих отношениях с друзьями: «Каждый день я грузю друзей. А я их развожу. А я их достаю. Я часами вправляю друзьям мозги. А я им вставляю, чтобы были собранными. А я друзей проверяю самыми изощренными способами. А я по ним стучу. А я продаю друзей... каждый день. И это неплохой бизнес. А еще вы можете заказать своего друга».

Манипуляция в данном примере строится на использовании слова «друг» по отношению к компьютерам. Одновременно каждому техническому термину дается другое значение, чаще всего из современного сленга, с отрицательными ассоциациями (коннотациями)¹³:

Грузить — наполнять что-либо грузом (багажом, ноутбуками)	Грузить — обманывать, лгать, фантазировать, пытаться запутать кого-л.; быть тяжелым для восприятия, понимания, производить тяжелое впечатление; сложно выражать мысль, мудрить*.
Развозить (1 л. ед.ч. — развожу) везя, доставить в разные места.	Разводить (1 л. ед.ч. — развожу) — обманывать.*

¹³ Определения, кроме особо отмеченных, приводятся по словарю русского языка. В 4-х тт. — М: Русский язык, 1983.

* Елистратов В. С. Словарь русского арго (материалы 1980-1990-х гг.). - М., 2000

Доставать — взять что-либо, находящееся на расстоянии, извлечь, вынуть что-то.	Доставать — надоедать, изводить кого-л*.
Вправлять мозги — собирать компьютеры.	Вправить мозги (грубое) — убедить кого-либо, часто с использованием угрозы / шантажа / силы
Стучать — неправильное словоупотребление — нельзя стучать на компьютерах, но можно по клавиатуре	Стучать на кого-либо — сообщать неразглашаемую информацию с целью причинения вреда
Продать — отдать за определенную плату (товар)	Продать человека — совершить предательство, измену, из корыстных побуждений.
Заказать — поручить изготовить, исполнить, доставить что-либо.	Заказать человека — организовать заказное убийство кого-л., нанять киллера для убийства кого-л.**

Таким образом, путем многократного повтора, анафоры и ритмической организации текста в подсознание реципиента закладываются современные варианты общения с друзьями: продать друга — неплохой бизнес. Воздействие еще более усиливается аудиовизуальным рядом. Все кадры имеют зеленовато-бледный оттенок, основная часть лиц находится в тени. В некоторых кадрах, особенно очевидны образы фильмов ужасов и потустороннего мира. Аналогичен и закадровый звук, иммитирующий технический скрип. Все в целом создает деструктивное воздействие на сознание.

1.5. Разрушение концептов.

Проанализированный пример использования полисемии в манипуляционных целях логически подводит нас к вопросу о разрушении традиционных концептов в

** Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русского жаргона. - СПб., 2001

языке современных молодежных СМИ. Очевидно, главным способом разрушения концептов является изменение ассоциативного поля. Рассмотрим концепты «Брак / семья», «Дружба», «Любовь», «Женщина», являющиеся в русском языке лексическими единицами с положительными ингерентными коннотациями.

•**Брак / семья.**

«Свадебные ритуалы **лишились смысла** вообще. Свадьба — всего лишь **развлечение**» (Севентин, июнь, 2004).

«Ты начинаешь его медленно **ненавидеть**. **Считай, что ты замужем**. У тебя **не получится** кому-то еще строить глазки и вообще жить как раньше. Он об этом узнает сразу же» (Севентин, май, 2004).

«Девушки счастливы только в браке. Какой **кошмар!**» (Севентин, апрель, 2003).

В данных примерах в традиционное ассоциативное поле (по расчету, по любви, свадьба, счастливый, законный, любовь, навеки, постоянный, — Русский ассоциативный словарь, т.1: 66) привносятся новые понятия: «брак лишился смысла», «всего лишь развлечение», «ненавидеть», «кошмар». Обращение ко второму лицу единственному числу в настоящем времени изъявительного и повелительного наклонений придает новым понятиям и связанным с ними действиям закономерность и универсальность («начинаешь», «считай»).

•**Дружба.**

«Все девушки иногда сплетничают про подружек. Милых девиц хлебом не корми, дай рассказать бойфренду про то, как **ужасно** смотрится **фиолетовая помада** на этой **конопатай идиотке**» (Севентин, ноябрь, 2002).

В данном случае бранное слово с ингерентными отрицательными коннотациями — «конопатая идиотка», — усиленное экспрессивным наречием «ужасно», входит в ингерентно положительный ассоциативный ряд к слову «подружка», традиционно имеющему следующие ассоциации: «друг», «хорошая», «близкая, любимая», «верная», «детства», «дружба», «дружок» (Русский ассоциативный словарь, т.1: 465).

•**Учитель.**

«Вырежи **рожи** своих учителей и приклей их под картинками,» — Статья сопровождается иллюстрациями с изображениями привидений, чудовищ и обнаженных моделей (Круто № 24, 2003).

«А еще наша **класснуха** потом свою фотку принесла» (Молоток, № 46, 2003).

Концепт «учитель» приводятся в контексте дисфемизма, с помощью вербального ассоциативного ряда и невербального графического разрушается ассоциативное поле.

Благодаря частым повторам, подобные ассоциации закрепляются в сознании реципиента.

1.6. Заимствования и сленг.

Проблемы лексических изменений в русском языке, влияния английского языка, заимствованная лексика и молодежный сленг подробно изучаются в современной лингвистике. Однако целесообразно отметить несколько моментов, связанных со употреблением русского литературного языка в молодежных изданиях: намеренно пренебрежительное отношение к лексике, использование максимально возможного количества заимствований, фонетическое написание слов, сокращения.

«Купила **батл** (англ. bottle - бутылка¹⁴) вина» (Круто № 24, 2003).

«У меня **трабл** (англ. trouble - неприятность)» (Круто № 24, 2003).

«**Крейзанутые** (англ. crazy - сумасшедшие) девицы» (Молоток, № 46, 2003).

«**Киндеры** (нем. Kinder — ребенок, дети) узнают, как правильно бакланить (прикидываться дурачками)» (Молоток, № 46, 2003).

«Если есть **бабл** (измененное жаргонное «бабки» - деньги)» (Круто № 24, 2003), «Зарабатывать **бабцос** (деньги)» (Молоток, № 46, 2003).

«В ближайшие **выхи** (сокращенное от «выходные»)» (Молоток № 46, 2003).

«**Лана** (фонетическое написание «ладно»)» (Молоток, № 46, 2003).

¹⁴ Примечания в скобках мои — А.А.

Подобные замены могут также способствовать разрушению концептов. Яркий тому пример — частое использование слова «Раша» вместо «Россия».

2. Синтаксические способы.

2.1. Наиболее частым синтаксическим способом воздействия на сознание реципиента является привнесение в текст статьи **назидательно-нравоучительных конструкций**, построений, свойственных функциональному стилю инструкций. Подобные синтаксические структуры часто используются для выражения рекомендаций, советов. Для данного стиля характерно использование конструкций «как + инфинитив» («Как потратить его деньги» (Севентин, Апрель, 2003); «Как перестать стесняться и начать раздеваться» (Севентин, ноябрь, 2003)), построения текста в виде списка способов («5 способов лишиться невинности» (Круто № 24, 2003)), использование определений типа «это есть» с именным сказуемым, приравнивание частей сопоставления («Выходить замуж беременной, особенно на большом сроке — теперь не семейный позор, а мощный тренд и вообще красота неземная» (Севентин, июнь 2004)). Отметим, что действие, вынесенное в название инструкции или определения, воспринимается реципиентом как допустимое и искомое. Вместе с тем, происходит очевидная редукция риторического силлогизма. В предложении «5 способов лишиться невинности» глубинная синтаксическая структура может быть представлена как: «Девственности лишиться необходимо. Сделать это можно несколькими способами». Очевидно, что первая составляющая данной структуры в контексте добрачных отношений этически является, по меньшей мере, спорной.

2.2. Универсально-обобщающие конструкции.

Универсально-обобщающие конструкции характеризуются, в первую очередь, использованием лексических единиц «любой», «всякий», «каждый», «все», «так», «большинство», а также использованием настоящего времени действительного залога изъявительного наклонения (для выражения регулярно повторяющегося действия) или прошедшего времени изъявительного наклонения (для описания опыта). Внутренняя смысловая структура подобных

конструкций содержит риторический аргумент к авторитету и к норме: «Все так делают. Ты принадлежишь к группе «все». Значит, и ты должен так делать» или «Все так делают. То, что делают все, нормально. Делать это — нормально».

«**Все** девочки **делают** это» (воруют — А.Л.) (Севентин, Апрель, 2003).

«**Все** девушки иногда **сплетничают** про подружек» (Севентин, ноябрь, 2002).

«Можешь пойти в известное место тусовки «ночных бабочек». О таких местах **знает весь город**» (Круто № 24, 2003).

«Психологи уверены: у **большинства** мужчин, которые смотрят эротические фильмы, нет никаких проблем, кроме сильно развитого воображения» (Севентин, май, 2004).

«**Большинство** мужчин хотя бы раз набирали номер «только для взрослых»» (Севентин, май, 2004).

2.3. Ограничительные конструкции.

Ограничительные конструкции — один из самых частых приемов воздействия. С их помощью незаметным образом происходит сужение мировосприятия и мировоззрения до концептов, вербализованных в рамках ограничительных конструкций. «Мы можем получать **удовольствие не только от** поцелуев, **но и от незначительных пустяков** вроде пары новых маек и плитки белого шоколада» (Севентин, Апрель, 2003)».

Мы проанализировали лишь самые распространенные способы языкового манипулирования языковой картиной мира и системой ценностей. Однако современные молодежные СМИ также достаточно открыто пропагандируют противозаконные действия: наркоманию, порнографию, проституцию, воровство.

Проституция

«**Можешь** подкопить бабла и пойти в известное место тусовки «ночных бабочек. О таких местах знает **весь** город. **Если** есть бабло, тебя никто не пошлет и не откажет» (Круто № 24, 2003).

Обращение во втором лице единственного числа, сочетаемое с употреблением модального глагола «мочь»,

обобщенной конструкцией «все» и условной конструкцией «если... то» возводит проституцию в ранг законных и общепринятых действий.

*«Маша не считает должным скрывать, что она проститутка, наоборот, она **гордится** этим. Многие девчонки мечтают о **богатой** жизни. Им кажется, что самый простой путь к этому — **обеспеченный** мужчина. Я **красивая** девчонка, по которой пацаны **сходят с ума**»* (Кул гел, 2003).

В приведенном контексте слово «проституция», соединенное со словами, имеющими ингерентные положительные коннотации (богатая жизнь, обеспеченный, гордится, красивая), также вводится в широкое семантическое поле понятий с семантикой «положительное действие».

Порнография

*«Существует множество **прекрасных** вещей, возможных лишь в ночном эфире»* (Упс, ноябрь, 2003) — изменение ассоциаций с помощью контекста.

*«Вообще помогает просмотр порнографии, как показывает практика, там **можно многое почерпнуть**»* (Круто № 24, 2003) — использование функционального стиля совета, инструкции.

*«**Многие девушки**, заставшие своих бойфрендов за просмотром порно, **думают, что** с юношами что-то **не в порядке**»* (Севентин, май, 2004). Данная синтаксическая конструкция в соединении со словосочетанием «не в порядке» употребляется для описания ошибочных действий.

В данных примерах наблюдается реализация вышепроанализированных приемов: использование в качестве определений оценочных слов с положительными коннотациями, лексико-грамматические универсальные конструкции (многие, делают, можно, большинство).

Гомосексуализм

*«Что же до **знаменитого поцелуя Бритни и Мадонны** (Женщины.— А.Л.) на церемонии вручения премии MTV Music Awards, то Спирс продолжает говорить об этом свершении как чуть ли не о **самом крутом** событии в ее жизни. “Это было что-то **нереальное**, что я **запомню до конца своей жизни**”»* (Упс, ноябрь, 2003). В данном примере используется изменение ассоциативного поля словами с

положительными коннотациями в сочетании с риторическими приемами обращения к авторитету и прецеденту.

«Мне ужасно нравятся и девочки, и мальчики одновременно». — «Тебе повезло — ты настоящее, живое! Тебе стоит почаще прислушиваться к себе, **экспериментальным путем ты поймешь, что тебе нужно!**» (Круто № 24, 2003).

«Если хочешь фирменный совет от группы Тату: забей на своего друга и **заведи подружку!** С ней куда интереснее!» (совет дан женской аудитории — А.Л.) Севентин, декабрь, 2002.

В приведенных примерах отсутствует языковое манипулирование — оно вытесняется общим лозунговым стилем и использованием повелительного наклонения.

«**А с кем еще учиться целоваться,** как не с лучшей подружкой?» (совет дан женской аудитории — А.Л.) (Севентин, июнь 2004). Используется риторический вопрос.

В данной работе проанализированы некоторые приемы языкового манипулирования сознанием как способа разрушения языковой картины мира и традиционной системы ценностей. Наиболее интенсивно используются *лексические способы* (выделение доминантной ценности и устойчивой лексемы, изменение ассоциативного ряда и коннотаций, изменение лексической сочетаемости слова /коллокации/, полисемия, разрушение традиционных концептов, заимствования); *синтаксические способы* (универсально-обобщающие конструкции, назидательно-нравоучительные и ограничительные конструкции).

Говоря о разрушении традиционной системы ценностей в современной речи, закрепленном в публицистической практике ряда молодежных журналов, мы сознательно абстрагировались от такого параметра, как статистические данные социологического сопоставления двух эпох, которые представили бы процентные соотношения следования нравственным и этическим нормам разными сословиями, социальными слоями и возрастными группами в как в традиционном, так и в

современном российском обществе. Именно поэтому анализ осуществлялся на основе сопоставлений разнофункциональных явлений: этических и нравственных архетипов в обобщенно-понятийном значении, с одной стороны; и эмпирической, однодневной публицистической практики, одного из сегментов СМИ, с другой стороны.

Однако мы считаем подобное сопоставление научно корректным, так как в традиционном обществе, в отличие от современного, пережившего процессы атомизации, сексуальной революции, разрушения религиозных ценностей и т.д., сами нравственные ценности всегда считались эталоном и идеалом, к которому стремились все, даже если и достичь этой вершины удавалось лишь самым достойным. По словам Н. Бердяева: «Русь свята лишь в том смысле, что бесконечно почитает святых и святость, только в святости видит высшее состояние жизни». (Бердяев: 263)

Цитируемая литература

1. **Holder R. W.** A Dictionary of American and British Euphemisms. - Bath: Bath University press, 1987. — 282 p.
2. **Holder R. W.** A Dictionary of Euphemisms. — Oxford, 1995. — 470 p.
3. **Азимов Э.Л., Шукин А.И.** Словарь методических терминов (теория и практика преподавания языков). — М.: Златоуст, 1999. — 452 с.
4. Базовые ценности россиян: социальные установки. Жизненные стратегии. Символы. Мифы. — М.: Дом интеллектуальной книги, 2003 — 448 с.
5. **Белянин В.** Основы психолингвистики. — М: Черо, 1999. — 123с.
6. **Блакар Р.** Язык как инструмент социальной власти // Язык и моделирование социального взаимодействия. Благовещенск: Благовещенский гуманитарный фонд им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 1998. - С. 88-125.
7. Н.Бердяев. Судьба России. М., «Эксмо-Пресс», 1998 г.
8. **Брутян Г. А.** Языковая картина мира и ее роль в познании // Методологические проблемы анализа языка /

Отв. ред. Г. А. Брутян. Ереван: Изд. Ереванского ун-та, 1976. С. 57-64.

9. **Вайсгербер Л.** Родной язык и формирование духа. - М., 1993.

10. **Витгенштейн Л.** Логико-философский трактат. —

11. **Гумбольдт В. фон.** Избранные труды по языкознанию. — М.: ОАО ИГ «Прогресс», 2000. — 400с.

12. **Даль В.И.** Толковый словарь живого великорусского языка: Т 1-4. — М.: А/О Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1994.

13. **Журавлев В.К.** Русский язык и русский национальный характер. — М., 2002.

14. **Кара-Мурза С.** Манипуляция сознанием. — М.: Алгоритм, 2000. — 688 с.

15. **Красных В. В.** «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: Гнозис, 2003. С. 17-21.

16. **Кузнецов А.М.** Сепира-Уорфа гипотеза. // Лингвистический энциклопедический словарь, М.: Большая Российская энциклопедия, 1998 — С.443.

17. **Лакофф Дж.** Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 792 с.

18. **Любимова А.А.** Вечно-женственное или вечно-бабье? (Н. Бердяев и В. Розанов). // Философия с женским лицом: Филологи на randevу с философией - М.: МАКС Пресс, 2002. - с. 43-49.

19. **Любимова А.А.** Интерпретация текста и языковое манипулирование в текстах современных западных средств массовой информации. // Вопросы интерпретации текста. Лингвистика и история литературы. - М.: МАКС Пресс, 2004. - с. 66-78.

20. **Любимова А.А.** Прагматическое использование образного языка как способ воздействия на общественное сознание в средствах массовой информации// Сборник тезисов Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов - 2004», М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2004. - С. 240-241.

21. **Маркузе Г.** Одномерный человек. - Москва: REFL-book, 1994. — 340 с.

22. **Ожегов С. И.** Основные черты развития русского языка в советскую эпоху. // Лексикология. Лексикография. Культура речи. - М.: Высшая школа, 1974. - С. 20-36
23. **Поливанов Е. Д.** За марксистское языкознание. М.: Федерация, 1931. С. 73—94.
24. **Реале Д., Антисери Д.** Западная философия от истоков до наших дней. - Пер с ит. СПб: Петрополис, 1996 — 1997. В 4-х тт. IV. 849 с.
25. Русский ассоциативный словарь, В. 2т. — М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2002.
26. **Рыжков Н.И., Тетекин В.Н.** Югославская Голгофа. — Москва: Фонд содействия развитию социальных и политических наук, «ОЛМА-ПРЕСС», 2000. — 445 с.
27. **Сепир Э.** Избранные труды по языкознанию и культурологии: Пер. с англ. / Под ред. и с предисл. А.Е. Кибрика. - М.: Прогресс. Универс, 1993. - 655 с.
28. Словарь русского языка: В 4-х т./ Ан СССР, Ин-т рус.яз. — М.: Русский язык, 1981.
29. Современная идеологическая борьба и проблемы языка — Москва: Наука, 1984. — 240 с
30. **Уорф Б.** Отношение норм поведения и мышления к языку. // Зарубежная лингвистика. 1.- М.: издательская группа «Прогресс», 2002. — С.58-91.
31. **Яковлева Е. С.** Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени, восприятия). М., 1994.
32. **Якубинский Л.П.** Реформа литературного языка при Петре I. // Избранные работы. Язык и его функционирование. - М., 1986. - С. 159-162

**Никонова М.С. Роль палеографического и
текстологического анализа при изучении нормы
церковнославянского языка (на примере описания
Строгановского минейного Торжественника)**

Одним из главных признаков литературного языка является его нормированность. Языковые нормы зафиксированы, с одной стороны, в метатекстах — словарях и грамматиках, с другой стороны, они отражаются напрямую в самих текстах. Исследование текстов становится особенно важным при изучении языковой нормы языка другого периода нежели современный. При работе с текстами на синхронном уровне анализ текста состоит в основном из анализа орфографического, морфологического и синтаксического, что позволяет говорить соответственно об орфографической, морфологической и синтаксической норме. При анализе текстов предшествующих эпох подобный анализ остается ведущим методом исследования, но на первый план выступает также палеографический анализ, который, позволяя определить место и время создания исследуемого текста, играет таким образом вспомогательную роль по отношению к вышеназванному анализу. Текстологический анализ помогает, с одной стороны, также очертить хронологические рамки памятника, так как разные произведения входили в состав рукописей в разное время, и, с другой стороны, он напрямую связан с исследованием языковой нормы, поскольку произведения различные по жанру имели разные нормы, и, таким образом, задачей текстологического анализа является определение жанровой принадлежности текста.

В связи с этим мы приведем здесь текстологический, палеографический и графический анализ рукописи №1102, хранящейся в фондах Научной библиотеки им. Горького МГУ. Рукопись приобретена археографической экспедицией у старообрядцев-поморцев максимовского толка и представляет собой минейный Торжественник. Необходимо отметить, что уже было составлено краткое описание данной рукописи, размешенное в каталоге

рукописей XIII — рубежа XV—XVI вв.¹ Там же приводится ее содержание.

Текстологический анализ

Исследуемый Торжественник содержит 61 статью, из них 52 расположены по порядку минейных чтений, 8 — по триодному кругу.

Сборник начинается с середины жития пр. Захарии и Елисаветы, которое читается в церкви 5 сентября. Хронологическая последовательность статей Торжественника нарушена в нескольких случаях: чтения на 9, 10, 16 февраля и 9 марта помещены после чтения на 25 марта.

3 слова на 24 июня, 3 слова на 29 июня и слово на 6 августа помещены перед майскими чтениями.

Слово на 1 октября и «похвальное слово царевичу Димитрию, новому мученику», помещены в конце Торжественника перед апокрифом.

Состав Торжественника скорее характерен для произведения XVI в. Такой вывод позволяет сделать наличие житий, которые, по наблюдениям исследователей², вошли в состав Торжественника лишь начиная с XVI в. Это такие произведения, как «житие Никиты», «мучение Уара», «житие Иакова Персянина», «житие Стефана Сурожского», «мучение Харлампия», «житие Исидора Твердислова», «житие мученицы Февронии», «житие мученицы Марины».

Помимо этого, в XVI в. возрастает культ Иоанна Предтечи, связанный с правлением Ивана Грозного. В Торжественниках этого времени появляется значительно большее количество праздничных дней, посвященных памяти Иоанна Предтечи и, соответственно, большее количество произведений, раскрывающих и восхваляющих суть этих праздников. Из этих произведений в исследуемом нами Торжественнике присутствует слово на день пророка Захарии и Елисаветы, родителей Иоанна Предтечи. На праздник Обретения главы Иоанна Предтечи в

¹ «Древнейшие славяно-русские рукописи Библиотеки Московского Университета» (каталог рукописей XIII—рубежа XV—XVI вв.)—С.33.

² Черторицкая Т.В. О составе минейных Торжественников XV—XVI вв. «Сибирская археология и источниковедение». — Новосибирск, 1979. — С.13—27.

Торжественнике помещено слово, не входящее в состав сборников XV в. и начинающееся словами «Праведный аще постигнет скончатися в покои будет...» Кроме того, на Рождество Иоанна Предтечи в сборнике помещено 2 слова, а на Усекновение главы Иоанна Предтечи — три слова, из которых два не встречаются в сборниках XV в.

На то, что исследуемый Торжественник был, вероятно, составлен не ранее XVI в. также указывает то, что в его состав вошло несколько произведений, не встречающихся ни в одном из двадцати восьми Торжественников XV и XVI вв., рассмотренных Т.В.Черторицкой, а именно «слово Пантелеонта диякона и хартуфулака великия церкви. Сказание похвально архангела Михаила четьнаго собора», «Мучение св. Никифора, мучена в Антиохии», «Мучение свв. Памьфила, Аулента, Паула, Селеука, Порфирия, Феодула, Иулиана, си в Египте бывшы мучены», жития мученицы Ирины и святого Христофора, «Слово на Перенесение честных мощей Петра митрополита Киевского и всея Руси» и «Слово на Сретение иконы богородицы Владимирской», а также «Слово похвальное благоверному царевичу Димитрию новому мученику».

Примерно датировав таким образом с помощью текстологического анализа данный Торжественник, мы перейдем к палеографическому и графическому анализу, что поможет нам более точно определить хронологические рамки исследуемой рукописи.

Палеографический анализ

Сохранность памятника. Переплет. По наблюдениям Н.А.Кобяк и И.В.Поздеевой главы были пронумерованы на рубеже XVI—XVII вв. В рукописи 475 л. Лл.17, 216об., 381об., 462об., 463, 471об. текста не имеют. Два листа помечено номером «68». Утрачены начало рукописи и конец «Слова на Обретение честныя главы четьнаго пророка и предтечи Иоанна». В начале книги листы были перепутаны при переплете: «Слово на Воздвижение Честнаго Креста» (14 сентября) помещено на лл.7об.—9об., 26—26об.; «Житие и мучение святого Еустафья и жены его Феопистия и чаду ею Агапия Феописта» (20 сентября) — на лл.18—25об., 27—33; «Мучение Уара и иже с ним» (19 октября) — на лл.38об.—

42об., 50—59об.; «Слово о святых семи отроках иже в Ефесе» (22 октября) — на лл.60, 43—49об., 61—66об.

Листы затерты, закапаны воском, края и углы крошатся. Первые буквы строк на л.1 закрыты переплетом.

Переплет без тиснения, согласно краткому описанию, относится к XIX в., доски в коже, корешок и металлические застежки XX в³. Края переплета выступают над обрезом, что характерно для переплетов не ранее второй половины XVII в.

Писчий материал. Формат. Филиграния. Рукопись написана на бумаге. 4° (19,8 × 14,2). Бумага этой рукописи содержит следующие филиграния:

1. «Голова быка» нескольких вариантов — помещены в альбоме Piccard, XVI, под номерами #481—488 и датируются 1535—1544 гг. В исследуемой рукописи данные филиграния встречаются на листах 1—9, 43—49, 60—66, 69—74, 98—114, 130—131, 136—181, 186—189, 210—216, 312—318, 348—355, 371—375, 390—443.

2. «Голова быка» другой разновидности, приводится в альбоме Piccard, XII, под номерами # 786 и # 788, в рукописях данные филиграния были отмечены по одному разу в 1494 и 1495 г., соответственно. В альбоме Briquet (*Les filigranes*) филигрань данной разновидности помещена под номером #14872 и встречается в 1457—1470 гг., в исследуемой рукописи этот тип филиграния встречается на листах 18—42, 50—59, 287—311, 358—370. Филигрань другого рисунка, но относящаяся к тому же времени встречается на листах 75—97, 115—129, 132—135, 182—185, 216—286, 320—347, 356—357, 376—389, эта филигрань помещена в альбоме Briquet под номером #15376 и отмечена один раз в рукописи 1498 г.

3. «Рука». Данная филигрань расположена в альбоме Briquet под номером #11422, отмечена один раз в 1486 г., в исследуемой рукописи расположена на листах 10—17, 67—68.

4. «Геральдическая лилия». Филиграния этого типа помещены у Briquet под номерами #6972, 6977, 6983, 6991, 6992, 7009, 7010 и зарегистрированы между 1565 и 1581 гг. В

³ «Древнейшие славяно-русские рукописи Библиотеки Московского Университета» (каталог рукописей XIII — рубежа XV—XVI вв.). — С.33.

исследуемой рукописи данная филигрань расположена на листах 190—209.

5. «Кувшинчик». Филигрань расположена на листах 444—462, на сгибе, из-за чего сложно точно определить рисунок филигрании.

6. «Виноград». Филигрании данного типа расположены в альбоме Неав. под номерами # 2089 и 2090, в рукописях отмечены в 1561 и 1604 г. соответственно. В рассматриваемой рукописи филигрании этого типа расположены на листах 463—471.

7. Знак неясен (лл.472—475).

Большая часть Торжественника написана на бумаге с филигранями «голова быка» различных вариантов и «рука». Несмотря на то, что листы с первым типом филиграней старше бумаги двух последующих типов на полстолетия, мы не можем рассматривать их как более позднюю вставку, так как очевидно, что работа с этими тремя типами бумаги велась одновременно. Это можно обнаружить при анализе бумаги в каждой отдельно взятой главе. Выполнив этот анализ, мы увидим, что часто одна глава написана на бумаге с разными филигранями. Так, например, чтение на 17 июля (лл.355—370об.) написано на бумаге с филигранями всех трех типов («голова быка» различных разновидностей и «рука»), причем вся глава написана одним почерком (см. далее о шестом почерке).

Таким образом, эта часть рукописи датируется концом XV — первой половиной XVI в. Но скорее все же первой половиной XVI в., так как к этому периоду относятся листы бумаги первого типа, которых в рукописи больше, чем листов второго и третьего типов. И таким образом подтверждается вывод, сделанный в результате текстологического анализа.

Остальные филигрании — «геральдическая лилия», «кувшинчик» и «виноград» — более поздние, они датируются второй половиной XVI — началом XVII вв. Статьи сборника, написанные на бумаге с этими филигранями, очевидно, представляют собой позднейшие вставки (25 марта «Слово Иоанна Златоустаго на Благовещение» — лл.190—209об.; 1 октября «Слово похвальное на покров пречистыя Богородица» — лл.444—462об.; «Слово похвальное

благоверному царевичу Димитрию новому мученику» — лл.463об.—471об.)

Инициалы и вязь. Рукопись не иллюминирована, заставок и украшений на полях нет. Инициалы выполнены киноварью двух оттенков: красного и темно-красного. Инициалы достаточно просты по форме. Часть инициалов представляет собой те же буквы текста, увеличенные в 6—7 раз. Некоторые из них имеют незначительные украшения, но при этом контур буквы остается четким. Встречаются и более сложные инициалы: также с довольно четким контуром, но с элементами неовизантийского стиля.

На л.67 и л.444 первая строка заголовков выполнена киноварной вязью. Вязь очень простая, читается легко. Довольно много выносных букв. Из различных технических приемов, свойственных вязи, присутствуют мачтовые лигатуры («мц»), «тг»). Показатель вязи примерно 3—4. На л.444 интересная лигатура «вь».

Приписки. Есть несколько записей. На лл.1—9, 26, 10—16 скорописью, вероятно, конца XVI — начала XVII вв.: «Книга домовая церковная всемирнаго Воздвижения честнаго и славнаго Креста Господня на устье на Орле над Камою рекою в городке положение Никиты Григор[ъ]ева сына Строганова в своей вотчине». На л.119 скорописью XVII в.: «Лета 7147 году». На л.217—218: «Лета 7147 году сию книгу Соборник...», тем же почерком на л.475об. (дважды): «Лета 7147 году феврала в 17 день».

Притча «о рыболовехъ». На л.189об. размещен текст притчи «о рыболовех» и толкование ее, текст выполнен скорописью, вероятнее всего конца XVI в. Предыдущая глава («В неделю 2-ю святого Великого поста, Иоанна Златоустаго») заканчивается на л.189. Текст притчи начинается на обороте этого листа и тематически не связан с предшествующей статьей.

Графический анализ. Идентификация почерков.

Рукопись написана полууставом. На поздний характер полуустава указывают элементы скорописи (вариативность в начертании букв, связные написания, значительное количество выносных букв).

В рукописи можно выделить восемь различных почерков.

Первым почерком написано более половины рукописи, а именно лл.1—9об., 26—26об., 43—49об., 60—74об., 81об—92, 94—109об., 110—164об., 166об—172, 173об—175, 176—178, 180об—186об., 210—286, 312—336, 337об—338, 339, 340—347, 349об—351, 352—354об., 371—381об., 382—443об, — всего 319 листов. Для этого почерка характерны начертания среднего размера, который может несколько варьироваться в различных фрагментах текста. Расстояние между буквами соблюдается не слишком четко, и оно также может меняться: так, часто к концу главы текст становится более разреженным или, напротив, более плотным. Иногда появляется легкий наклон, который постоянно не соблюдается.

Второй почерк берет свое начало с л.10, написано им всего несколько страниц во всей рукописи (от л.10 до л.17об.) Деления на слова нет. Буквы стоят в строке довольно плотно с легким наклоном вправо. Линии букв равномерно утолщены. Размер букв достаточно точно соблюдается. Вертикальные мачты слегка изогнуты.

Третий почерк более крупный, чем предыдущие. Хвосты букв не слишком длинные, короче, чем в первом почерке. Буквы более «квадратные». Вертикальные мачты, в отличие от второго почерка более прямые. Этим почерком написаны листы 18—25об., 27—42об, 50—59, т.е. чтения на 15 сентября, два слова на 20 сентября и одно на 19 октября. На двух предпоследних страницах (58об., 59) почерк становится более мелким, появляется больше сокращений и выносных букв.

Четвертый почерк резко выделяется на фоне всех остальных. Он начинается на л.75 и затем чередуется с первым почерком. Четвертым почерком написаны следующие листы: 75—81об., 92об—93об., 110, 165об—166, 172об—173, 175об—176, 179об—180, 187—189, 336об—337, 338об., 339об., 347об—349об., 351об. — всего 21,5 лист. Начертания неровной, изогнутой формы, как будто слегка небрежные. Большая вариативность в начертаниях букв.

Пятым почерком написаны листы 190—209об. Почерк очень характерный и резко отличается от всех остальных. Начертания крупные, четко выписанные с небольшим наклоном вправо. Резкое различие между тонкими и

толстыми линиями. В целом почерк достаточно строгий и единообразный. Интервал между строками в полтора—два раза больше строки. Кроме точек, еще появляются запятые.

Шестым почерком написано «мучение мученицы Ирины» (лл.287—311об.) и «мучение великомученицы Марины» (лл.355—370об.). Этот почерк очень неровный и даже как будто небрежный. Деления на слова, как и у предыдущих писцов, нет, одинаковое расстояние между буквами не выдерживается.

Седьмым почерком написаны лл.444—462 — «Слово похвальное на Покров Пречистыя Богородица». Почерк очень ровный, небольшой наклон и расстояние между буквами равномерно выдержаны, что придает письму большую ритмичность. Строка не делится на слова. Для этого почерка также характерно наличие не только точек, но и запятых.

Что касается последнего, восьмого почерка, необходимо отметить, что эти последние листы рукописи написаны на очень тонкой бумаге, и чернила, пропитав лист, отпечатывались на другой стороне, что иногда несколько затрудняет прочтение отдельных фрагментов. Восьмым писцом написаны две последних главы: «Слово похвальное благоверному царевичу Димитрию новому мученику» (лл.463об.—471об.) и апокриф «О пришествии Марфы, сестры Лазаря в Рим от Иерусалима» (лл.472—475). Буквы несколько вытянуты по горизонтали. Вертикальные линии довольно сильно утолщены. Появляется тенденция к разделению строки на слова, однако четкого и последовательного деления нет. Четко соблюдается наклон в строке. Расстояние между строками небольшое — такое же или немного больше, чем высота букв в строке. Также как и пятый и седьмой писцы, восьмой из знаков препинания употребляет не только точки, но и запятые.

Необходимо отметить, что смена почерков в основном не связана со сменой глав, почерки могут сменять друг друга и в середине главы, исключение составляют пятый, седьмой и восьмой почерки, которыми написаны главы, являющиеся позднейшими вставками.

Таким образом, исследуемую рукопись можно разделить на две части. В первую часть входят главы,

написанные первым, вторым, третьим, четвертым и шестым писцами на бумаге с филигранями «голова быка» различных разновидностей и «рука». На основе проведенного текстологического, палеографического и графического анализа мы можем определить датировку этой части как конец XV — первая половина XVI в.

Другую часть рукописи представляют позднейшие вставки. Такими вставками являются следующие главы:

1. Чтение на 25 марта (лл.190—209об.) — «Слово Иоанна Златоустаго на Благовещение». Эта глава написана пятым почерком на бумаге с филигранью «геральдическая лилия», разновидности которой зарегистрированы между 1565 и 1581 гг. (Briquet). Как уже было отмечено, как раз именно в месте вставки этой главы нарушается хронологическая последовательность статей сборника.

2. Чтение на 1 октября (лл.444—462об.) — «Слово похвальное на покров пречистыя Богородица». Статья написана седьмым почерком на бумаге с филигранью «кувшинчик», из-за того, что знак расположен на сгибе, его сложно идентифицировать, но в принципе этот знак свойственен шестнадцатому веку (и частично заходит в XVII в.) В данном случае тоже нарушается хронологический порядок расположения чтений, т.к. чтение на 1 октября дано практически в конце сборника.

3. Последним более поздним, чем первая (основная) часть рукописи, почерком (восьмым) написаны две завершающие сборник статьи. «Слово похвальное благоверному царевичу Димитрию новому мученику» (лл.463об.—471об.) написано на бумаге с водяным знаком «виноград» двух разновидностей (#2089, 2090 Неав), каждый из которых отмечен по одному разу — в 1561 и 1604 гг. соответственно. Водяной знак бумаги, на которой написана вторая статья, принадлежащая тому же писцу (апокриф «О пришествии Марфы, сестры Лазаря в Рим от Иерусалима» — лл.472—475), неясен.

Таким образом, позднейшие вставки, составляющие вторую часть рукописи, могут быть датированы второй половиной XVI — началом XVII вв. «По наблюдениям Н.А. Кобяк и И.В. Поздеевой, рукопись была составлена в современном виде на рубеже XVI—XVII в. до записи

Строганова (умер в 1620 г.), сделанной, когда в минейный торжественник были вшиты перепутанные листы из других рукописей»¹.

Однако, вероятно, запись Строганова все же была сделана до окончательного составления памятника, так как запись последовательно расположена на листах первых четырех статей сборника, несмотря на то, что в современном виде, листы третьей и четвертой статей оказались перепутаны. Но чтения на 5 сентября, как уже было отмечено исследователями, по всей видимости, открывало сборник уже до того, как была сделана запись.

Литература

1. Васеко Е.Ф. Приемы описания графики древнерусских памятников письменности в лингвистических исследованиях. «Славянская филология», МГУ, 1973.

2. Древнейшие славяно-русские рукописи Библиотеки Московского Университета (каталог рукописей XIII — рубежа XV-XVI вв.).

3. Жуковская Л.П. Экслитеральные способы определения разных почерков. «Древнерусское искусство. Рукописная книга», сб. 2. М., 1974.

4. Костюхина Л.М. О некоторых принципах отождествления и типизации почерков в русских рукописях рубежа XVI — XVII вв. «Древнерусское искусство. Рукописная книга», сб. 2. М., 1974.

5. Лихачев Н.П. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб., 1899, ч. I — III.

6. Сеницына Н.В. Отождествление почерков русских рукописных книг конца XV — первой половины XVI вв. и его трудности. «Проблемы палеографии и кодикологии в СССР», М., 1974.

¹ «Древнейшие славяно-русские рукописи Библиотеки Московского университета» (каталог рукописей XIII — рубежа XVI вв.)—С. 35

7.Черторицкая Т.В. О составе минейных Торжественников XV-XVI вв. «Сибирская археография и источниковедение».—Новосибирск, 1979.—С.13—27.

8.Щепкина М.В. Возможность отождествления почерков в древнерусских рукописях. «Древнерусское искусство. Рукописная книга», сб. 2. М.: 1974.

Розенблат В.К. Понятие и специфика этнокультурного образа личности (образа русского ратора)

Вопрос о проявлении человека в слове был и остаётся одним из важнейших вопросов в науке о языке, особенно в современной лингвистике. Как писал Ю.Н.Караулов в своей книге «Русский язык и языковая личность», «за каждым текстом стоит языковая личность, владеющая системой языка»¹, другими словами текст, как правило, всегда даёт представление о личности его создателя. Совокупность текстов² конкретной культуры (в нашем случае русской) даёт представление о национальном типе ратора — этнокультурном образе личности, о котором и пойдёт речь ниже.

Вопрос о проявлении человека, личности в слове рассматривается с самых давних, античных времен, и за это время было выдвинуто много интересных идей. Среди античных авторов стоит отметить Платона и его рассмотрение человека в диалогах «Горгий», «Софист». Устами Сократа Платон отстаивает позицию справедливого, доброжелательного, честного ратора в противовес, с одной стороны, угоднической позиции льстивого оратора, и с другой стороны, позиции использования аудитории ради личных интересов при полном пренебрежении её интересами и самое главное — без учета возможных дурных последствий для всех. Пафосом риторической деятельности, по Платону, должны быть, напротив, защита блага и желание блага аудитории, справедливость по отношению к ней. В диалоге «Софист» помимо проблемы этического образа оратора ставится проблема логоса

¹ Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. — М.: Наука, 1987. — С. 27.

² Здесь и далее под «текстом» мы будем понимать всякое законченное высказывание, представляющее факт словесной культуры, а по определению А.А. Волкова, представляющее «совокупность смысловых, лексических, грамматических, интонационных или графических связей между словами, словосочетаниями, предложениями и фразами, образующих единство высказывания». (Волков А.А. Курс русской риторики. — М.: Издательство храма св. муч. Татианы, 2001. — С. 330.)

речевых действий, т.е. отношения слова к истине. К характеристике ратора-софиста добавляется также характеристика его речи как направленной на истину или ложь или содержащей истину или ложь. Вопрос о возможности различения истины и лжи здесь, как видно, не только этическая проблема уместности или неуместности лжи в речи, но и проблема поиска и нахождения истины в речи, проблема истинного как единственной возможной (по отношению к ложной) цели речевых действий.

В римской риторической традиции проблема речевого образа человека, пожалуй, наиболее основательно рассматривалась Цицероном и Квинтилианом. В труде Квинтилиана обозначены требования к каждому, кто стремится стать хорошим оратором. Согласно им, оратора нужно воспитывать с раннего детства, прививая такие качества как терпение, трудоспособность, желание учиться, и конечная цель воспитания — сделать из ученика «благородного мужа, искусного в речи» (*vir bonus dicendi peritus*), то есть благонамеренного ратора, образованного и способного к речи и опытного в речах. Описывая качества, которыми должен обладать зрелый ритор, Квинтилиан предлагает характеристику образцового ратора: помимо усердия в труде и таланта, он должен обладать широтой кругозора, быть грамотным, знать образцовые произведения слова, но что не менее важно — образцовый ритор должен быть добродетельным, благожелательным, честным человеком. Он не должен не только использовать искусство слова во зло, но и напротив, должен пропагандировать нравственные ценности, делая это грамотно и искусно. В дополнение к этим качествам должны присутствовать также «твердость духа», то есть смелость и настойчивость, не переходящие при этом в дерзость и наглость, сочетающиеся с опять же разумной скромностью. Образцовый оратор должен стремиться быть справедливым в намерениях, в речах и поступках. Таким образом, все названные Квинтилианом этические позиции речевого поведения — нравы образцового оратора, каковой не есть только идеал, но, по Квинтилиану, цель стремлений, стимул для постоянного самосовершенствования для каждого оратора. Цицерон в

трактатах «Об ораторе», «Брут», «Оратор» указывает на такие качества оратора как образованность и стремление к пополнению знаний, кроме того, всякому оратору необходим и здравый смысл, под которым понимается особая, во многом интуитивная, способность к построению ораторской речи (нахождение сути проблемы, разработка доводов и предложение решения). Цицерон обобщает научную литературу по ораторской теории и практике и, как писал Ю.В.Рождественский, «им может быть завершено понимание сути риторики в античности и сути речевой практики»³.

В дальнейшем вопрос о речевом образе человека рассматривался, главным образом, в риториках, где также предлагался состав требований к оратору, стремящемуся стать искусным в речи, а также в грамматиках. Можно отметить такие труды, как первая русская риторика, так называемая риторика архиепископа Макария (первая четверть XVII века), «Грамматика» Мелетия Смотрицкого (1618—1619 гг.), грамматические и риторические труды М.В.Ломоносова (в частности его «Краткое руководство к красноречию» и «Российская грамматика»), затем в начале XIX века руководства по риторике Н.Ф.Кошанского, А.И.Галича, И.И.Давыдова и др. В риториках разрабатывались общие места — ценностные суждения, ориентир в речемыслительной деятельности, а в качестве примеров красноречия в трудах по теории риторики приводились отрывки из признаваемых образцовыми прозаическими произведениями или давались ссылки на такие произведения — на них нужно было ориентироваться при создании собственного словесного произведения. Образ ратора — традиционное понятие теории риторики.

Научная разработка вопроса о проявлении человека в слове началась в XX веке. Было рассмотрено соотношение понятий *образ ратора* и *образ автора*, выработаны понятия *образа языковой личности*, *риторического идеала*. Понятие образа автора как смыслообразующего центра теории художественной речи подробно было разработано

³ Рождественский Ю.В. Теория риторики. — М.: Добросвет, 1997. — С. 36.

В.В.Виноградовым⁴. Ю.В.Рождественский развил его идеи, описав соотношение образа автора и ратора⁵. А.К.Михальской введено широкое понятие риторического идеала, важное для описания и оценки речевого образа личности, его речевого поведения⁶. А.П.Романенко систематизировал идеи предшественников и изложил собственное понимание данной проблемы⁷, предприняв описание образа ратора 20—30-х годов XX века на материале советского документа, а также текстов ораторики и публицистики. В концепциях названных авторов охватываются не все аспекты этого явления или только какой-либо один аспект проявления человека в слове (например, в концепции образа автора как субъекта поэтической речи). Результат практического описания А.К.Михальской образа русского человека в текстах, представляющих национальную словесную культуру, выглядит несколько односторонним. В данной работе мы попытаемся представить в более широком виде понятие образа ратора как образцового и нормативного представления личности человека в публичной прозаической речи, и в таком понимании мы обозначаем образ ратора как *этнокультурный образ личности* для указания на традиционность и нормативность его составляющих.

Как пишет А.А.Волков, «образ ратора складывается в трёх аспектах проявления личности человека в слове — **этосе, логосе** и **пафосе**»⁸. Последние являются не только

⁴ См., в частности, Виноградов В.В. О художественной прозе // В.В. Виноградов, Избранные труды. О языке художественной прозы.— М.: Наука, 1980. — С. 56-175.

⁵ Рождественский Ю.В. Теория риторики. — М.: Добросвет, 1997.

⁶ Михальская А.К. Русский Сократ: лекции по сравнительно-исторической риторике. — М.: Академия, 1996.

⁷ Романенко А.П. Советская словесная культура: образ ратора. — М.: Едиториал УРСС, 2003.

⁸ Волков А.А. Основы русской риторики. — М.: Издание филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996. — С. 17. Далее понятия этоса, пафоса, логоса раскрываются нами на основе концепций Ю.В. Рождественского (по книге Рождественский Ю.В. Теория риторики. — М.: Добросвет, 1997.) и А.А. Волкова (Волков А.А. Основы русской риторики. — М.: Издание филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996 и

традиционными категориями риторики, но, по словам Ю.В.Рождественского, «категориями речевой деятельности вообще»⁹. Образ ратора — семантико-стилистическая структура, которая присутствует как в тексте, создаваемом самим ратором, так и складывается в речевом представлении аудитории об этом раторе. В тексте этическая сторона образа ратора проявляется в соответствии выбранной ратором темы и, следовательно, содержания условиям произнесения речи: месту, времени, срокам ведения речи. Логос предстаёт в тексте как состав речемыслительных действий ратора, система общих мест (иерархия ценностных суждений) и соответствующий ей способ аргументации (научная, учительная, диалектическая, эристическая, софистическая)¹⁰, а также соответствующие замыслу и цели высказывания стиль и слог. Пафос проявляется в тексте как эмоциональная техника аргументации, эмоциональный образ предмета речи, отражающий «мысль-воление», направленную на принятие решения и действие¹¹.

В представлении аудитории образ ратора складывается «на основе собственной деятельности ратора, ее публичных оценок, сравнения речевых действий различных лиц, но, что самое важное, — на основе общего идеального образа ратора, который сформировался в ходе развития культуры общества»¹². Представление аудитории о раторе есть характеристика и оценка высказываний ратора (созданных им текстов), являющаяся результатом критического риторического анализа публичной речевой деятельности ратора. Этическая сторона образа ратора в этом случае — это характеристика и оценка его деятельности в данных условиях (места, времени) с позиций ораторских нравов: честности, скромности,

Волков А.А. Курс русской риторики. — М.: Издательство храма св. муч. Татианы, 2001.).

⁹ Рождественский Ю.В. Теория риторики. — М.: Добросвет, 1997. — С. 104.

¹⁰ См. Волков А.А. Курс русской риторики. — М.: Издательство храма св. муч. Татианы, 2001. — С. 70-74 — определение логоса и виды аргументации.

¹¹ См. там же. — С. 67 — определение пафоса.

¹² См. там же. — С. 67.

доброжелательности, предусмотрительности¹³. Зачастую немаловажную роль играют при этом и оценка внешних, нелингвистических черт образа ратора: внешность речедеятеля, его голос, мимика и т.п. Логосом образа ратора будет являться характеристика состава речевых действий и определение суждений ратора как истинных или ложных, оценка аргументации в целом как приемлемой или неприемлемой. Характеристика пафоса речевых действий ратора зависит от понимания и принятия аудиторией намерения и предложений ратора, а также от последствий предложенных действий. Соответственно, характеристика пафоса и будет состоять в интерпретации замысла, оценке модальности речи (её направленности на определённый предмет, на решение определённой задачи) и последствий предпринятых действий.

Кроме того, «риторика предполагает, что каждому роду, виду или разновидности словесности должен отвечать свой общепринятый образ автора»¹⁴, — писал Ю.В. Рождественский, подразумевая в данном случае под «образом автора» субъект прозаической речи, т.е. то, что традиционно обозначается как «образ ратора». Другими словами образ ратора, например, в учебной речи будет всегда отличен от образа ратора в судебной речи, тем более всегда будут разными образ автора публицистического текста и образ автора научного сочинения — дифференциация образа ратора по видам словесности — важнейшая составляющая этого понятия.

Этнокультурный образ личности и образ ратора. При изучении образа конкретного ратора важен анализ созданных данным ратором словесных произведений (текстов) в сравнении с нормативными, образцовыми текстами и изучение оценки ратора аудиторией. Если же цель исследования формулируется как изучение этнокультурного образа личности, то в задачу будет входить выявление и изучение самой нормы создания текстов, выработанной в условиях данной национально-культурной

¹³ Волков А.А. Курс русской риторики. — М.: Издательство храма св. муч. Татианы, 2001. — С. 74-76.

¹⁴ Рождественский Ю.В. Теория риторики. — М.: Добросвет, 1997. — С. 196.

традиции, и соответствующее этой традиции представление о национальном типе влиятельного ратора. В отличие от образа ратора, который может подразумевать речевое представление как конкретного речедеятеля (например, Стефан Яворский как проповедник), так и коллективного ратора (например, образ ратора в документах), понятие «этнокультурный образ личности» подразумевает скорее национально-культурный норматив речи (и уже — социально-политический норматив речи, выдвигаемый властью, — то, что А.П.Романенко также обозначает термином «образ ратора»¹⁵).

Этнокультурный образ личности — речевое представление человека, формирующееся в ключевых текстах национальной культуры. Таковыми являются все те тексты, которые оказали значительное влияние на социальное, культурное развитие общества (в частности, оказались причиной фундаментальных изменений, поворота в развитии общества), и которые хранятся как факты культуры и воспроизводятся. Однако изучение этнокультурного образа личности возможно и как соотнесение текстов, созданных любым человеком — членом данного общества, живущим в условиях соответствующих социальных и культурных норм, с образцовыми текстами данной культуры.

Итак, этнокультурный образ личности представляет собой нормативное речевое представление человека, формируемое речевой национально-культурной традицией, которое также отражается в таких категориях речевой деятельности, как этос, логос и пафос. Проявляясь по-разному в разных видах словесности, этнокультурный образ личности тем не менее в каждом из них будет обладать общими чертами, обусловленными едиными свойствами национальной культуры.

¹⁵ «ОР (т. е. образ ратора — Р.В.) же, по нашему мнению, связан прежде всего с фигурой ратора как представителя власти. Это норматив речи власти, а затем уже и масс». — Романенко А.П. Советская словесная культура: образ ратора. — М.: Едиториал УРСС, 2003. — С. 21.

Для выявления специфики понятия «этнокультурный образ личности» представим его также через соотношение с другими смежными понятиями.

Следуя мысли А.П.Романенко¹⁶, разграничим лингвистическое и филологическое понимание языковой личности.

Языковая личность в лингвистическом понимании и этнокультурный образ личности. Поскольку под языковой личностью в данном случае подразумевается либо индивидуальный стиль, характерный для данной личности (включающий особенности словоупотребления, сочетания выразительных языковых средств), либо модель языка социально-профессионального типа говорящего (рабочего, политика и т.п.), этнокультурный образ личности по отношению к данному понятию языковой личности оказывается более широким понятием. Этнокультурный образ личности есть речевое представление национального культурно-исторического типа говорящего, речевое представление личности в законченных высказываниях (текстах), в основе которых лежит определённая культурная традиция. В этом отношении понятие «этнокультурный образ личности» ближе понятию языковой личности в филологическом понимании.

Языковая личность в филологическом понимании и этнокультурный образ личности. При филологическом подходе под языковой личностью как раз и подразумевается культурно-исторический тип говорящего (или пишущего), проявляющийся не в индивидуальном языке, а в законченных словесных произведениях, текстах в виде образа языковой личности¹⁷. Последний является филологической категорией и представляет собой образ личности, создаваемый содержанием и стилем словесного произведения личности. Стиль такого произведения есть сочетание стилевого норматива, обусловленного предшествующей языковой и

¹⁶ См. там же. — Глава 1.3 Образ языковой личности. — С. 14 — 17.

¹⁷ См. также Романенко А.П. Советская словесная культура: образ ратора. — М.: Едиториал УРСС, 2003. — Глава 1.3 «Образ языковой личности». — С. 14 — 17.

культурной традицией и по возможности приближенного к задаваемым ею образцам стиля, с особенностями индивидуального стиля личности. Соответственно поэт и ритор как наиболее общие культурно-исторические типы языковой личности воплощаются в тексте в филологических категориях образа автора и образа ратора. В отличие от образа автора, категории поэтики, образ ратора и, соответственно, этнокультурный образ личности следует рассматривать как категорию риторки. Образ автора, даже если он отражает типичные черты, характерные для носителей данной национальной культуры, всегда будет характеризовать участника вымышленной реальности. Такой участник вымышленной реальности — личность автора — существует в условиях художественной действительности и подчиняется законам поэтики. Личность автора довольно условна по отношению к личности создающего её писателя, живущего в условиях реальной действительности, и всегда сочетает в себе вымышленные качества с чертами характера, качествами живого человека или даже нескольких человек и с характерными чертами культурно-исторического типа личности. Таким образом, на наш взгляд, представление культурно-исторического типа личности в образе автора в целом подчинено вымышленной реальности, оно всегда специфично и, как правило, допускает многозначное понимание, т.е. представляет собой символическую структуру¹⁸. Напротив, образ ратора (этнокультурный образ личности) создается на материале реальных речевых действий говорящего и тех, кто его оценивает, в обстоятельствах реальной жизни, в условиях существующих речевых и этических норм и культурной традиции, это принципиально однозначная структура, рассчитанная на однозначное толкование¹⁹. Если образ ратора и может содержать в себе элементы вымысла, то это обуславливается или выполнением этих этических

¹⁸ См. Рождественский Ю.В. *Общая филология*. — М.: Фонд «Новое тысячелетие», 1996. — С. 230 — 231.

¹⁹ См. соотношение образа автора и образа ратора в кн. Романенко А.П. *Советская словесная культура: образ ратора*. — М.: Едиториал УРСС, 2003. — С. 12.

условий, следованием традиции и т.п. или той целью в реальной действительности, достигнуть которой через речь стремится говорящий. Таким образом, и образ ратора и этнокультурный образ личности существуют в реальной действительности, и всё в составе каждой из этих речевых структур, включая и элементы вымысла, полностью подчинено условиям реальной жизни, где ритор в отличие от поэта несёт ответственность (прежде всего этическую) за речь.

Учитывая всё сказанное выше о нормативности этнокультурного образа личности, представляется необходимым ещё уяснить соотношение понятия этнокультурный образ личности и близкого ему понятия риторический идеал. *Риторический идеал*²⁰ — характеристика речемыслительной деятельности человека, заведомо сложившаяся в сознании носителей данной языковой культуры. Риторический идеал — образ прекрасной речи, существующий в голове любого носителя данной культуры, система наиболее общих ожиданий и требований к хорошей речи. Это есть ментальный образец, составляющий существенный компонент культуры, общий принцип организации логосферы. При этом риторический идеал представляет собой определённую иерархию ценностей — требований к речи и речевому поведению людей, носителей данной культуры. Исходя из этого, свойствами риторического идеала являются историчность (его историческая изменчивость), культуроспецифичность (специфика риторического идеала связана со спецификой конкретной культуры, риторический идеал не универсален по составу его элементов, но различен в разных культурах), также он социален и нормативен. В связи с этим риторический идеал существует в нескольких разновидностях. Таким образом, риторический идеал — это и образец самой речи как законченного произведения слова, и образец речевого поведения человека в целом.

²⁰ Понятие «риторический идеал» представлено здесь в концепции А.К. Михальской. — См. Михальская А.К. Русский Сократ: лекции по сравнительно-исторической риторике. — М.: Академия, 1996.

Этнокультурный образ личности, как и риторический идеал, является скорее общей типологической категорией, характеризующей именно тип ратора. Историчность, культуроспецифичность, социальность и нормативность также являются свойствами и этнокультурного образа личности. Однако, во-первых, представляется, что последний всё-таки более антропоцентричен, более связан с субъектом речи (как и образ ратора у А.П. Романенко), этнокультурный образ личности есть прежде всего речевое представление личности, характеристика самого говорящего по его речи и по высказываниям о нём аудитории. Риторический же идеал, как следует из определения понятия, — это образец прежде всего совершенной речи, уместно произнесённой, положительно-созидательной по замыслу, где гармонично соотносились бы предметное содержание и языковое выражение, и скорее косвенно образец идеального ратора, идеального представления личности в тексте. Риторический идеал — больше характеристика речевой деятельности, этнокультурный образ личности — представление о личности по текстам.

Во-вторых, риторический идеал, как ясно из самого термина, есть идеальное представление о речи, в отличие от обозначаемого понятием этнокультурный образ личности *нормативного* представления личности в речи. Очевидно, что *норматив* или образец не всегда является идеалом, существующим как бы изначально в голове любого носителя культуры, норматив складывается на основе традиции, может задаваться властью или общественными институтами словесности, он развивается и может пересматриваться. В отличие от идеала, образец, норматив не всегда совершенен, хотя и является при этом ориентиром для деятельности других.

Кроме того, хотелось бы отметить, что выявление риторического идеала представляет собой проблему, материалом для исследования которой служат как сами тексты, так и речевые ситуации (— риторические

ситуации)²¹. Этнокультурный образ личности следует описывать, как было сказано выше, на материале ключевых текстов, т. е. текстов, которые, по словам Ю.В.Рождественского, выдвигают общие места — естественные непререкаемые суждения, общепризнанные постулаты — результат общественного договора²². Общие места дают представление о национальной культуре, ключевые тексты описывают национальную словесную культуру и выявляют нормативные черты ритора, эти тексты наиболее показательны для анализа этнокультурного образа личности.

Перейдём теперь к более конкретному рассмотрению речевого образа русского человека, попытаемся обозначить его характерные черты.

А.К.Михальская говорит о существовании нескольких разновидностей риторического идеала: в античности сложились, с одной стороны, риторический идеал сократовско-платоновского типа, с другой — идеал речи софистов. В современной отечественной речевой среде, логосфере, существуют и борются, по утверждению А.К. Михальской, по крайней мере, три различных риторических идеала: 1) американизированный, восходящий к софистическому и близкий ему сущностно, 2) старый отечественный, близкий к идеалу Сократа и Платона, 3) идеал советской риторики²³.

²¹ Риторическая ситуация в концепции А.К. Михальской есть система взаимосвязанных факторов: «1) отношения между участниками речевой ситуации; 2) цели участников (их речевые намерения, т.е. то, что они хотят получить в результате речевого события); 3) предмет речи и отношения участников к нему». — См. Михальская А.К. Русский Сократ: лекции по сравнительно-исторической риторике. — М.: Академия, 1996. — С. 56.

²² См. Рождественский Ю.В. Теория риторики. — М.: Добросвет, 1997. — С. 518 — 520.

²³ См. Михальская А.К. Русский Сократ: лекции по сравнительно-исторической риторике. — М.: Академия, 1996. Понятие логосферы (как речемыслительной области культуры и — уже — как принципов организации речи, мысли, всех продуктов речевой и мыслительной деятельности, имеющих значение для данной культуры), предложенное ещё раньше Р. Бартом, разъясняется А.К. Михальской в этой же книге.

В русском риторическом идеале, считает А.К.Михальская, со времен первых письменных памятников до революции 1917 года «сочетаются в гармоническом единстве»:

1) мысль, смысловая насыщенность, устремлённость к истине;

2) этическая задача, нравственная устремленность к добру и правде;

3) красота, понятая не как украшенность, красивость, а как целесообразность, функциональность, строгая гармония». Также особенностями русского риторического идеала являются: диалогичность по содержанию, гармонизирующий характер цели речи, положительная онтологичность (ценность истинности речи в противоположность релятивизму — относительной ценности речи). Реализация русского речевого образца в наборе частных этических и эстетических категорий:

кротость в противоположность самодемонстрации;

смирение в противоположность гневливости;

хвала в противоположность хуле;

безмолвие в противоположность многословию;

умиротворение в противоположность соревновательности и борьбе;

правда в противоположность лжи и клевете;

ритмичность, мерность умеренность, упорядоченность в речи (в противоположность беспорядку и хаосу) ²⁴.

Итак, если обобщить, то образ русского человека, по А.К.Михальской, получается следующий²⁵.

С точки зрения уместности и этичности высказывания (т.е. в аспекте **этоса**) образ русского человека (ритора) характеризуется скромностью (отношением к собеседнику как к равному, «кротостью»), открытостью (готовностью к принятию речи, «диалогичностью») и при этом смирением, (стремлением к компромиссу, даже отсутствием

²⁴ Михальская А.К. Русский Сократ: лекции по сравнительно-исторической риторике. — М.: Академия, 1996. — С. 7.

²⁵ В кавычках далее даются соответствующие характеристики А.К. Михальской (по концепции, представленной в той же её книге).

стремления к утверждению иной позиции в диалоге, «примирением», «умиротворением»), благожелательностью к собеседнику (не «хула», но «хвала»), «устремлённость к добру, правде»).

С точки зрения смыслового наполнения высказывания, отношения риторика к истине и способа её представления (т.е. в аспекте **логоса**) образ русского человека (риторика) характеризуется правдивостью, (устремлённостью к истине), доброжелательностью (утверждением добра в речи), умеренностью (мерой) и упорядоченностью в речи. Кроме того, русскому риторика свойственно предпочтение долга праву и закону (сюда же можно отнести и «самодисциплину», «терпение», «выдержку»), а также характерна интуиция в противовес логике, рационализму.

С точки зрения цели создания высказывания и его эмоциональной техники (в аспекте **пафоса**) в речевом образе русского человека отражается любовь к ближнему (желание ему блага), также обязательно стремление к «строгой гармонии» цели речи и средств осуществления цели, целесообразность красоты в речи, её строгая функциональность.

Однако стоит отметить, что, во-первых, речемыслительная деятельность и после 1917 года, по нашему мнению, также во многом основывалась на имеющейся традиции создания публичных текстов, и хотя, безусловно, она обладает своей спецификой, тем не менее не следует искать её основания в совершенно иных источниках, чем в традиционной русской словесной культуре. Потому для описания речевого образа личности в русской словесной культуре можно использовать и материал публичных текстов XX века.

Во-вторых, в русских текстах и до 1917 года, текстах, считающихся ключевыми для русской культуры, можно выявить такие характеристики русского речевого образа человека, которые во многом расходятся с тем образом, который выявляется по представлению А.К.Михальской. Наиболее ярким примером является переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским.

Участники переписки в ходе полемики не просто обвиняют друг друга, но высказывают суждения об

определённых качествах человека, о том, каким человек должен и не должен быть, и эти речевые характеристики человека как речедеятеля являются ключевыми составляющими полемики. Оба участника переписки осознают неравенство одного относительно другого по социальному положению и при этом — обоюдное равенство как собеседников. Можно говорить о двух речевых образах, складывающихся в высказываниях авторов переписки: образе царя (монарха, правителя) и образе подданного (обычного человека, христианина). Перечисляемые ниже речевые характеристики двух образов речедеятелей значимы для обоих авторов переписки, поскольку именно эти характеристики организуют полемику. Важным является не столько то, что именно думает тот или другой автор послания — оба участника в полемике естественным образом придерживаются противоположного мнения по многим вопросам — важны сами аспекты идеального образа личности, которые обсуждают царь и князь, и потому важны представляемые обоими участниками полемики конкретные качества человека, характеризующие личность в этих аспектах.

Итак, по высказываниям авторов переписки складывается следующий состав **этических** черт.

Образ царя (характеристика отношений с подданными): *властность*, при этом скромность в поведении с подданными (т.е. не должно быть ни чрезмерного самовозвеличивания, ни притворного унижения), *ответственность* за свои дела. Требование властности, выдвигаемое Иваном Грозным, включает в себя безоговорочную власть царя над всеми, в том числе и боярами: «Ино се ли совесть прокаженна, яко свое царьство в своей руке держати, а работным своим владети не давати? И се ли сопротивен разум, еже не хотети быти работными своими владенну? Се ли православие пресветлое, еже рабы обладаему и повелеваему быти?»²⁶. Царь — это тот, кто *сильный* во власти, не подверженный

²⁶ Первое послание Ивана грозного Курбскому, 1-я пространная редакция // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. — Л.: Наука, 1979. — С. 15. Здесь и далее все цитаты из переписки приводятся по этому изданию.

влиянию окружения. Властность также подразумевает единство власти царя, единоначалие, разделение власти вредно для государства: «Смотри же убо се и разумей, како управление составляется в разных началех и властех, понеже убо тамо быша царие послушны епархом и сиклитом, и в какову погибель приидоша»²⁷. Требованию безраздельной, единоличной властности Андрей Курбский противопоставляет требования её разделения, отношениям «царь — покорные рабы» противопоставляются отношения «царь — верноподданные» («верным рабом» царя, например, называет себя Андрей Курбский в третьем послании Ивану Грозному) и «царь — советчики». Это сочетается с требованием милосердия как способности прощать и даже утешить своих подданных: о необходимости снисхождения к собственному духовнику Сильвестру, несмотря на его «лесть» и коварство, говорит князь царю, упрекая царя в отсутствии этого снисхождения (третье послание Курбского); о том, что царь мог бы (и скорее должен бы был) и утешить его, князя Курбского, считавшего себя несправедливо изгнанным, говорит Андрей Курбский во втором своём послании: «И вместо утешения, во скорбех мнозех бывшему, ... яко твое величество меня, неповинного, в странстве таковыми, во утешения место, посещаеш»²⁸. Тем более царю следует *миловать, прощать* (а не казнить), по Курбскому, тех несильно провинившихся подданных, которые имеют заслуги перед ним, царём, и отечеством (об этом князь говорит и в своём первом, и в третьем послании).

Этические черты образа подданного или обычного человека (обычного христианина): *скромность, спокойствие, уравновешенность* (в противовес гневливости), *ответственность* за свои действия. Требования *скромности* и *ответственности* — особые требования, очень важные как для правителя, так и для любого, кто считает себя христианином.

Скромный правитель не может быть гордым, *гордость* Андрей Курбский ставит в упрёк царю («Аще и тмами

²⁷ Первое послание Ивана грозного Курбскому, 1-я пространная редакция // Там же. — С. 23.

²⁸ Второе послание Курбского Ивану Грозному // Там же. — С. 101.

хвалилися в гордости своей в привременном сем и скоротекущем веке, умышляючи на кристьянский род мучительные сосуды...»²⁹). Кроме того, скромность предполагает покаяние (к чему призывает царя Курбский в своём третьем послании Ивану Грозному), потому собственно нескромность в речевом поведении — чрезмерное самовозвеличивание царя, сочетающееся в его речи с чрезмерным самоуничижением, — несовместима с подлинным покаянием («преизобильно и паче меры возносишься!»³⁰).

Скромность для истинного христианина есть неосуждение ближнего и тем более царя. Христианин должен прощать ближнему его слабость, прощать зло и несправедливость царя и любого другого по отношению к себе, так и миловать побеждённых, а также не должен возвеличивать смертных («тленных человек») до статуса небесных покровителей, «предстателей» (обо всём этом идёт речь в первом послании Ивана Грозного Андрею Курбскому). В рассуждениях Ивана Грозного скромность противостоит *гордыне*, в которой царь неоднократно упрекает Курбского (в первом послании И. Грозный несколько раз упрекает князя в себялюбии, в тщеславии). Более того, обычный христианин этически вообще не имеет права судить, осуждать, поучать царя, о чём неоднократно говорит Иван Грозный в своём первом послании. Андрей Курбский же, исходя из иных этических оснований, а именно собственного представления о благе, соответственно о путях спасения души другого человека, усматривает возможность прибегать не только к осуждению царя, но и к этически неоднозначным средствам, например, к хитрости, к обману, которые оправдываются благими целями (Сильвестр «лестию ял тя, исторгнувши от сетей диявольских и от челюстей мысленнаго лва, и привел был тя ко Христу, богу нашему» — духовник Ивана Грозного сравнивается

²⁹ Первое послание Курбского Ивану Грозному, 1-я редакция // Там же. — С. 8.

³⁰ Третье послание Курбского Ивану Грозному // Там же. — С. 106.

Курбским с врачом, причиняющим боль для излечения больного.³¹⁾

Для этого образа ратора (прежде всего ратора-христианина) очень важна также проблема верности и тесно связанная с ней проблема долга. Иван Грозный постоянно упрекает князя в измене, Андрей Курбский же не считает себя изменником. Суть этого расхождения как раз и состоит во многом в представлении о долге. Для подданного и истинного христианина важным является осознание долга и действие по долгу (перед царём, отчизной и христианством), а не по праву, не по собственной воле, не по гордыне — так считает царь и отчасти князь. В возможности действовать в исключительных случаях по праву, руководствуясь несколько отличным от установленного свыше (царской властью) представлением о том, что является добрым, благим, Андрей Курбский расходится с царём. В третьем послании Ивану Грозному Андрей Курбский подчёркивает, что он не изменял родине (не выступил в поход на Русь вместе с врагами Ивана Грозного), а только спасался от царского преследования. Здесь же ставится и проблема ответственности, важная как для обычного христианина, так и для царя. Оба автора твёрдо осознают, что любой ответственен в первую очередь перед судом Божиим, и такая ответственность предусматривает раскаяние (об этом речь шла выше). Царь ответственен перед Богом, а также и перед всем государством за последствия своих действий и за действия своих подданных, в связи с чем царь должен быть *предусмотрительным* (способным предвидеть последствия своих действий), и об этом И. Грозный подробно рассуждает в своём первом послании. По этим причинам истинному (православному) царю подобает быть *справедливым* в действиях, он не может необоснованно убивать своих подданных, но должен наказывать провинившихся (воздавать по заслугам), предвидя последствия для всего государства.

При рассмотрении речевого образа человека с точки зрения логических черт по тексту выявляется проблема

³¹ Третье послание Курбского Ивану Грозному // Там же. — С. 107.

соотношения слова (именования) и значения (назначения носителя имени), важная для построения речевого образа человека. Речь идёт о соответствии имени деятеля (не имени собственного, но обозначения предполагаемого статуса человека) и его назначения, смысла деятельности человека. Говоря конкретно, рассматривается то, какие мыслительные и речевые действия должны и не должны быть присущи тому, кто именуется царём, а какие действия — подданному. Состав черт **логоса** речевого образа *царя* складывается следующим образом: царь — властитель от Бога, соответственно, действия царя — проявление божественной воли (и в подтверждение Иван Грозный ссылается на слова апостола Павла из его послания К римлянам, гл. XIII, 1-2: «Всяка душа владыкам превладеющим да повинуется...»³²). Андрей Курбский же больше апеллирует к мудрости царя, которая должна в его представлении включать и следование правителя советам окружения (в третьем послании Андрей Курбский говорит о том, что царь должен отличать полезных советчиков от вредителей и прислушиваться к полезным советам). К этому можно прибавить и требование для царя (и уже не только для царя) быть *правдивым* в словах, то есть относиться к слову ответственно, не использовать многословие и все возможные средства для обвинения своего противника. Известна характеристика ответа Ивана Грозного Андреем Курбским в начале второго послания как «широковещательного и многошумящего» писания. Также нельзя лгать и клеветать — а именно в этом обвиняет царя Андрей Курбский, например, в третьем послании, рассуждая о разорении христианских церквей³³; о недопустимости в речи клеветы и о *неосуждении* ближнего в речи говорит и Иван Грозный в своём первом послании, ссылаясь в подтверждение на слова апостола Иакова: «Не оклеветайте друг друга, братия: оклеветая или осуждая брата своего, оклеветает закон и осуждает закон...»³⁴. Речь

³² Первое послание Ивана грозного Курбскому, 1-я пространная редакция // Там же. — С. 14.

³³ См. Третье послание Курбского Ивану Грозному // Там же. — С. 108 — 109.

³⁴ Первое послание Ивана грозного Курбскому, 1-я пространная редакция // Там же. — С. 20.

благородного человека, тем более христианина, не должна быть грубой и бранной (об этом Курбский говорит как во втором, так и в третьем своих посланиях), очевидно, что брань отделяется князем от критики, даже осуждения; Иван Грозный и здесь ссылается на апостола Иакова, приводя его высказывание о том, что язык может быть зол, следовательно, к языку следует относиться со строгостью, им следует управлять³⁵.

Что касается других характеристик в аспекте логоса, то они без разделения относятся как к правителю, так и к христианину вообще. Иван Грозный в первом послании говорит о необходимости сознательной речи и разумности мысли. Например, христианин должен осознавать, что является грехом, и не следует христианину прикрывать грех (то есть, фактически лгать). Но хуже, по Ивану Грозному, не осознавать грех и, не осознавая его, не раскаиваться в нём³⁶. Во втором послании Иван Грозный больше апеллирует к разуму («писал еси, что яз разлен разумом»³⁷), опираясь в рассуждении о «растлении» разума именно на разумные (логические) основания. Также он сам призывает князя осознать разумом свой поступок (по Ивану Грозному, князь должен осознать своё предательство)³⁸. При построении осудительной речи всегда важно прежде всего осознание собственной неправедности. В основании речи не стоит только лишь руководствоваться повелениями свыше (исполнять приказы), для христианина возможно, по Курбскому, не соглашаться с действиями царя и даже противодействовать ему, в случае если царь не соответствует своему назначению, то есть действует несправедливо, немудро и так далее.

С точки зрения цели речевых действий и направленности речевых эмоций (то есть в аспекте **пафоса**) требования и к царю, и к подданному (христианину) можно представить по большей части через

³⁵ См. там же. — С. 19 — 20.

³⁶ См. Первое послание Ивана грозного Курбскому, 1-я пространная редакция // там же. — С. 55.

³⁷ См. Второе послание Ивана грозного Курбскому // Там же. — С. 104.

³⁸ См. там же. — С. 105.

отрицание. Они совпадают в том, что ни царь, ни подданный не должен быть побуждаем к действию злым умыслом (иными словами в основании действий любого должно быть желание блага). Ни царь, ни любой истинный христианин не должен гневаться, быть побуждаем жестокостью (за что осуждает Ивана Грозного Андрей Курбский в ходе всей переписки). Вопрос о воле в полной мере согласуется с вопросом о долге, пафос ограничивается этосом: личная воля должна соответствовать воле Божественной и не противоречить ей. Личная воля направляется на исполнение Божественной воли или общественного долга (служение своей стране). Это осознаётся обоими участниками переписки. Истинный христианин, по Ивану Грозному, должен быть храбр по собственной воле, а не по принуждению³⁹, не должен бояться погибнуть за правду, стремление к правде (и к праведности, т.е. в данном случае стремление исполнить Божественную волю) побеждает в истинном христианине страх смерти (об этом неоднократно говорит царь в первом послании Курбскому). Правда, оба автора переписки не отрицают слабости человеческой природы, из-за которой человек может совершать какие-либо проступки (не вполне осознанно!), но это именно слабость, лишь отчасти оправдывающая некоторые проступки, нельзя оправдать ничем сознательное преступление (в этом мнение обоих участников полемики совпадают). Кроме того, Андрей Курбский не связывает полностью направленность собственной воли с исполнением воли царя, в чём Иван Грозный видит отступление от Божественной воли. Андрей Курбский же допускает возможность для христианина направлять волю на спасение собственной жизни, тем самым им формируется определённая позиция компромисса, противостоящая ортодоксальной позиции царя, согласно которой христианин должен полностью (даже не взирая на опасность для жизни) действовать в соответствии с волей Божественной, а проявлением её является царская воля.

³⁹ См. Первое послание Ивана грозного Курбскому, 1-я пространная редакция // Там же. — С. 37.

Итак, анализ речевых образов в переписке Ивана Грозного с Андреем Курбским подтвердил такие общие черты как скромность, открытость (готовность к принятию речи, «диалогичность»), приоритет долга, правдивость, а также желание блага и поиск правды как цель речи. Помимо этого, материал переписки представил и другие черты, дополняющие речевой образ русского человека (такие как ответственность, мудрость, неосуждение, храбрость, разумность речи (в противоположность её стихийности), осмысленность сказанного), а также черты, противоположные тем, что выявляются на материале русской гомилетики (главным образом — критичность, полемичность (в противоположность, с одной стороны, хвале, с другой стороны осуждению и брани).

В связи со всем вышесказанным стоит также сказать ещё несколько слов об образе ратора в XX веке. А.П.Романенко называет список обязательных свойств советского ратора (первой трети XX века): партийность, коммунистическая убеждённость, правдивость, искренность, народность, оптимистичность, революционная страстность, боевитость, простота, скромность. «Этот список даёт идеальную нормативную картину советского ОР (образа ратора — Р.В.), он характеризует не просто ратора, но ратора-большевика»⁴⁰. Распределяя эти свойства по группам в соответствии с трёхаспектной структурой образа ратора, А.П. Романенко относит правдивость, искренность, народность, простота, скромность к свойствам **этоса**, оптимистичность, революционную страстность, боевитость к свойствам **пафоса**. Коммунистическая убеждённость, а также простота и правдивость собственно речи являются свойствами **логоса** советского ратора. Партийность же характеризует советский образ ратора в целом, реализуясь и в этосе, и в пафосе, и в логосе⁴¹. Конечно, следует учитывать специфику того языкового материала, который представляет

⁴⁰ Романенко А.П. Советская словесная культура: образ ратора. — М.: Едиториал УРСС, 2003. — С. 32.

⁴¹ Романенко А.П. Советская словесная культура: образ ратора. — М.: Едиториал УРСС, 2003. — С. 35.

эти черты. Это главным образом материал советской ораторики (агитационно-пропагандистских речей, выступлений⁴²). Однако, как видим, и тут обнаруживаются характеристики речевого образа русского человека, схожие с теми (общие тем), что были представлены в текстах до 1917 года, это, главным образом, *правдивость, скромность, простота, искренность*. Другие же черты, такие как *народность, революционную страстность, боевитость* возникли во многом вследствие развития и трансформации логосферы в новых условиях и привнесены временем. Неоднозначными представляются такие черты, как коммунистическая *убежденность, партийность, оптимистичность*: с одной стороны, они также привнесены временем и являются новыми, с другой стороны, вполне вероятно, что коммунистическая *убежденность* есть трансформация прежней *устремленности к истине, партийность* — в некотором роде прежнее единство во власти, *единоначалие, оптимистичность* же, по большей части новая черта, отчасти включает в себя *утверждение добра в речи, а также стремление к правде*.

Этнокультурный образ личности — предмет длительного и разностороннего изучения, и по мере изучения его в разных видах словесности можно выявлять новые, дополняющие его черты. Это многоаспектное явление, которое содержит как постоянные черты, так и черты, трансформирующиеся в новых условиях создания речи, а также новые черты, привносимые новыми условиями, черты, обеспечивающие динамику речевого образа русского человека. Выявление и описание нормативного представления человека в речи — важная часть в изучении национальной культуры в целом и основа для успешной — влиятельной и созидательной речевой деятельности для каждого представителя русской культуры в дальнейшем.

⁴² Ю.В. Рождественский усматривает преемственность и связь образов русского гомилетического оратора и пропагандиста. — См. Рождественский Ю.В. Теория риторики. — М.: Добросвет, 1997. — С. 215. С этой точки зрения при широком подходе можно говорить об образе ратора в пределах одного вида словесности.

Библиография

- 1.Виноградов В.В. О художественной прозе // В.В. Виноградов, Избранные труды. О языке художественной прозы.— М.: Наука, 1980. — С. 56—175.
- 2.Волков А.А. Курс русской риторики. — М.: Издательство храма св. муч. Татианы, 2001. — 480 с.
- 3.Волков А.А. Основы русской риторики. — М.: Издание филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996. — 344 с.
- 4.Вомперский В.П. Риторика в России XVII — XVIII вв. — М.: Наука, 1988. — 180 с.
- 5.Граудина Л.К., Миськевич Г.И. Теория и практика русского красноречия, М.: Наука, 1989. — 256 с.
- 6.Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. — М.: Наука, 1987. — 264 с.
- 7.Квинтилиан Марк Фабий Марка Фабия Квинтилиана двенадцать книг риторических наставлений / Пер. с лат. А.Никольский. — СПб.: Академическое издание, 1834. — Ч.1 — X, XI, 483 с.; Ч.2 — X, 519 с.
- 8.Ломоносов М.В. Краткое руководство к красноречию. // Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. Т. VII: Труды по филологии. — М.—Л.: Издательство АН СССР, 1952. — С. 89—378, 805—893.
- 9.Михальская А.К. Русский Сократ: лекции по сравнительно-исторической риторике. — М.: Академия, 1996. — 190 с.
- 10.Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. — Л.: Наука, 1979. — С. 7—180.
- 11.Платон. Горгий // Платон. Сочинения в 3-х тт. Т. I. — М.: Мысль, 1968. — С. 257—365.
- 12.Платон. Софист // Платон. Сочинения в 3-х тт. Т. II. — М.: Мысль, 1970. — С. 275—345.
- 13.Рождественский Ю.В. Теория риторики. — М.: Добросвет, 1997. — 600 с.
- 14.Рождественский Ю.В. Общая филология. — М.: Фонд «Новое тысячелетие», 1996. — 326 с.
- 15.Романенко А.П. Советская словесная культура: образ ратора. — М.: Едиториал УРСС, 2003 г. — 212 с.
- 16.Цицерон Марк Туллий. Три трактата об ораторском искусстве. — М.: Наука, 1972. — 472 с.

Смолененкова В.В. Понятие риторической критики

XX век стал временем расцвета аналитического направления в теории риторики. Немецкий ученый Г.Ф.Плетт определяет риторику как «функциональный метод анализа текстов»¹; анализу, а не синтезу речи посвящена большая часть неориторики Брюссельской школы. Если в Европе методы анализа аргументации стали базой для развития неориторики, иными словами, остались в рамках риторики, то в Соединенных Штатах Америки это направление выкристаллизовалось в отдельную дисциплину — риторическую критику, которая интенсивно развивалась в течение всего прошедшего века, начиная с известной статьи Герберта Вичелнза «Литературная критика ораторских речей» 1925 года². Столь стремительное развитие этой дисциплины в США, очевидно, объясняется и высоким уровнем публичности, и тем, что именно в этой стране быстрее всего развивались информационные технологии и средства массовой манипуляции.

Стремительность и интенсивность развития этой дисциплины в Соединенных Штатах Америки, а также увеличение влияния этой страны на мировое сообщество в XX веке привели к тому, что работы по риторической критике стали появляться и в трудах европейских лингвистов, в том числе и русских. Положение риторической критики в Европе оказалось менее уверенным, потому что, с одной стороны, здесь самостоятельно развивалась схожая по задачам неориторика, с другой, не хватало таких крупных идеологов этой дисциплины, как Герберт Вичелнз или Кеннет Бёрк. Однако уже в девяностых годах в европейских университетах на базе отделений лингвистики и риторики стала появляться специализация по риторической критике; в Скандинавии по этой теме проводятся конференции каждые два года.

¹ Цит. по Безменова Н.А. О предмете «История риторики». В кн.: Неориторика: генезис, проблемы, перспективы. М., 1987. С.31.

² См. The Rhetorical Idiom. Essays in Rhetoric, Oratory, Language, and Drama. Presented to Herbert August Wichelns. With reprinting of His «Literary Criticism of Oratory» (1925). New York, 1958. P.5-43.

В России также наблюдается рост количества работ по риторической критике, начиная с восьмидесятых годов XX века, но налицо отсутствие единой терминологии и методологии, а также четкого представления об основных течениях в развитии этой дисциплины. В рамках данной статьи мы постараемся определить основные понятия, касающиеся риторической критики, и установить взаимосвязь между ними.

Несмотря на то, что риторическая критика существует как самостоятельная дисциплина в американской традиции с двадцатых - тридцатых годов XX века, точного определения этой теории, с которым бы согласились все исследователи риторики, до сих пор не существует. В многочисленных пособиях и учебниках определение риторической критики или просто отсутствует, или дается через описание ее целей, задач и/или методов. Дж. Ясински, один из самых влиятельных современных американских специалистов в области риторики и риторической критики, сравнил разные определения риторической критики наиболее авторитетных авторов и обнаружил, что большинство определений обязательно объединяют три ключевых момента: риторическая критика включает анализ, жанровую классификацию и оценку высказывания³. Таким образом, существует, как минимум, два способа дать определение риторической критике: 1) определить ее структурные элементы; 2) установить те составляющие виды деятельности, которые она включает. Сопоставление структурных элементов и видов аналитической деятельности, свойственных риторической критике, с теми, что свойственны другим филологическим дисциплинам, также может дать дополнительную информацию о ее специфике и позволит определить место риторической критики в ряду других филологических наук.

Структурные элементы риторической критики

Риторическая критика, как всякая человеческая деятельность, должна включать субъект, предмет (объект),

³ См. Jasinski J. Criticism in contemporary rhetorical studies. // Jasinski J. Sourcebook on Rhetoric. Gage, 2001. p.125.

цель, средство, процедуру, внешние условия и продукт. Для ясности необходимо проанализировать природу каждого структурного элемента и определить его. Начнем с тех элементов, определение которых вызывает наименьшие затруднения.

Продуктом риторической критики является критическое эссе. Внешние условия - это историко-политический фон, общий для ратора и критика; деятельность обоих предполагает ориентацию на проблемы и потребности современного им общества. Если критик анализирует речь спустя определённый промежуток времени, то внешние условия для оратора и критика оказываются различными, при этом критик всегда руководствуется потребностями современного ему общества. Средством риторической критики является язык.

Субъект риторической критики - критик, стремящийся к максимально эффективному и последовательному анализу. Прежде всего, человек, берущий на себя ответственность судить о произведении ораторского искусства, должен быть компетентным в риторике и риторической критике (знание теории) и — что ещё более важно — быть знакомым с предшествующим мировым опытом как написания, так и оценки речей (знание практики).

Необходимость анализа и оценки требует от критика не только профессиональной компетентности, но и максимальной осведомленности в области проблематики анализируемой речи. Поскольку предмет анализа включает в себя не только формально-содержательные аспекты речи, но и специфику аудитории, образ ратора, историко-политический фон, критик должен как можно лучше разбираться как в вопросах филологии, так и психологии, социологии, этики, политики, экономики, истории, литературы, философии. Чем шире и глубже познания критика, тем всестороннее и объективнее его анализ и оценка.

Объективность — ещё одно предъявляемое критику требование - подразумевает беспристрастный учёт интересов как ратора, так и аудитории, непосредственной и — шире — всех слоёв общественности в конкретной

историко-политической ситуации. Однако всякая оценка есть результат личного восприятия сквозь призму устоявшегося мировоззрения и системы ценностей, и как любое произведение или труд, критическое эссе неизбежно несёт в себе черты личности своего создателя. Иными словами, субъективность — неотъемлемая характеристика риторической критики. Субъективный компонент привносит в критическое эссе индивидуальность, служит индикатором вкуса и таланта самого критика и в значительной мере определяет ценность того или иного критического анализа.

На протяжении всей истории развития риторической критики самые жаркие споры разворачивались по поводу того, что же является объектом риторической критики. Ответ на этот вопрос в значительной степени определяет метод анализа и оценки. Общая тенденция в трактовке объекта риторической критики — расширить область приложения риторической критики до любого продукта человеческой деятельности, имеющего замысел, или целеполагание. При таком подходе объектом риторической критики может стать не только публичная речь, но и фильм, спектакль, реклама, картина, музыкальная пьеса. Целеполаганием может быть не только убеждение, но и информирование, описание, развлечение и др. В этом случае риторическая критика становится наукой об отношении средств к замыслу, а ее задачей — определить, насколько эффективны были отобранные автором средства в данной ситуации для достижения его замысла. При таком широком понимании объекта риторической критики она оказывается лишь косвенно связанной с филологическими науками.

При более узком и более распространенном (филологическом) понимании объектом риторической критики оказывается убеждающий дискурс. При таком условии, объектом, или предметом, риторической критики является риторическое произведение (речь) как сложное целое идейно-тематического (замысел и содержание), фактуально-информативного (содержание), структурно-логического (логика), композиционного (композиция), функционально-стилистического (стиль),

паралингвистического (фонация и кинесика) уровней⁴ в совокупности с характеристиками личности ратора, непосредственной аудитории, историко-политического фона и последствий, вызванных данным публичным выступлением.

Современная американская риторическая критика разводит понятия публичного выступления и его последствий, используя понятия *риторического акта* и *риторического артефакта*: «Объектами изучения в риторической критике являются риторические акты и риторические артефакты. Риторический акт осуществляется в присутствии предназначенной для него конкретной публики, это может быть речь или музыкальное представление, разыгранное перед живой публикой. *Риторический артефакт* — это последствия или осязаемые признаки риторического акта. Когда риторический акт записан или напечатан, записан на плёнку или запечатлен на полотне, он становится риторическим артефактом, который в свою очередь становится доступным аудитории ещё более широкой, чем та, что была свидетелем риторического акта. Как акт, так и артефакт — объекты риторической критики»⁵. Следует подчеркнуть уникальность риторического акта; всякая речь разрабатывается и произносится для конкретной аудитории в конкретном месте и в конкретное время, совокупность которых никогда более не повторится. И даже если тот же текст будет прочитан ещё раз, он должен рассматриваться как отдельный риторический акт со своим собственным артефактом, при этом его связь с первым риторическим актом также должна быть обязательно проанализирована.

В последнее время особый акцент в объекте риторической критики ставится на его процессуальности. «Риторический акт - всегда процесс, и поэтому, если критик и выявляет какие-либо постоянные величины, его суждения

⁴ Данные уровни ораторской речи выделил Н.Н.Кохтев в своей диссертации «Ораторская речь: композиционно-стилистическая структура» С.136-141.

⁵ Foss S. *Rhetorical Criticism*. Waveland Press, 1989. P.5.

должны быть тем или иным образом соотнесены с процессуальным характером риторического акта»⁶.

Практическим материалом для риторической критики обычно служит напечатанная речь, но для максимально объективного и полного критического анализа предпочтительно непосредственное личное присутствие критика на риторическом акте. Кроме того, американские пособия рекомендуют для более эффективной работы иметь на публичном выступлении заранее приготовленную копию речи. К сожалению, такое стечение обстоятельств представляется скорее идеальным, чем реальным. В действительности критик обращается постфактум или к печатному варианту текста, или к аудиозаписи, или к видеозаписи (предпочтение распределяется в обратной последовательности). Критический анализ будет неполным, если критик будет выстраивать свои рассуждения только на базе текста, ибо, как мы определили выше, объект риторической критики включает в себя также личность оратора, аудиторию, историко-политический фон и резонанс, вызванный данным риторическим актом. Поэтому критик должен собрать как можно более обширные и точные сведения о контексте публичного выступления.

Объектом риторической критики может быть не одна, а несколько речей одного или нескольких авторов, объединенных по какому-то признаку. Например, это может быть анализ инаугурационных речей президентов России или выступлений по поводу открытия памятника А.С.Пушкину на заседаниях Общества любителей российской словесности. Кроме того, некоторые направления американской риторической критики рассматривают в качестве своего главного объекта дискурс, свойственный тому или иному социальному явлению (например, дискурс фашистской Германии, дискурс по вопросам расы в 60-е годы XX века и др.); полемический дискурс; различные жанры дискурса; структуру дискурса.

То, как критик представляет себе объект анализа, будет определять процесс критики, или ее процедуру —

⁶ Медведева С.Ю. Риторика и риторическая критика в США. - В кн.: Неориторика: генезис, проблемы, перспективы. М., 1987. С.108.

метод описания, анализа, интерпретации и оценки. Метод риторической критики — это «способ разработки определенной перспективы на артефакт»⁷. Обычно под методом риторической критики понималась разработанная кем-либо из влиятельных критиков определенная процедура анализа речи, нацеленная на выявление проявившихся в данной речи аспектов речевой деятельности. За почти сто лет своего существования американская риторическая критика выработала несколько десятков подходов к анализу и оценке публичной аргументации, не все из которых прочно закрепились в официальной науке. Однако благодаря такому плюрализму подходов выработалась необходимая номенклатура и многоаспектное понимание особенностей функционирования публичной аргументации, которые можно пытаться постепенно перенимать, переосмысливать и применять к российской ораторской прозе. В отличие от американской риторической критики, постоянно раскалывающейся на отдельные школы, традиции и направления, в России анализ ораторской прозы всегда базировался на принципах и идеях, принятых в отечественном языкознании и литературоведении. Во многом эти принципы восходят к работам Аристотеля по поэтике и риторике. В найденных и исследованных нами примерах анализа публичных речей явно прослеживается структурно-функциональная тенденция, то есть основным принципом исследователя, как правило, становится выявление зависимостей структурных элементов речи от замысла (цели) ратора, а также взаимосвязей между различными элементами (факторами) речи.

Цели риторической критики связаны с тем, что речь человека, в особенности речь продуманная и искусная, — мощное средство влияния и регулирования социума. Не всякая речь использует силу влияния в интересах социума. «Поскольку речь — это мощная сила, человек нуждается в глубоком и тщательном анализе речей, которые он слушает, — их правдивости или лживости, их мудрости или глупости, их глубины или бессодержательности, их подлинного величия или их скрытой низости. И так как

⁷ Foss Sonja Rhetorical Criticism. Waveland press, 1989. P.17.

человек нуждается в таком анализе, он нуждается в риторической критике»⁸. Риторическая критика занимает особое место в любом демократическом обществе, в котором каждый гражданин имеет право на знание механизма манипулирования общественным мнением. Помимо анализа процессов регулирования общественного мнения, к целям риторической критики относится улучшение стандартов риторических произведений и обнаружение границ и пробелов наших знаний, ведь риторическая критика позволяет анализировать свою речь, речь коммуникантов и мысли, в них выраженные.

Составляющие риторической критики

Описание, анализ, истолкование (интерпретация) и оценка суть составляющие такого вида человеческой деятельности, как риторическая критика. Предполагается, что сначала критик описывает воспринятое им публичное выступление, затем анализирует взаимодействие его структурных элементов. После этого он должен дать свою версию того, почему оратор именно так, а не иначе построил своё публичное выступление. И в завершении всего критик оценивает, является ли избранный оратором способ построения и изложения речи наиболее подходящим для данных ему условий. Однако подобную последовательность критических действий следует рассматривать только как тенденцию, которая может не всегда последовательно выдерживаться в критическом эссе. Объект исследования критика, публичное выступление, при непосредственном его разборе расщепляется на свои структурные элементы: замысел, аргументацию, речевые эмоции и т.д. Критик должен описать, проанализировать, интерпретировать и оценить каждый из них, причем не всякий элемент публичного выступления можно оценить сразу же после изолированного его анализа. Некоторые элементы целесообразно рассматривать блоками. Таким образом, описание, анализ, интерпретация и оценка чередуются в процессе исследования риторического

⁸ Walter Otis M. On the varieties of Rhetorical Criticism. // Essays on Rhetorical Criticism. Ed. Thomas R.Nilsen. University of Washington, 1968. P.160.

произведения. По традиции этот процесс исследования принято также называть анализом.

Многие теоретики риторической критики не без оснований считают, что, помимо того, что критик описывает, анализирует, интерпретирует и оценивает риторическое произведение, он еще, прежде всего, *отбирает* его, а затем *классифицирует*. Отбирая тот или иной объект для риторической критики, надо быть уверенным в том, что он представляет собой *риторическое* произведение. И здесь мы снова приходим к проблеме определения риторики: что считать риторикой? Какое произведение, культурный артефакт является риторическим? Каждый исследователь имеет свою точку зрения, но, как уже было отмечено выше, в последнее время усиливается тенденция считать риторическим всякое произведение, имеющее цель воздействовать на своего адресата (фактор целеполагания). При такой трактовке объектом риторической критики может стать практически любой артефакт (каждое произведение создается с какой-то целью!), однако на практике анализируются далеко не каждый артефакт. Происходит отбор произведений риторики. В основе отбора должен лежать некоторый принцип, должна быть мотивация. Чаще всего, и в этом сходится большинство исследователей⁹, этим принципом оказывается культурная значимость и актуальность риторического произведения. «Критика становится риторической, когда она обращается к тому, как дискурс отвечает на ситуативные острые вопросы и напряженность»¹⁰.

Что касается классификации, на включении которой в состав риторической критики настаивают, например, американские теоретики риторической критики второй половины XX века Абрамс и Брайант, то этот вопрос представляется скорее формальным, чем содержательным. Тот факт, что всякий критик, анализируя

⁹ Подробно о взглядах современных риторических критиков на специфику объекта риторической критики см. Jasinski J. Sourcebook on Rhetoric. Gage, 2001. P. 126-127.

¹⁰ Там же, с.127.

речь, классифицирует ее по жанру и определяет ее место в ряду других одноположных речей, не отрицает никто. Вопрос в том, является ли классификация самостоятельным действием или частью анализа. В силу взаимопроникновения всех видов деятельности, из которых состоит риторическая критика, ответить убедительно и однозначно на этот вопрос не представляется возможным.

Некоторые ученые, как например американский специалист по теории риторики и риторической критики Баскервиль и литературовед Джонатан Куллер считают, что риторическая критика не должна включать в свой состав интерпретацию, поскольку она субъективна и может исказить первоначальное, заданное его создателем значение текста. ««Публичные» речи редко бывают невразумительными или эзотерическими... Речь, по своей природе, бывает или должна бы быть понятной незамедлительно; поэтому интерпретирующая функция критики редко бывает первостепенной»¹¹. Напротив, для других критиков, например сторонников метода «внимательного прочтения», интерпретация — ключевой момент в анализе речи, поскольку она позволяет «объяснить и определить значение риторических компонентов конкретного явления»¹². Сравнивая эти две цитаты, мы понимаем, что речь идет о двух разных трактовках интерпретации. Интерпретацию можно понимать и как пояснение неясных мест в речи, и как пересказ личного видения содержания речи, и как объяснение обнаруженных в процессе анализа текста взаимосвязей. В последней трактовке интерпретация — неотъемлемая часть критического разбора, и в таком понимании интерпретация риторической критики оказывается особенно близкой герменевтике. С другой стороны, мы не можем отрицать, что всякая интерпретация субъективна в той или иной степени. Один и тот же текст может быть интерпретирован по-разному разными критиками благодаря структурной сложности любого убеждающего дискурса, а также тому,

¹¹ Цит. по Jasinski. Sourcebook on Rhetoric. Gage, 2001. P. 129.

¹² Leff M. Interpretation and the art of the rhetorical critic// Western Journal of Speech Communication, 1980, #44, p.342.

что Гонкар назвал «полисемическим характером ораторских произведений»: «Интерпретация не может полностью скрывать естественную полисемию языка. Поэтому текст потенциально открыт для альтернативных прочтений, и особо значимые для культуры тексты могут стать предметом напряженной идеологической борьбы по поводу смысла, <в них заложенного>»¹³.

Еще большую субъективность в критический разбор риторических произведений привносит оценка. Из всех задач критика оценка — наиболее сложная, так как она предполагает сравнение с неким эталоном или соотносением речи с определенными критериями оценки. «Коротко говоря, для начала [критик] должен иметь стандарты, чтобы определить такую речь, на основе которой можно было бы провести сравнение»¹⁴.

Со времени написания Вичелнзом статьи «Литературная критика ораторских речей» в 1925 году вплоть до 40-х -50-х годов главным критерием оценки был критерий эффекта, который произвела речь на непосредственную аудиторию. В 1948 году такие выдающиеся последователи Вичелнза, как Тонссен и Берд в своей книге «Критика речи» обратили внимание на то, что «подстрекатели и демагоги надеются на мгновенную реакцию, и часто получают ее. Но критик подобной риторики не должен расценивать завоевание такого признания как абсолютный критерий эффективности речи»¹⁵. Эффект, произведенный речью, начинают трактовать шире: акцент переносится с непосредственной реакции аудитории на отдаленные во времени последствия речи. «Речь эффективна в том случае, если она достигает цели и ответной реакции, которые соответствуют замыслу оратора при условии, что замысел, в свою очередь, основан на ответственных суждениях и заботе о благе просвещенного общества»¹⁶. Таким образом, у критерия эффективности речи появился этический

¹³ Цит. по Jasinski. Sourcebook on Rhetoric. Gage, 2001. P. 120.

¹⁴ Cathcart Robert S. Post-communication critical analysis and evaluation. California State College at Los Angeles, 1966. P.20.

¹⁵ Thonssen L. & Baird A.C. Speech Criticism. New York: Ronald Press. 1948. P.461.

¹⁶ Там же.

компонент, который во многих работах (Бут, Гарвер, Антчак) заявляется как самостоятельный критерий оценки речи.

Некоторые критики (Блэк, Перриш) выдвигали на первое место критерий качества для оценки речи. Но понятие «качества» тоже слишком неопределенно в контексте риторики: что есть качество риторического произведения? Для Блэка — это убедительность речи, для Перриша — ее художественные достоинства, которые не зависят от эффекта.

В итоге, учебные пособия по риторической критике суммируют различные точки зрения на принципы анализа публичных речей и предлагают использовать четыре стандарта, или критерия: 1) стандарт результатов (эффекта); 2) стандарт правды; 3) этический стандарт (ритор и его мотивы); 4) художественный стандарт¹⁷. Однако эти стандарты неоднократно критиковались за неопределенность и спорность ключевых понятий, лежащих в их основе, таких как: “результат”, “правда”, “хороший человек”, “качество”. Приоритет отдавался стандарту художественности: «При оценке речи критическим стандартом должны быть художественные достоинства речи, или то, как и насколько хорошо ритор использует принципы эффективного создания речи.<...> Когда критик использует художественный стандарт как меру эффективности речи, он не игнорирует результаты, правду и этос ритора»¹⁸.

Другие американские пособия рекомендуют критику иметь представление об «идеальной речи и идеальном выступлении», в сопоставлении с которыми и надо оценивать реальные, при этом сущность и характеристики понятий «идеальная речь и идеальное выступление» не раскрываются.

Попытки оценивать риторические произведения через его сравнение с неким идеальным образцом мы встречаем и в отечественном языкознании. А.К.Михальская на страницах книги «Русский Сократ: лекции по сравнительно-исторической риторике» вводит понятие риторического идеала. В отличие от своих западных коллег

¹⁷ Там же, с.20-25.

¹⁸ Там же, с.24-25.

она разрабатывает это понятие более подробно, определяя его как «принадлежность системы идеалов данного сообщества, ментальный образ, некий идеальный образец речи, причём речи не просто «приемлемой», «нормальной», «допустимой», которая описывается понятием нормы речи. <...> Это «образ прекрасной речи», существующий не только в сознании ратора, но и в сознании слушателя, короче, в голове любого носителя данной культуры. Это система наиболее общих ожиданий и требований к хорошей речи»¹⁹. Как видим, главное, что отличает идею риторического идеала Михальской от понятия идеальной речи, которым оперирует американская риторическая критика, - это учёт специфики национальной языковой культуры и языковых традиций, а также особенностей социополитического фона.

Понятие риторического идеала А.К.Михальская заимствует у С.С.Аверинцева из его работ, посвящённых античной риторической культуре. Однако это понятие восходит, по мнению исследовательницы, к диалогу Платона «Горгий», «где Сократ говорит о том, что ритор, мастер хорошей речи, говорит не просто так, но всегда держит в голове некоторый «образ», «образец», *eidos* — идею прекрасной речи»²⁰.

В современной зарубежной лингвистике эта мысль была высказана Отисом Вальтером: «Если мы будем говорить об *эксплицитных* риториках, сознательно сформулированных теориях коммуникации, то окажется, что только немногие общественные формации создали подобные риторики, наиболее значительные из них — греко-римская цивилизация и западная цивилизация. Однако каждая культура и каждая субкультура имеет *имплицитную* теорию риторики - теорию о том, как должна происходить коммуникация, и о том, что приемлемо, опасно, необычно, прилично»²¹.

¹⁹ Михальская А.К. Русский Сократ: лекции по сравнительно-исторической риторике. М., 1996. С.54.

²⁰ Там же, с.43.

²¹ Walter Otis M. On the varieties of Rhetorical Criticism. // Essays on Rhetorical Criticism. Ed. Thomas R.Nilsen. University of Washington, 1968. P.169.

Очевидно, что понятие русского риторического идеала требует дальнейшей разработки и уточнения. Должны быть проанализированы все авторитетные, культурно значимые, высоко оценённые профессионалами и общественностью речи, для того чтобы выделить и описать признаки и составляющие современного русского риторического идеала.

Выделение основных признаков национального риторического идеала позволит установить культурно значимые критерии оценки публичной речи и перейти от оценки речи, базирующейся на «системе наиболее общих ожиданий и требований к хорошей речи» к аргументированному научному анализу и оценке всякого риторического произведения.

Место риторической критики в ряду других филологических дисциплин

Родство **риторики и риторической критики** обозначено в самом названии этих дисциплин. Как мы помним, риторика - это филологическая дисциплина, изучающая отношение мысли к слову. Действительно, риторика разрабатывает правила, позволяющих воплощать мысль, идею, замысел в слове, речи. А риторическая критика, по сути, обратно пропорциональна риторике: она изучает слово, чтобы выявить идеи, которые в этом слове выражены. Таким образом, мы можем сказать, что *риторическая критика — это филологическая дисциплина, которая изучает отношение слова к мысли.*

Такая близость риторики и риторической критики ставит под сомнение необходимость разводить эти два способа анализа отношений мысли и слова в две отдельные дисциплины. И, действительно, как уже было отмечено раньше, европейская традиция оставила эти два направления в пределах одной дисциплины — риторики. Однако развитие риторической критики в США привело к выработке совершенно новых методов анализа отношения слова к мысли, которые зачастую сильно расходятся с методами традиционной риторики.

Помимо риторики, **риторическая критика** взаимодействует с такими филологическими

дисциплинами, как **литературная критика**, литературоведение, поэтика, и в меньшей степени — с теорией и историей литературы. Оставляя за рамками статьи разграничение предметов и задач этих пяти литературоведческих дисциплин, на которое существует множество разных точек зрения, выделим из всего этого комплекса филологических дисциплин, исследующих художественные произведения, *литературную критику*, как раздел филологии, по своим методам и задачам наиболее близкий к риторической критике.

И риторическая, и литературная критика занимаются анализом *произведений* слова. Говоря о риторическом анализе, употребляют термин «*риторическое произведение*», говоря о литературном анализе — «*художественное произведение*». Действительно, традиционно литературная критика исследует произведения литературы: прозаические и поэтические, в то время как риторическую критику чаще всего привлекают ораторские речи. Удобнее всего было бы разграничить их сферы интересов через оппозицию объекта их изучения: «*художественное произведение*», «*произведение литературы*» vs. «*риторическое произведение*», «*ораторские речи*». Однако этот взгляд обманчив. Художественное произведение может быть «*риторично*», вследствие этого «*поддаваться*» риторическому анализу. Вместе с тем, выдающиеся речи могут представлять собой самодостаточные художественные произведения, со своей собственной системой образов и развитием сюжета, как например Пушкинская речь Ф.М.Достоевского. Таким образом, то, что различает литературную и риторическую критику — это не столько предмет исследования, а сколько подход, отношение к нему.

Литературную критику в произведении слова интересует, прежде всего, эстетический аспект; риторическую — аспект авторского целеполагания. Г.О.Винокур так проводил это разграничение: «... не трудно убедиться, что ораторская речь, например, отличается от поэмы или стихотворения прежде всего, нагляднее всего именно целью, какая преследуется первой в отличие от последней... Наше сопоставление речи ораторской и речи

поэтической должно показать, что, в то время как ораторская речь построена, главным образом, на использовании экспрессивных моментов языка, в прямой связи со смыслом не находящихся, но его дополняющих, речь поэтическая строится путем сопоставления, сталкивания между собою самостоятельных элементов языка как таковых, что приводит к игре на противопоставлении собственно языковых форм соответствующим им формам логическим. <...> Отсюда, между прочим, следует также, что поэтика²² имеет своим предметом вовсе не только так называемые «поэтические произведения», где моменты поэтические в нашем смысле превалируют над остальными, а именно эти поэтические моменты, которые могут, конечно, встретиться не только в книжке стихов или в романе, а решительно повсюду, даже в самой обыденной речи, будучи перемешаны с явлениями иного порядка»²³. Продолжая эту мысль, отметим, что «художественные моменты», в свою очередь, могут играть важную роль для реализации замысла, цели автора-оратора, и уже в этом своем качестве, оказываться интересными риторической критике.

Уместно вспомнить, что риторическая критика в США выросла не столько из риторики, сколько из литературной критики, которой она себя противопоставила. Началом формирования американской риторической критики стала эпохальная работа Герберта А. Вичелнза «Литературная критика ораторских речей», написанная в 1925 году, в которой он противопоставляет риторическую критику литературной на том основании, что она связана не с

²² Оставляя за рамками настоящей работы определение соотношения поэтики — литературоведения — литературной критики, позволим себе воспользоваться высказываниями выдающихся лингвистов начала XX века, которые употребляли термин «поэтика» для обозначения науки, изучающей художественное слово, в противопоставление риторике, изучающей слово ораторское. Эта оппозиция в значительной степени соответствует противопоставлению укоренившихся в более позднее время терминов «литературная критика — риторическая критика».

²³ Винокур Г.О. Поэтика. Лингвистика. Социология (Методологическая справка) — В кн.: Винокур Г.О. Филологические исследования. М., 1980. С.26-29.

категориями прекрасного и вечного, а с эффективностью²⁴. Развивая эту мысль, он пишет: «Каковы взаимоотношения между риторической критикой и литературной критикой? Последняя одновременно и шире и уже, чем риторическая критика. Она шире в силу своей заинтересованности в вечных ценностях: потому что она не уделяет никакого внимания ни индивидуальным задачам, ни непосредственному эффекту; потому что она рассматривает произведение литературы как голос человеческой души, обращающейся к людям всех возрастов и эпох; потому что критик говорит как зритель всех эпох и всех типов. Но универсальность такого отношения приводит к установлению ограничений: влияние времени закономерно отодвигается на задний план, истолкование в свете авторского замысла и той ситуации, в которой он оказался, может отсутствовать или быть слабо выраженным»²⁵.

Поскольку в произведении слова риторическую критику в первую очередь интересует авторский замысел и способы его воплощения в речи, риторическая критика уделяет особое внимание контексту анализируемого произведения: культурно-историческому фону, личности автора, характеру аудитории - с которыми связано происхождение авторского замысла и на которых этот замысел обращен. Отсюда следует принципиально разная позиция литературной и риторической критики в отношении к тексту, контексту, получателю информации: «Поэтика и риторика — устанавливают разные типы литературных структур и вместе с тем рассматривают разные формы бытия одного и того же литературного произведения. Если поэтика изучает структуру литературного произведения отрешенно от его «внушающих» и «убеждающих» тенденций, независимо от его направленности к воздействию на слушателя и независимо от форм, которыми оно, это экспрессивное воздействие, связанное с «образом слушателя» и с особым культурно-бытовым контекстом, осуществляется, то

²⁴ Welch Herbert A. The Literar Criticism of Oratory // The Rhetorical Idiom. Essays in Rhetoric, Oratory, Language, and Drama. Ithaca, New York, 1958. P.35.

²⁵ Там же, с.39.

риторика, прежде всего, исследует в литературном произведении формы его построения по законам читателя,» -писал В.В.Виноградов²⁶.

Строго говоря, литературная критика тоже имеет социальный аспект, хотя он выражается не в ориентации на конкретного читателя, а на более широкую категорию — все современное общество: «Критика призвана оценивать произведения своей современности и переоценивать произведения прошлого в свете идеалов своей эпохи,» - считал Г.Н.Поспелов²⁷. Но, как видим, здесь налицо еще два принципиальных различия. Во-первых, литературная критика оценивает произведения прошлого и настоящего с позиции современных ценностей, в то время как риторическая критика оценивает произведения прошлого как с позиции настоящего, так и прошлого, с которым они связаны онтологически и гносеологически. Для риторической критики важны исходная социо-культурная ситуация и непосредственная реакция непосредственной аудитории той или иной речи, потому что по ним можно судить об уместности и успешности речи. Но риторическая критика также анализирует риторические произведения в исторической перспективе, с позиции современности, с тем чтобы определить влияние оратора и его способность предвидеть развитие событий.

Второе различие социального компонента в литературоведческом и риторическом анализе состоит в его отношении к компоненту эстетическому. Если для риторики эстетический момент второстепенен (художественно бедная речь может оказаться хорошей), то для литературы он первичен. Как писал, В.Г.Белинский, «Когда произведение не выдержит эстетического разбора, оно уже не стоит исторической критики; ибо, если произведение искусства чуждо животрепещущего исторического содержания, если в нем искусство было само по себе целью, - оно все еще может иметь хотя

²⁶ Виноградов В.В. Риторика и поэтика — В кн.: О художественной прозе., М-Л., 1930. С.99-100.

²⁷ Поспелов Г.Н. «Злоба дня» и перспективы истории.// Литературная газета, 1974, 9 января, с.4.

одностороннее, относительное достоинство; но если, при живых современных интересах, оно не ознаменовано печатью творчества и свободного вдохновения, то ни в каком отношении не может иметь никакой ценности, и самая жизненность его интересов, будучи выражена насильственно в чуждой им форме, будет бессмысленна и нелепа»²⁸.

Иное понимание соотношения, роли и сущности эстетического и социального компонентов в художественном произведении обусловило использование различных методов анализа в литературной и риторической критике. Методы анализа и оценки, применяющиеся в риторической критике, в большинстве своем сконцентрированы на взаимосвязи и взаимовлиянии экстралингвистических и лингвистических компонентов произведения слова и реализации целеполагания в речи. Методы литературной критики в первую очередь ориентированы на художественную ценность произведения как такового, на вскрытие смыслов, обнаруживающихся в тексте, во вторую, на раскрытие личности автора и рефлексию восприятия критика. По мнению М.В.Алпатова, «Только исчерпав возможности имманентного рассмотрения, в дополнение к тому, что из него извлечено, необходимо обратить внимание на многочисленные нити, связывающие его <художественное произведение> с окружающим миром, далеким прошлым, с другими явлениями искусства и т.п.»²⁹.

Вместе с тем в методологии литературной и риторической критики закономерно обнаруживаются некоторые сходства. Для анализа языковых средств обе дисциплины используют инструментарий, заимствованный ими у риторики (фигуры речи, тропы, композиционные элементы) и лингвистики (лексические, синтаксические, стилистические явления). Кроме того, в силу многозначности художественного слова и риторической, и литературной

²⁸ Белинский В.Г. Полн.собр.соч. в 13-ти т. Т.6. М., 1955, с.284.

²⁹ Алпатов М.В. О задачах истории искусства в наши дни. — В кн.: Методологические проблемы современного исследования. Вып.1. Л., 1975, с.51.

анализ включают в себя его *интерпретацию* как способ познания и осмысления. И то, что было сказано литературоведом В.Е.Хализевым об интерпретации художественного произведения, оказывается справедливым и для произведения риторического: «Интерпретатор имеет дело не с отчужденным наблюдаемым («извне») объектом, а с такими явлениями, которые пребывают одновременно во внешней ему реальности и в сфере его сознания... Профессиональный долг интерпретатора-литературоведа — освободить свои субъективные реакции от индивидуального произвола, прокорректировать собственный читательский опыт опытом исследовательским»³⁰.

Тот факт, что риторическая критика занимается изучением отдельного акта коммуникации — высказывания, дает основания относить **риторическую критику** и ее теорию к области **общего языкознания**. Риторическая критика приходит к каким-то выводам на основе *анализа текста/речи*, и это позволяет ей, с методологической точки зрения, быть ближе всего к языкознанию, ближе, чем даже сама риторика. Риторика анализирует мысль, идеи, нравы, чтобы синтезировать текст. Риторика изучает особенности построения высказывания. Риторическая критика эти построенные высказывания анализирует. В своих методах анализа текста она напрямую обращается к таким разделам языкознания, как стилистика, семантика, прагматика, текстология. В стремлении проанализировать влияние отправителя и получателя речи на саму речь, риторическая критика обнаруживает близость к таким лингвистическим дисциплинам, как прагматика, психолингвистика, герменевтика, социолингвистика, теория коммуникации. Языкознание является основным методологическим источником риторической критики. Вместе с тем, риторическая критика не только использует достижения лингвистики, но и одновременно обогащает ее. Вкладом риторической критики в языкознание можно считать метод контент-анализа, учение о роли метафоры в

³⁰ Хализев В.Е. Интерпретация и литературная критика. — В кн.: Проблемы теории литературной критики. М., 1980. С.55.

коммуникации, выявление новых механизмов влияния получателя речи на текст и на отправителя речи.

Таким образом, риторическая критика, генетически связанная с риторикой и литературной критикой, в своем современном виде в кругу филологических дисциплин оказывается методологически ближе всего к языкознанию и тем лингвистическим дисциплинам, которые активно изучают функционирование языка, речи, высказывания, их взаимодействие с экстралингвистическими факторами.

Библиография:

1. Алпатов М.В. О задачах истории искусства в наши дни. — В кн.: Методологические проблемы современного исследования. Вып.1. - Л., 1975. - С.49-56.

2. Безменова Н.А. О предмете «История риторики». - В кн.: Неориторика: генезис, проблемы, перспективы: Сб.научн.-аналит. обзоров / [Отв.ред.Безменова Н.А.] - М.: ИНИОН, 1987.

3. Белинский В.Г. Речь о критике, произнесенная в торжественном собрании императорского Санкт-Петербургского университета марта 25-го дня 1842 года экстраординарным профессором, доктором философии, А.Никитенко. - В кн.: Белинский В.Г. Полн.собр.соч.: В 13-ти т./ Редкол.: Н.Ф.Бельчиков (гл.ред.) и др; АН СССР. Ин-т рус.лит. (Пушкин.дом). Т.6.- М.: Изд-во АН СССР, 1955, -С.267-334.

4. Виноградов В.В. Риторика и поэтика — В кн.: О художественной прозе. -М-Л.: Гос. изд., 1930. - с.75 -185.

5. Винокур Г.О. Поэтика. Лингвистика. Социология (Методологическая справка) — В кн.: Винокур Г.О. Филологические исследования: лингвистика и поэтика / Отв.ред. акад. Г.Б.Степанов, д.филол.н. В.П.Нерознак; АН СССР, Отд-ние лит. и яз.; Комис. по истории филол.наук. — М.: Наука, 1990.- С.22-31.

6. Кохтев Н. Н. Ораторская речь: композиционно-стилистическая структура: Дис...д-ра филол.наук/ МГУ им. М.В.Ломоносова. Факультет журналистики Каф. стилистики рус.яз.- М.,1993.- 479л.

7. Медведева С.Ю. Риторика и риторическая критика в США. - - В кн.: Неориторика: генезис, проблемы,

перспективы: Сб.научн.-аналит. обзоров /
[Отв.ред.Безменова Н.А.] - М.: ИНИОН, 1987. -С.91-113.

8. Михальская А.К. Русский Сократ: Лекции по сравнительно-исторической риторике. - М.: Изд.центр «Academia», 1996. - 189 с.

9. Поспелов Г.Н. «Злоба дня» и перспективы истории.// Литературная газета, 1974, 9 января, с.4.

10. Хализев В.Е. Интерпретация и литературная критика. — В кн.: Проблемы теории литературной критики Сб. статей Под ред. П. А. Николаева, Л. В. Чернец — М., Изд-во МГУ, 1980. -с.49-92.

11. Abrams M.H. A glossary of literary terms (6th ed.). Forth Worth, TX: Harcourt Brace, 1993.

12.Baskerville B. The Dramatic Criticism of Oratory // Quarterly Journal of Speech. -Columbia (Miss), 1959.Vol.45, N1/2, p.39-46.

13.Bryant D.C. Rhetorical dimensions in criticism. Baton Rouge: Louisiana State University Press, 1973.

14.Cathcart, Robert S. Post-communication critical analysis and evaluation.- California State College at Los Angeles, 1966.

15.Culler J. Structural poetics: Structuralism, Linguistics, and the study of literature. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1975.

16.Foss Sonja Rhetorical criticism : exploration & practice / [compiled by] Sonja K. Foss. Prospect Heights, Ill. : Waveland Press, c1989. xii, 420 p.

17.Jasinski J. Criticism in contemporary rhetorical studies. // Jasinski J. Sourcebook on Rhetoric. Gage, 2001.p.125-144.

18.Jasinski J. The Status of Theory and Method in Rhetorical Criticism // Western Journal of Communication, Summer 2001, Vol.65, issue 3, p.249-270

19.Leff, M. Interpretation and the art of the rhetorical critic// Western Journal of Speech Communication, 1980, #44, pp.337-349.

20.Thonssen L.& Baird, A.C. Speech Criticism: The Development of Standards for Rhetorical Appraisal. - N.Y.: Ronald Press. 1948- P. XVI, 542.

21.Walter Otis M. On the varieties of Rhetorical Criticism. // Essays on Rhetorical Criticism. Ed. Thomas R.Nilsen. University of Washington, 1968. P.158-174.

22. Wichelns Herbert A. *The Literar Criticism of Oratory // The Rhetorical Idiom. Essays in Rhetoric, Oratory, Language, and Drama.* Presented to Herbert August Wichelns. With reprinting of His « *Literary Criticism of Oratory*» (1925). Edited by Donald C. Bryant. Cornell University Press. Ithaca, New York, 1958. P.5-43.

Хуринов В.В. О речевой динамике научного сообщения

Текст как единица сообщения обладает определенными структурно-иерархическими характеристиками. Это многоуровневая структура, охватывающая различные стороны вербализованного сообщения. В тексте присутствуют определенным образом иерархически организованные лексико-семантические элементы, элементы стиля и, зависящие от первых двух, фонетико-просодические характеристики. С одной стороны, эта иерархия определяется намерением говорящего. С другой стороны, на более низком (собственно текстовом) уровне, композиционными характеристиками текста и его актуальным членением.

Иерархия элементов сообщения является необходимой основой любого текста, неперенным же свойством иерархии является динамика, то есть развитие сообщения от более простых, известных читателю элементов, к более сложным, новым понятиям и элементам. Другими словами, под динамикой нами понимается сочетание языковых механизмов, объединяющее минимальные единицы речи в более крупные единицы для передачи определенным образом организованного, направленного и законченного содержания, отвечающего целям коммуникации. При этом элементы текста и сам текст находятся в диалектическом единстве, т.е. элементы текста влияют на текст, так как образуют его, текст же влияет на них, являясь способом реализации новых, дополнительных значений, либо существующих в системе в скрытом, латентном состоянии, либо порождаемых им (текстом).

Для полного понимания динамики того или иного текста необходимо провести ее анализ.

Первым шагом при анализе динамики текста является определение его функционального стиля, поскольку элементы динамики, их наличие и частотность разнятся в зависимости от стиля текста, а, следовательно, некоторые изменения претерпевает и план самого динамического анализа.

Разнообразие текстов, взаимопроникновение языковых средств и разновидностей речи в некоторых типах текстов затрудняют процесс выработки полной классификации текстов. Но наиболее убедительными представляются классификации, основанные на функциональных признаках. В.В.Виноградов предложил подразделять стили языка, исходя из трех основных функций языка: общения, которая реализуется в сфере повседневного общения людей; сообщения, присущая текстам, информирующим о чем-либо; и воздействия, которая является основополагающей для художественных и публицистических текстов, которые обращены не только к разуму, но и к чувствам человека. Поскольку все тексты относятся к какому-либо стилю речи, а они, в свою очередь, являются системной реализацией функционально-обусловленных языковых средств, то есть стилей языка, функции языка лежат в основе классификации текстов.

Г.Я.Солганик писал: «Функциональный стиль — это разновидность литературного языка, выполняющая определенную функцию в общении»¹. Каждый функциональный стиль имеет свою сферу применения, характеризуется определенными условиями общения и имеет свою общую установку, поэтому можно сказать, что стиль является лексико-грамматическим единством в многообразии текстов, которое оказывается характерным для определенной категории текстов. Следовательно, при классификации текстов должна учитываться их принадлежность к тому или иному функциональному стилю. Среди показателей лингво-стилистического плана учитываются общие стилевые и стилистические доминанты, из них наиболее обобщенными и типичными оказываются: абстрактность — конкретность; логичность — эмоциональность; стандартность — стилистическая маркированность; объективность — субъективность. Важным оказывается и характер стандартизованности речи в тексте².

Хотя провести жесткую классификацию текстов невозможно, в каждом тексте есть определенные черты,

¹ Солганик Г. Я. Стилистика текста. — М., 2003. стр. 173.

² Валгина Н.С. Теория текста. — М.: 2003. стр 196.

определяющие его специфику, что позволяет подразделять тексты на классы, а при более детальном рассмотрении — выделить подклассы, виды, подвиды и т. д.

На основе функций языка и стилей языка выделяют пять основных функционально-стилевых типов текстов:

Обиходно-бытовые тексты. Они могут подразделяться на разговорно-бытовые, разговорно-деловые и др. Превалирующей функцией в текстах данного типа является функция общения. Эти тексты реализуются в устной диалогической форме и ориентируются на взаимную коммуникацию.

Официально-деловые тексты, к которым относятся государственные, политические, дипломатические, коммерческие, юридические и тому подобные документы. У них основная функция сообщения. Как правило, официально-деловые тексты существуют в письменной форме, которая часто бывает жестко регламентированной.

Общественно-информативные тексты содержат самую различную информацию, проходящую по каналам массовой коммуникации, газетам, журналам, радио и телевидению. Их главная функция — сообщение. Вместе с тем эти тексты могут быть рассчитанными на и определенное воздействие, на обработку общественного мнения, что указывает на значительную роль функции воздействия. Однако функция сообщения остается у них основной, формирующей типологию текста. Форма этих текстов чаще всего письменная. На радио и телевидении письменные тексты ретранслируются в устной форме.

Научные тексты подразделяются на множество подтипов, видов и подвидов, в зависимости от областей знаний и назначения. Среди них выделяются, прежде всего, тексты специальные, рассчитанные на профессионалов, и научно-популярные, предназначенные для массового читателя. Всем им присуща функция сообщения и ориентация на логически последовательное, объективное и доказательное изложение содержания. Научные тексты реализуются главным образом в письменной форме³.

³ На конференциях, съездах, симпозиумах и т. п. их форма может быть устной.

Последнему тип текстов составляют художественные тексты, охватывающие все жанровое разнообразие художественной литературы, литературной критики и публицистики. Эти тексты характеризуются функцией воздействия. В таких текстах особое значение приобретает форма изложения. От того, как и в какой форме материализуется содержание, зависит эстетическая ценность произведения и уровень эмоционально-экспрессивного воздействия на читателя. В художественных текстах используются единицы и средства всех стилей, но все эти стилевые элементы включаются в особую художественную систему и приобретают новую, эстетическую функцию.

В данной статье речь пойдет о динамике текстов научных, в которых основную роль играет функция сообщения. Иллюстрационным материалом будут служить статья Донны Старкс⁴, посвященной книге Донна Баярда "Kiwitalk: Sociolinguistics and New Zealand Society», и отрывок из книги Г. Суита «The Practical Study of Languages»⁵.

Научный стиль речи обслуживает специальную сферу человеческой деятельности — научную. Поскольку наука выполняет функцию «выработки и теоретической систематизации объективных знаний о действительности»⁶ для научного стиля речи главным является логическое, точное, однозначное выражение мысли.

Говоря о научном стиле, необходимо отметить тот факт, что в отечественной науке до сих пор ведутся споры, является научный стиль чем-то единым, или многообразие текстов, имеющих черты этого стиля, нуждается в дальнейшей классификации. Так, Р.А.Будагов, подчеркивая универсальность этого стиля, пишет: «Языковой стиль основывается на определенных лингвистических признаках. Между тем язык химического трактата в лингвистическом отношении ничем не отличается от языка медицинского трактата, если не считать специальных терминов... Поэтому

4 Donna Starks Book review//Te Reo, 1997 (40) pp.92-94.

5 H. Sweet, The Practical Study of Languages.

6 Философский энциклопедический словарь. М., 1983. Стр. 403

язык трактатов, написанных на темы разных наук, будет все тем же научным языком (научным стилем языка)»⁷.

С другой стороны, поскольку научная публикация может быть предназначена как для специалистов, так и для широкого круга читателей, часто выделяется собственно научный стиль изложения и научно-популярный⁸; особыми подстилями являются учебно-научный, научно-публицистический и научно-мемуарный. По другим признакам выделяются научно-рекламный, научно-реферативный и научно-информационный подстили, а также научно-инструктивный, научно-деловой, научно-фантастический. Критериями данного разграничения предлагается считать наличие экспрессивно-эмоциональных элементов, синтактико-стилистические и композиционные характеристики.

Однако универсальными чертами научного стиля все же считаются следующие: отвлеченность, обобщенность, структурно выраженная логичность изложения смысловая точность (однозначность), объективность, строгость, скрытая эмоциональность. Эти черты обусловлены тем фактом, что наука оперирует понятиями и категориями, а процесс научного мышления воплощается в умозаключениях и рассуждениях. Следовательно, понятийность, абстрагированность и логичность мышления определяют и характерные черты научного стиля. Жанровое разнообразие научной литературы также влияет на формирование стилиевых черт. Это монографии, статьи, научные отчеты, описания рекламируемого промышленного продукта, патентные описания, рефераты, аннотации и т.п.

Так, статья Донны Старкс принадлежит научному стилю речи, а по жанру является вторичным научным документом, а именно рецензией. Статья характеризуется лаконичностью изложения, которая достигается за счет изъятия системы доказательств, примеров, повторений.

После определения стилевой принадлежности текста необходимо сформулировать прагматическую установку

⁷ Будагов Р.А. Введение в науку о языке. —М., 1965. Стр. 461

⁸ См.: Лазаревич Э.А. Популяризация науки в России. М., 1981.

текста и гипотетическую прагматическую установку самого автора. Первое диктуется самим текстом, его типом, жанром, задачами, которые он призван реализовать. Это, фактически, его общая целеустановка — информирование, обучение, инструктирование, декларирование и т.д. Прагматическую установку определяет форму и протяженность текста, отбор материала, общую стилистику и др. Так, научные и официально-деловые тексты ориентированы на однозначность их восприятия читателем, отсюда логичность, точность изложения, строгий отбор стилистически однородной лексики. Однако автор, подчиняясь общим правилам построения текста, вносит свои, личностные коррективы в построение текста, таким образом осуществляя свою, авторскую прагматическую установку. Любой текст, помимо собственно информации, включает в себя и отношение автора к сообщаемой информации. Последнее непосредственно связано с интерпретационной стороной текста, так как автор не только формирует текст, но и направляет читателя в его интерпретации текста.

Если прагматическая установка текста становится ясной уже при первом ознакомлении с ним, то прагматическую установку автора полностью оценить можно только проведя полный анализ динамики текста. Именно динамическое оформление текста должно наиболее полно передать слушателям эту установку. И первым этапом анализа собственно динамики является определение композиционного строения текста, то есть его членения.

Под влиянием взаимодействия двух прагматических установок в тексте обнаруживается два вида членения: объективное членение (или, иначе, структурно-логическое развертывание), и субъективное членение, призванное либо усилить логичность построения текста, либо наоборот, нарушить ее и создать тем самым различные смысловые и стилистические эффекты⁹. Если в первом случае целью членения является желание автора разделить

⁹ См. Левковская Н. А. В чем различие между сверхфразовым единством и абзацем? // Филологические науки. 1980. №1.

читателю части текста для того, чтобы облегчить восприятие сообщения, то в последнем случае установка текста и установка автора расходятся, и автор намеренно использует данный прием с целью более эффективного воздействия на читателя. В частности, это сказывается на особенностях абзацного членения текста, всецело подчиненного авторской установке.

Говоря о членении художественного текста, И.Р.Гальперин выделял два типа членения: а) объемно-прагматическое, при котором учитывается объем (размер) части и установка на внимание читателя, и б) контекстно-вариативное, которое определяется стилистической обработкой текста самим автором¹⁰. Л.Г.Бабенко предлагает несколько расширить предложенную систему членения, выделив членение текста на сложные синтаксические целые (или СФЕ — сверхфразовые единства) в особую разновидность членения, поскольку при этом помимо объема (размера) частей и установки на внимание читателя, учитывается внутреннее содержательное и структурно-композиционное устройство СФЕ. Такое членение предлагается определить как структурно-смысловое. Это изменение в системе важно, поскольку членение текста на СФЕ как отдельный тип членения связано с выделением микротем, развивающих, уточняющих, конкретизирующих основную тему литературного произведения¹¹.

Таким образом можно сказать, что членение художественного текста бывает трех видов.

1. Объемно-прагматическое, при котором выделяются, по возрастанию: абзац, отбивка¹², главка¹³, глава¹⁴, часть, книга или том¹⁵.

2. Контекстно-вариативное, включающее в себя, следующие формы:

¹⁰ Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования.- М., 1981

¹¹ Бабенко Л.Г. Лингвистический анализ художественного текста //Л.Г.Бабенко, И.Е.Васильев, Ю.В.Казарин.- Екатеринбург, 2000.

¹² Отмечаемая пропуском нескольких строк

¹³ Обычно обозначаемая арабскими цифрами

¹⁴ Обозначаемая римскими цифрами

¹⁵ В значении компонента целого

- I. речь автора, в которой выделяют:
 - i. повествование,
 - ii. описание (природы, внешности персонажей и пр.),
 - iii. рассуждения автора;
- II. чужая речь:
 - i. диалог (с вкраплением авторских ремарок),
 - ii. цитация,
 - iii. полилог,
 - iv. монолог,
 - v. внутренний монолог,
 - vi. внутренний диалог
- III. несобственно-прямая речь

3. Структурно-смысловое: деление на СФЕ.

Перенося предложенную систему в сферу научных текстов, представляется логичным опустить контекстно-вариативное членение. Оно в первую очередь выделяет в тексте два речевых потока — речь автора и речь персонажа. Поскольку в научных текстах важнейшей точкой зрения является точка зрения самого автора, а речи персонажа нет вовсе, то контекстно-вариативное членение не играет сколько-нибудь важной роли.

Таким образом, в научных текстах наблюдается членение структурно-смысловое и объемно-прагматическое, при котором, помимо выше перечисленных частей, выделяют также разделы и параграфы.

Особо следует остановиться на абзацном членении текста. Абзац является единицей объемно-прагматической (композиционно-стилистической, в терминологии некоторых исследователей). Это часть текста, заключенная между двумя отступами. Особенности абзаца лучше всего выделяются при сравнении с СФЕ., поскольку эти единицы схожи по внешним признакам, однако не тождественны по существу.

Так, если СФЕ — это тема-рематическая последовательность, открывающаяся фразой-зачином (в которой содержится смысловое содержание всего СФЕ), то в абзаце зачина как такового может и не быть. Фраза,

главная в тематическом и содержательном плане, может стоять в начале абзаца, в конце или даже являться отдельным абзацем. Абзац может содержать и несколько тематических фраз, если он включает в себя несколько тема-рематических последовательностей (то есть несколько СФЕ). Он может и разрывать СФЕ. Более того, в отдельных случаях (например, в официально-деловых текстах) абзац может состоять даже из части предложения).

Другими словами, членение текста на абзацы, имея много общего с делением структурно-смысловым, качественно от него отличается. Основное отличие заключается в большой доле субъективности, поскольку оформление абзацев зависит от воли автора, в то время как деление на СФЕ зависит от самого содержания тема-рематической последовательности.

Однако членение на абзацы может совпадать с делением на СФЕ, особенно в научных и деловых текстах. Это объясняется тем, что в текстах данных стилей изложение материала ведется в первую очередь по принципу логико-смысловому, функция сообщения превалирует над другими. Границы абзацев и СФЕ обозначают переход от одной микротемы к другой, усиливают логические связи. Абзац, совпадающий с СФЕ, называется классическим или тематическим. В подобных абзацах наблюдается определенная структурная схема — имеется тематическая фраза и пояснительная часть.

С точки зрения структурного построения выделяют несколько типов абзаца¹⁶:

1. Аналитико-синтетический абзац. Такие абзацы содержат пояснительную часть и итоговую (обобщающую) часть в финальной позиции.

2. Синтетико-аналитический абзац. Он начинается с обобщающей фразы и завершается пояснительной частью.

3. Рамочный абзац. Данный тип открывается тематической фразой, за которой следует пояснительная часть, и завершается абзац обобщающей фразой. Первая

¹⁶ Юшина Н.А. Абзац, его структурно-семантические типы и функционирование их в произведениях В.И.Ленина: Автореф. канд. дисс.М., 1972.

и последняя фраза перекликаются лексически, чем достигается «замыкание» темы.

Объем и структура абзаца диктуются выбором автора, его прагматической установкой и личными предпочтениями.

Причины, лежащие в основе абзацного членения, включают в себя:

1. Переход от одной микротемы к другой
2. Важность информации в рамках данного текста
3. Эмоциональное выделение детали
4. Невозможность дальнейшего представления информации без нарушения смысла и логичности

Как уже было сказано, основное назначение абзаца — расчленение текста с целью выделения его компонентов, что облегчает восприятие текста. Актуализация значимых частей текста усиливает его воздействие на читателя.

Абзацное членение может иметь разные целевые установки. Основные функции абзацного членения — логико-смысловая, экспрессивно-эмоциональная, акцентно-выделительная. Для текстов, направленных только на интеллектуальное восприятие, характерны абзацы тематические (каждый новый абзац раскрывает новую тему), для текстов, рассчитанных не только на интеллектуальное, но и на эмоциональное восприятие, — абзацы акцентные, экспрессивно-выделительные.

Для научной речи характерно четкое построение абзацев, выполняющих логико-смысловую функцию. Логическое развитие мысли оформляется путем строгого соблюдения тема-рематической последовательности при объединении высказываний в межфразовые единства. Подчеркнутость связи суждений передается с помощью повторений элементов структуры или с помощью повторных номинаций.

Так, например, в статье Донны Старкс на уровне абзацного членения можно выделить 9 абзацев, преимущественно синтетико-аналитических. Возьмем, например, 8 абзац:

The final chapter moves on to look at the effect of Americanisms and the influence of Maori on NZE. The discussion of Americanisms becomes particularly interesting when Bayard speculates on the possible differences in the rate of shift in

Auckland and Dunedin. The discussion of Maori words in New Zealand English contains a useful summary of Bellett's research on Pakeha recognition of Maori words (p 211-212) as well as some information on the number of Maori speakers and the need for tolerance towards the Maori language. The chapter ends with a final plug for better attitudes towards NZE, a decrease in racist and sexist attitudes, and the promotion of the Maori language and a multicultural New Zealand society.

В нем первое предложение является обобщающей фразой, вводящей микротему абзаца, и содержит ключевые слова «Americanisms», «Maori» и «NZE».

Однако при сравнении с членением структурно-смысловым становится очевидно несовпадение границ некоторых абзацев с границами сверхфразовых единств., 3, 4 и 6 абзацы включают в себя, по крайней мере, по 2 СФЕ.

Так, в третьем абзаце последнее предложение является непосредственно связанным и со вторым абзацем, поскольку содержит описание черт, сходных для 2 и 3 абзаца. В то же время, оно является перспективным элементом, указывающим на последующее развитие сообщения:

Chapter 2 is a brief introduction to the field of linguistics. The first pages of this chapter contain a very basic overview of Phonetics, Morphology and Syntax with examples from American and New Zealand English. Although phonetic symbols are introduced, many of the examples here and elsewhere in the book still rely on folk transcriptions. Although I could see the rationale for a basic introduction to linguistics, I felt it was a bit out of place here and would have preferred the chapter to have started with his discussion of linguistic variation and language attitudes. Chapters 1 and 2 are a bit slow going if you are expecting to read about New Zealand English but the next three chapters make up for this.

4 и 6 абзацы также состоят из двух СФЕ.

Chapter 3 starts with a description of the theories of the origin of NZE <...>. Chapter 4 is my favourite. This chapter looks at the relationship between language and society <...>.

и

Chapter 6 and 7 have a more sociological focus. Chapter 6 discusses <...>. Chapter 7 begins with a definition <...>.

Скорее всего, автор соединил 2 СФЕ в один абзац, чтобы сохранить объемную однородность сообщения. Как в 4, так и в 6 абзацах первые СФЕ гораздо короче последующего, и абзацы из 2 СФЕ по объему ближе к другим абзацам.

После определения особенностей членения данного текста необходимо проанализировать характеристики его связности.

Любой текст как произведение речи вне зависимости от цели высказывания, смысловой, эмоциональной и иной нагрузки характеризуется, прежде всего, связностью, внутренней и внешней, то есть связностью языкового оформления, которое предполагает как использование определенных лексико-грамматических средств, формально осуществляющих эту связность, так и все особенности употребления языковых единиц в построении текста¹⁷. М.П.Ионицэ подчеркивал, что связность является неотъемлемым признаком всякого текста, признаком, проявляющимся в смысловой его целостности и имеющим языковые способы выражения.

Категория связности, необходимо присущая каждому тексту (так как является текстообразующей категорией) и осуществляемая на уровне его фрагментов, может быть контактной (то есть связность контактирующих предложений в непосредственно следующих друг за другом фрагментах текста), неконтактной (связность различных неконтактирующих участков непосредственно следующих друг за другом фрагментов текста) и дистантной (связность частей текста, расположенных в разных местах повествования).

Исследователи различают локальную связность и глобальную связность текста. Локальная связность — это связность линейных последовательностей (высказываний, межфразовых единств). Она определяется внешними структурными показателями — межфразовыми синтаксическими связями (вводно-модальными и

¹⁷ Кожевникова Об аспектах связности в тексте как целом — в кн. Синтаксис текста М. 1979

местоименными словами, видо-временными формами глаголов, лексическими повторами, порядком слов, союзами и др.). Глобальная же связность — это то, что обеспечивает содержательную целостность текста как смыслового целого.

Структурная связь может быть эксплицитной и имплицитной, т.е. может быть выражена словами или только логико-интонационными средствами. В зависимости от места расположения сигналов связи в компонентах текста выделяют анафорическую (т.е. указывающую на ранее сказанное) и катафорическую (указывающую на последующее) связи.

Среди средств выражения структурной связности выделяют¹⁸:

1. Синтаксические средства, например синтаксический параллелизм, когда цепочки высказываний повторяют одну и ту же модель; порядок слов;

2. Грамматические средства — однотипность видо-временных форм глагола;

3. Лексические — вводно-модальными и местоименными словами, лексические повторы, союзы.

Так, к числу средств структурной связности в рецензии Донны Старкс можно отнести синтаксический параллелизм: "Chapter 1 is a basic introduction...", "Chapter 2 is a brief introduction...", "Chapter 3 starts with...", "Chapter 5 focuses on...". Часто встречаются лексические повторы: "basic overview", "short overview", "starting point for students doing research paper on NZE» и "starting point for

¹⁸ Л.Г.Бабенко предлагает следующую схему анализа связности текста:

1. Выявление имеющихся в тексте различных способов выражения логико-семантических связей (полный тождественный, частичный лексико-семантических, тематический, синонимический, антонимический, дейктический повторы)
2. Примеры использования союзов как средства внутритекстовой связи, способствующий выражению универсальных логико-смысловых отношений.
3. Анализ возможностей грамматики (морфологии и синтаксиса) в формировании связности текста
4. Описание прагматических типов текстовых связей: ассоциативных (внетекстовых) и образных (внутритекстовых)

Л.Г.Бабенко, И.Е.Васильев, Ю.В.Казарин.- Екатеринбург, 2000. стр. 275

undergraduate students doing short research papers on NZE". А с точки зрения грамматических средств статья характеризуется постоянным использованием Present Indefinite.

В отрывке, взятом из книги Г.Суита также имеется большое количество повторов, служащих для оформления связности: полные повторы ("dissatisfaction"), деривационные ряды («popular» — «popularity»), повторы антонимические («new methods» — «older methods»), предметно-местоименными повторы («methods» — «they»).

Смысловая целостность текста прежде всего заключается в единстве темы — микротемы, макротемы, темы всего речевого произведения¹⁹. Также показателями цельности могут служить логические способы тематического развертывания текста, то есть, ритмическая организация текста, логические связи элементов содержания, и др.²⁰

Единство темы можно рассматривать в объеме микротемы и темы всего речевого произведения. Мельчайшая частная тема — это тема, заключенная в межфразовом единстве²¹. Переход от одной темы (микротемы) к другой есть граница межфразовых единств. Межфразовое единство всегда монотематично, при объединении их друг с другом наблюдается переход от выражения микротем к макротеме.

Для текста важна коммуникативная преемственность между его составляющими. Каждое высказывание в коммуникативном плане связано с предшествующим и продвигает сообщение от известного к новому, от данного, исходного к ядру. В результате образуется тема-

¹⁹ Мельчайшей частной темой является тема, заключенная в межфразовом единстве (она обычно дается в зачине, первой фразе единства). Межфразовое единство всегда монотематично, поэтому переход от одной темы к другой служит сигналом границы межфразовых единств.

²⁰ Так, например, в текстах, принадлежащих к научному функциональному стилю, среди логических способов тематического развертывания текста можно также выделить индуктивный и дедуктивный способы, метод аналогии, пр.

²¹ Семантико-синтаксическая единица текста, представляющая собой тематическую и структурную объединенность двух и более высказываний

рематическая последовательность, цепочка. Текст как единица коммуникативная предполагает такое соединение высказываний, в котором каждое из последующих содержит какую-то минимальную информацию, уже имевшуюся в предыдущем высказывании.

В реальных текстах довольно часто можно обнаружить разрывы в тема-рематических последовательностях, скачки, которые позволяют сжимать подачу информации, экономить текстовое пространство. Это происходит в тех случаях, когда новая информация (обычно заключающаяся в реме) попадает сразу в тему последующего высказывания, т.е. какая-то из микротем в последовательности оказывается не представленной, образуя пропущенное смысловое и структурное звено. Подобные «пропуски» не сказываются на восприятии текста, пропущенные элементы легко восстанавливаются из контекста. Часто полная тематическая представленность в последовательности выглядит искусственно, как нечто излишне растолковывающее очевидное.

Скачок в последовательности дает возможность сжать семантическую структуру текста, и тогда большую часть текстового пространства займут рематические компоненты высказывания, поскольку тема обычно бывает предварительно известной, при этом структура высказывания не меняется, просто тема как бы уступает свою позицию новой информации.

Таким образом, высказывания объединяются в межфразовом единстве на основе тематического единства и структурных показателей связности. Такие объединения образуют тема-рематические последовательности однородного, неоднородного или смешанного состава. В свою очередь, как уже было сказано, межфразовые единства объединяются в более крупные тематические блоки, образуя фрагменты текста.

Такая последовательность в объединении единиц текста с обязательным нарастанием уровня членения текста (высказывание — межфразовое единство — фрагмент) в реальных текстах выдерживается необязательно. Так, например, отдельное высказывание может занять позицию самостоятельного компонента текста, оказавшись между

разными межфразовыми единствами, образуя тематический переход между ними. Например, у Суита:

The plan of this book involves, to some extent at least, a criticism of existing methods.

In this connection it is significant to observe that though there is great conservatism in scholastic circles — as shown in the retention of antiquated old text-books, in the prejudice against phonetics, and so on — there are, on the other hand, many signs of dissatisfaction with these methods.

This dissatisfaction is strikingly shown by the way in which new 'methods' are run after...

Второе высказывание выделено в отдельный абзац и является логической связкой между первым предложением (на что указывает референтативное выражение «In this connection») и последующим абзацем (выражено повтором «dissatisfaction» — «this dissatisfaction»).

Однако как правило текст строится именно с соблюдением подобного нарастания, что обеспечивает тематическую и логическую целостность текста.

Среди способов выражения тематического развертывания можно выделить следующие. На уровне синтаксиса это тема-рематические последовательности с цепной связью (так называемые последовательности неоднородного состава, где рема предыдущего высказывания становится темой последующего). На уровне абзацного членения тематическое развертывание оформляется в аналитико-синтетический и синтетико-аналитический абзацы.

Основным средством глобальной связности являются ключевые слова. Они создают вокруг себя единый смысловой контекст, вовлекая в него другие слова, ситуативно (или контекстуально) связанные со словом-понятием, избранным в качестве ключевого.

Ключевые слова создают семантические текстовые поля²², которые фактически являются смысловым лейтмотивом. Как правило, ключевые слова связаны с темой текста, фрагмента текста, отдельного сверхфразового

²² Новиков Л.А. Художественный текст и его анализ. М., 1988. с.31

единства. В последнем ключевое слово обязательно присутствует в его зачатке в качестве смыслового центра. И это слово семантически притягивает к себе другие слова, расположенные в пояснительной части сложного целого, раскрывающей данную микротему.

Так, в статье Старкс ключевыми словами являются термины «linguistics», «accent», «phonetics», «variable», «NZE», «RP».

Другим связующим элементом текста на уровне содержания является авторская оценка, его осмысление отображаемых предметов, связь авторского замысла и композиции, авторская позиция. Для художественного текста это «образ автора» (по терминологии В.В.Виноградова), для текста нехудожественного это авторская концепция, точка зрения. Без авторской позиции не может быть смыслового единства текста, его цельности. Целостность текста определяется организацией речевых средств, призванной передать содержание текста под углом зрения, отражающим авторскую позицию.

Одним из важнейших средств выражения категории связности, так и прерывности являются категории ретроспекции и проспекции.

Ретроспекция — это грамматическая категория текста, объединяющая формы языкового выражения, относящие читателя к предшествующей содержательно-фактуальной информации. Практически каждый текст в той или иной степени основан на ретроспекции. Последовательное накопление информации невозможно без удержания в памяти ранее полученной информации. Примечателен тот факт, что ретроспекция не является исключительной прерогативой автора текста. Она может быть и субъективно-читательской, то есть может явиться результатом индивидуального творческого восприятия повествования.

В зависимости от прагматической установки выделяют 3 вида ретроспекции. Автор использует ретроспективные элементы, чтобы:

1. восстановить в памяти читателя данные сведения или сообщить ему новые, относящиеся к прошлому и

необходимые для понимания дальнейшего развертывания повествования;

2. дать возможность переосмыслить эти сведения в новом контексте, с учетом того, что было сказано до ретроспективной части;

3. актуализировать отдельные части текста, опосредованно относящиеся к содержательно-концептуальной информации.

По отношению к самому тексту выделяют ретроспекцию внутритекстовую (т.е. не выходящую за рамки данного текста). Характер ее может быть двояким:

1) когда предшествующая информация уже была изложена в тексте,

2) когда предшествующая информация, необходимая для связи событий сообщается, прерывая поступательное движение текста.

Второй тип ретроспекции — затекстовая, важнейшим «подвидом» которой является ретроспективный обзор, детально описанный Д. Камбуровой²³. Автор отдельно останавливается на «затекстовой» ретроспекции, а именно на суммировании автором достижений в исследуемой им области. Подобный ретроспективный обзор обусловлен конкретной коммуникативной установкой автора, а именно желанием изложить историю исследуемого вопроса, указывая при этом на метод, который сам автор намеревается использовать при написании своей работы. Таким образом, данный вид ретроспекции органично включает в себя как и проспективно направленные элементы.

Так, в анализируемом отрывке книги Г.Суита автор критикует существующие подходы к иностранным языкам и выражает собственную точку зрения на эту тему. В рамках всей книги данный текст может считаться затекстовой ретроспекцией. Исходя из предположения, что все существующие методы плохи («The plan of this book involves, to some extent at least, a criticism of existing methods») и

23 Камбурова Д. «Прагматический аспект формирования категории ретроспекции (на материале английской научной лингвистической литературы)»

доказывая свое мнение, автор постепенно, методом от обратного, приходит к описанию метода хорошего. Это описание фактически состоит из антонимического повтора отрицательных сторон других методов. Детально разбирая недостатки существующих методов («ignores phonetics», «prejudice against phonetics», «insufficient knowledge of the science of language», «one-sided»), автор постепенно приходит к некоторому списку качеств, которые определяют хороший метод («based on a thorough knowledge of the science of language», «comprehensive and eclectic»). Поэтому те недостатки, который автор указывает в каждом из существующих методов являются, фактически, перспективными элементами динамики, ибо они определяют те положительные стороны метода, который автор собирается определить и обосновать

Ретроспекция реализуется разными способами, среди которых особое место занимает повтор. Сама ретроспекция тоже своеобразный повтор — повтор мысли, который, естественно, замедляет движение повествования. Таким образом, ретроспекцию можно рассматривать как паузу, как разрыв континуума повествования для того, чтобы актуализовать ранее изложенное.

Наиболее характерными сигналами введения ретроспективной части являются:

1) грамматические сигналы: переход от времени изложения в другую временную плоскость с помощью таких глагольных форм как *past indefinite*, *present and past perfect*;

2) лексические сигналы: наречия *already*, *before*, *lately*, прилагательные (*recent*, *past*), глаголы ретроспективной семантики- *to refer to*, *to mention*;

3) Специальным сигналом введения ретроспекции являются вводные предложения.

Другой грамматической категорией текста, объединяющей различные языковые формы отнесения содержательно-фактуальной информации, является перспекция. Однако она относит читателя к тому, о чем речь будет идти в последующих частях текста. Подобно ретроспекции перспекция — один из приемов повествования, который дает читателю возможность яснее

представить себе связь и обусловленность событий и эпизодов.

Элементы выражения проспекция также бывают грамматическими (изменение времени изложения на future), лексическими (later) и синтаксическими (катафорические вводные предложения).

В большинстве текстов ретроспекция и проспекция проявляется имплицитно. В случае ретроспекции имплицитность основана на способности человеческой памяти удерживать ранее сообщенную информацию и соединять ее с сообщаемым в данном отрезке повествования. В проспекции же имплицитность, переплетаясь с отдельными эксплицитно выраженными сигналами, направляет внимание читателя, мобилизует его творческий потенциал предугадывать то, что будет изложено в дальнейшем развертывании текста.

После того, как основные элементы динамики текста выявлены, необходимо приступить к анализу иерархии этих элементов. Не поняв структурно-иерархическое построение текста, невозможно понять и самого текста, ибо в любом законченном сообщении, коим является текст, всегда присутствуют элементы более значимые, центральные и иные, подчиненные им. Саму же иерархию невозможно понять статически, ибо она в сущности своей динамична

Воссоздание иерархии элементов динамики подразумевает, во-первых, выделение более важных, центральных элементов и, во-вторых, определение относительной важности их роли в выражении динамики. Фактически данный этап заключается в суммировании всех результатов анализа; все выделенные элементы динамики анализируемого текста необходимо рассмотреть с точки зрения их роли в выражении точки зрения автора.

Литература

1. Starks D. Book review // Te Reo, 1997 (40).
2. Sweet H. The Practical Study of Languages.
3. Бабенко А.Г. Лингвистический анализ художественного текста //А.Г.Бабенко, И.Е.Васильев, Ю.В.Казарин. — Екатеринбург, 2000.

4. Будагов Р.А. Введение в науку о языке. — Москва, 1965.
5. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. — Москва, 1981.
6. Кожевникова Н.А. Об аспектах связности в тексте как целом // Синтаксис текста. — Москва, 1979.
7. Лазаревич Э.А. Популяризация науки в России. — Москва, 1981.
8. Левковская Н. А. В чем различие между сверхфразовым единством и абзацем? // Филологические науки. 1980. №1.
9. Новиков Л.А. Художественный текст и его анализ. — Москва, 1988.
10. Солганик Г. Я. Стилистика текста. — Москва, 2003.
11. Философский энциклопедический словарь. — Москва, 1983.
12. Юшина Н.А. Абзац, его структурно-семантические типы и функционирование их в произведениях В.И.Ленина. — Автореф. канд. дисс. — Москва, 1972.

Шалунова М.С. Эволюция языка рекламы в Интернете, конец XX — начало XXI вв.

Реклама является неотъемлемой частью нашей жизни. Она формирует наш образ жизни, определяет стереотипы, участвует в становлении новой картины мира. Иногда составителей рекламных текстов даже называют «поэтами современной поп-культуры» (выражение Дона Нильсена — «today's pop-cultural poets»¹). Именно по причине того, что реклама одновременно отражает изменения языка и влияет на языковую норму, лингвистика должна уделять должное внимание языку рекламы. Реклама, как и любое другое социальное явление, со временем изменяется и эволюционирует, отражая новые общественные и культурные процессы. Для получения наиболее полного представления о характере рекламы и языке рекламы необходимо выбрать интегрированный подход и рассмотреть все аспекты (маркетинговый, социологический, психологический и лингвистический) в совокупности.

Основная задача рекламы состоит в том, чтобы способствовать продаже товара или услуги. Для этого рекламное сообщение должно привлекать внимание, быть интересным, запоминающимся и вызывающим у потенциального клиента желание приобрести тот или иной товар или услугу. Для достижения подобного эффекта составители рекламы используют различные визуальные эффекты и лингвистические приемы. Кроме того, чтобы рекламный текст оказал желаемое воздействие, необходимо, чтобы он распространялся по соответствующему каналу и был надлежащим образом воспринят целевой аудиторией. Функциональные особенности того или иного рекламного носителя определяют характер использованных в рекламном сообщении лингвистических приемов.

Принято выделять несколько основных средств рекламы, в том числе: пресса, радио, телевидение,

¹ Nilsen Don L.F., Nilsen A.P. Language Play. An Introduction to Linguistics. - Rowley (Mass.): Newbury House, 1978, p.61.

наружная реклама и альтернативные средства (в частности, Интернет).²

Интернет - мировая компьютерная информационная сеть - является одним из новейших средств рекламирования. Интернет возник в США в 1960-х гг., когда в «Агентстве перспективных проектов исследований» (APRA) министерства обороны США начались эксперименты по объединению компьютеров с помощью телефонных линий. Полученная в результате сеть была названа APRANet. К концу 70-х гг. была проведена сеть между APRANet и университетами США, позволившая ученым обмениваться необходимой научной информацией и данными. К середине 1980-х сеть получила широкое распространение среди рядовых граждан Америки. Благодаря интерактивности и широте охвата ее популярность росла с каждым днем. Поэтому в 1989 г. появилось то, что сегодня принято называть World Wide Web или www (Всемирная паутина). Ее создала группа ученых в Европейской лаборатории физики элементарных частиц (CERN). Новые протоколы передачи данных позволяли обмениваться не только текстовыми, но и мультимедийными файлами. Интернет-реальность ожила, она стала более привычной для человеческого разума, стала точнее отражать окружающий нас мир. С этого момента популярность Интернета и количество пользователей увеличивалось с огромной скоростью, и к началу XXI века их общее количество превысило 7 млн. человек в мире.

В Россию Интернет пришел с некоторым опозданием. Годом рождения русского Интернета можно считать 1991 г., поскольку именно тогда был зарегистрирован домен «.su». В конце 1993 г. компания Relcom Company зарегистрировала домен «.ru». По оценке Российской Ассоциации Рекламных Агентств (РАРА) Интернет был самым растущим СМИ в 2002 г.³ На сегодняшний день 11 млн. человек, т.е. 10% от населения страны, пользуются Интернетом, при этом темпы роста этой аудитории самые высокие среди других средств массовой информации.

² Джефкинс Ф. Реклама. - М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002.

³ Российский рекламный ежегодник. Москва 2003.

Демографические характеристики российских пользователей Интернета несколько отличаются от характеристик американских и европейских пользователей. В России большая доля использования Интернета приходится на мужскую половину населения (около 81%), причем в основном это молодые мужчины (примерно 70% пользователей — молодежь, т.е. люди от 17 до 27 лет). Благодаря развитию и распространению технологий и общему улучшению качества жизни Интернет становится доступен людям разных поколений и социальных категорий. По данным агентства monitoring.ru, в настоящее время среди пользователей Интернета в той или иной степени представлены практически все группы населения, кроме пенсионеров: студенты, предприниматели, домохозяйки, военнослужащие, руководители и даже безработные.

Подобное разнообразие пользователей, а также уникальные технические возможности делают Интернет привлекательным средством ведения бизнеса и рекламирования. По данным исследований за 5 лет, начиная с 1998 г., рынок Интернет-рекламы вырос почти на 17,5 млн. долл., и, по некоторым прогнозам, он будет продолжать расти. За последние годы значительно увеличилось количество Интернет-магазинов и Интернет-аукционов. Постепенно Россия становится полноправным членом международного Интернет-сообщества. Еще одной важной особенностью Интернета в нашей стране является его сосредоточенность в крупных городах. Так, например, согласно данным monitoring.ru, около 25% регулярных пользователей живут в Москве либо в Санкт-Петербурге. На долю городов с численностью населения более 1 млн. человек приходятся еще 55% пользователей. С одной стороны, такая концентрация пользователей в крупных городах сокращает аудиторию нового СМИ. С другой, именно эта концентрация и делает Интернет таким эффективным средством рекламирования товаров, идей и услуг.

К моменту появления Интернета индустрия рекламы уже прошла довольно долгий путь развития. Интернет-реклама дала новую жизнь классическим приемам. Интерактивность (основная особенность Интернета) и

возможность использования различных аудио и видео эффектов позволяют усилить экспрессивность «традиционных» лингвистических приемов и сделать рекламный текст более ярким и запоминающимся. Как и в случае «традиционных» средств рекламирования, выбор лингвистических приемов определяется функциональными особенностями рекламоносителя.

При анализе рекламы в Интернете следует обратить особое внимание на различие текстов баннеров и сайтов. Как правило, для последних характерны более сложные синтаксические структуры, большая информативность и меньшая экспрессивность. Задача баннеров — привлечь внимание пользователя. Поэтому они должны быть максимально экспрессивными. А поскольку баннеры ограничены в размерах, рекламное сообщение составляется из коротких фраз, обычно номинативных или повелительных предложений, с большим количеством экспрессивных знаков препинания. Именно в баннерной рекламе ярче всего отразилась эволюция Интернет-рекламы в целом.

В качестве общей тенденции развития языка рекламы в Интернете можно обозначить стандартизацию и выделение некоторых наиболее эффективных синтаксических моделей и стилистических приемов.

Для Интернет-рекламы конца 1990-х гг. было характерно использование большого количества разнообразных синтаксических моделей:

– синтаксического параллелизма,

<p><i>Buy stocks for \$4</i> <i>No investment minimums</i> <i>No account minimums</i> <i>No annual fees</i> SHAREBUILDER Build your future.⁴</p>

⁴ Здесь и далее дается дословный перевод рекламных сообщений:
Покупайте акции по \$4
Никаких минимальных вложений
Никакого минимального остатка на счете
Никаких ежегодных выплат
Sharebuilder Создайте свое будущее.

– конструкции из однородных членов предложения,

*"Looking for a guy who can play guitar, make chili, and finish the Sunday Crossword?" (Meet me at Yahoo!Personals.)*⁵

– Эллипсисов,

*Finding a great **guy** takes time...
Ten minutes for example*⁶

– парцелляции,

*Freedom
Appreciate it. Cherish it. Protect it.*⁷

– цитат и прямой речи,

*"The quality of life is a quality of choice."
Zino Davidoff*⁸

и многих других.

Однако со временем проявилась еще одна особенность Интернет-рекламы: она не просто нацелена на покупателя — покупатель диктует условия игры в Интернет-пространстве. В первые годы существования Интернета создатели рекламы предпочитали использовать визуальные эффекты (изображения обнаженных женщин, красивых машин и т.д.) и провокационные тексты (нестандартную пунктуацию, ошибочное написание слов). Но пользователи быстро устали от пестрых и кричащих баннеров на своих мониторах. Им была нужна конкретная информация. Так баннеры стали более информативными, хотя и не утратили экспрессивности, необходимой для любого рекламного текста.

Анализ баннерной рекламы образца 2003 г. показал, что чаще всего в современных текстах встречаются следующие синтаксические конструкции: парцелляция, прямая речь (или цитаты) и синтаксический параллелизм.

⁵ Ищете парня, который умеет играть на гитаре, готовить чили и разгадывать воскресные кроссворды? (Познакомьтесь со мной на Yahoo!Personals)

⁶ Для того чтобы найти хорошего парня, нужно время ...

Например, десять минут

⁷ Свобода

Цените ее. Сохраняйте ее. Защищайте ее.

⁸ «Качество жизни — это качество выбора».

Зино Давидовф

Примечателен тот факт, что парцелляция гораздо чаще встречается в рекламе так называемых «серьезных» товаров (банковских услуг и компьютерных технологий), а также в социальной рекламе. Даже на сайте казначейства США, посвященного новым долларovým банкнотам, использован этот прием:

The New Color of Money
Safer. Smarter. More Secure.⁹

Парцелляция позволяет акцентировать внимание читателя на каждой отдельной идее рекламного сообщения. Кроме того, она создает образ серьезного делового человека, у которого нет времени на пустые разговоры. Подобным имиджем часто пользуются банки, как, например, это сделал банк HSBC:

You work hard.
You play hard.
You're on your way to the top.

Nothing has slowed you down.
And with offshore banking neither will your finances.

Financial services designed for people living and working abroad.

HSBC the world's local bank.¹⁰

На примере этой рекламы отметим еще одну особенность рекламных текстов последних лет: грамотное использование знаков препинания, что в случае с

⁹ Новый цвет денег.

Надежнее. Умнее. Безопаснее.

¹⁰ Вы много работаете.

И много развлекаетесь.

Вы на пути к вершине.

До сих пор ничто не мешало вам добиваться успеха.

С оффшорными банковскими операциями — не мешают и ваши финансы.

Финансовые услуги для тех, кто работает и живет за рубежом.

HSBC мировой местный банк

англоязычной рекламой вдвойне интересно. Поскольку в английском языке большая часть правил пунктуации не обязательна, а факультативна, соблюдение этих правил способствует формированию имиджа респектабельного, уважаемого и внимательного человека (или компании). Правильно расставленные знаки препинания говорят о том, что автор (и заказчик) рекламного сообщения считал необходимым позаботиться даже о такой мелочи, как точка в конце предложения.

Каждая реклама имеет своего адресата — потенциального покупателя, клиента. Следовательно, каждое рекламное сообщение должно соответствовать психологическому и лингвистическому уровню своей целевой аудитории. Исследователи доказали, что использование в рекламных текстах местоимений «вы», «ты» или «мы» повышают запоминаемость сообщения. В то же время доказано, что люди с большей готовностью прислушиваются к мнению конкретного человека, чем некой неопределенной организации или компании. Этим можно объяснить тот факт, что в рекламных сообщениях последних лет, как в Интернете, так и в традиционных средствах рекламы, часто используются конструкции прямой речи или «имитация прямой речи» (т.е. использование текста, не заключенного в кавычки, но по смыслу которого понятно, что это говорит конкретный человек). Зачастую подобный прием поддерживает общую стратегию компании «прямого» общения с клиентом. Ярким примером такой компании является Dell (компьютерная компания) и ее рекламный баннер:

"I want to cut costs" "I want more security" "And I'd like <u>IO GO</u> please!" You Know Better. Dell Knows How. ¹¹

¹¹ «Я хочу меньше тратить»
«Я хочу большую надежность»
«А я хочу получить удовлетворение!»
Вы знаете, чего хотите.
Dell знает, как это сделать.

Примером «имитации прямой речи» может служить баннер компании RCA:

I know it's an unusual request...
But can I have access to Dug Green's records?
Permission Denied.¹²
Identity & Access Management
RCA securityConfidence Inspired

Первая часть рекламного текста сопровождается фотографией девушки, разговаривающей по телефону, благодаря этому невербальному сопровождению и особой пунктуации предложений (многоточия и вопросительного знака) читатель понимает, что это реальный разговор.

Другой стилистический прием, часто используемый рекламистами и по сей день, — различные виды игры слов. Как показали исследования, рекламные сообщения, построенные на игре слов, гораздо более эффективны. Удовольствие от угадывания шутки автора усиливает запоминание аудиторией самой рекламы. Например:

Stop over-fishing or the fish will be over. WWF¹³
(World Wildlife Fund)

В данной рекламе автор сыграл на сочетании предлоγοобразованного наречия *over* и глагола *to fish*: *over-fish* в переводе с английского означает «истощать рыбные запасы», *fish will be over* — «рыба закончится».

Для рекламных сообщений, чьей целевой аудиторией является молодежь, характерно также использование разговорной речи и слэнга. Например:

WE FIX 'EM AS FAST AS YOU BREAK 'EM!¹⁴

Непринужденный разговорный характер тексту придает редуцированная форма местоимения третьего лица множественного числа.

Подводя итог, можно сказать, что в последние годы составители рекламных текстов стали уделять больше внимания текстовой (а значит и лингвистической)

¹² «Я знаю, что это не совсем обычная просьба...
Но могла бы я узнать о состоянии счета Дага Грина?
В разрешении отказано.»

¹³ «Перестаньте истощать рыбные запасы, иначе рыбы больше не будет»

¹⁴ «Мы починим их, как только вы их сломаете»

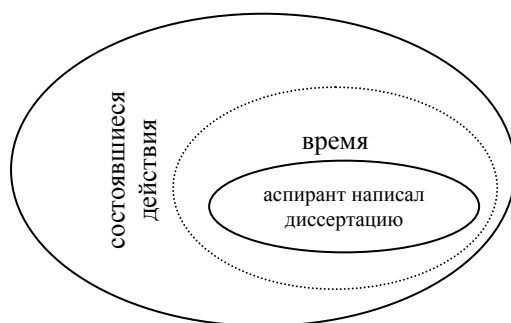
составляющей рекламы. По мере эволюции Интернет-рекламы среди многообразия стилистических приемов выделились наиболее эффективные и потому наиболее часто употребляемые синтаксические модели: синтаксический параллелизм, цитаты, эллипсисы и др. Изучение и анализ дальнейшего развития Интернета и языка Интернет-рекламы позволит нам предсказывать и контролировать развитие языка в целом, поскольку именно Интернет стал универсальным средством общения, благодаря которому стираются географические границы между странами, и постепенно начинает растворяться языковой барьер.

Литература

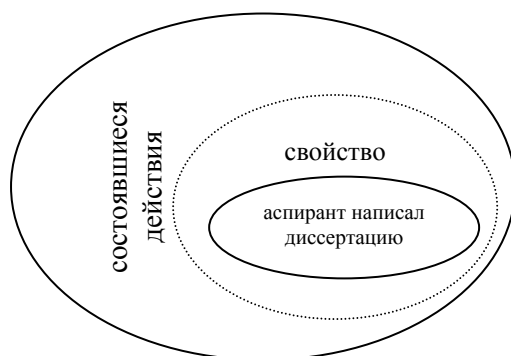
- 1.Александрова О.В. Проблемы экспрессивного синтаксиса. - М., 1984.
- 2.Гальперин И.Р. Очерки по стилистике английского языка. - М.:Высшая школа, 1977.
- 3.Ксензенко О.А. Как создается рекламный текст. - М., 1998.
- 4.Пирогова Ю.К., Баранов А.Н., Паршин П. Рекламный текст: семиотика и лингвистика. - М.: Изд. дом Гребенникова, 2000.
- 5.Sandage C.H. - Advertising Theory and Practice. - Homewood, 1979.
- 6.Crystal D. Language and the Internet. — Cambridge: Cambridge University Press, 2001.
- 7.Dowling P.J. Jr., Kuegler Th. J. Jr. Web Advertising and Marketing. - California: Prima Publishing, 1998.
- 8.Leech G.N. English in advertising. A linguistic study of advertising in Great Britain. - London, 1966.
- 9.St John, Maggie-Jo. Advertising and the Promotion Industry. - Prentice-Hall International, 1994.

Шуйская Ю.В. Алгоритмы образования аргументов от общих мест

Большинство аргументов содержит три компонента, три термина. Малым является само действие (или предмет), которое надо оценить (установить, было оно или не было, определить), средним — топ, а большим — то множество, в которое мы включаем данное действие при помощи топа. Это может быть множество положительных или отрицательных действий, множество бывших или не бывших действий и пр. Например, возьмем действие *аспирант написал диссертацию*. Предположим, что, не зная, так ли это, говорящий выдвигает аргумент: *Аспирант написал диссертацию, потому что у него уже заканчивается третий год аспирантуры (то есть, подошло время для того, чтобы ее написать)*:

Тот же аргумент можно построить и на основании любого другого общего места, например, *аспирант написал диссертацию, потому что он умный и исполнительный*.

Затем действие может подвергаться дальнейшему включению в различные множества.

Аргументация в речи дает ответ на три основных вопроса: 1) состоялось действие или нет (состоится оно или нет в будущем); 2) как его можно классифицировать и 3) как в связи с этим его можно оценить. Эти три возможных подхода к проблеме носят название риторических статусов — установление, определение и оценка соответственно.

В соответствии с тремя основными задачами доказательства — установление, определение, оценка — аргументы, рассматриваемые в дальнейшем, будут называться аргументами установления, определения и оценки. Распределение их по общим местам не совпадает с делением общих мест на риторические статусы с теми же названиями:

	Аргументы установления	Аргументы определения	Аргументы оценки
Топы установления	+	+	+
Топы определения	-	+	+
Топы оценки	-	-	+

Помимо этого, при аргументации установления возможна ссылка на внешние топы оценки — подтверждение истинности чего-либо с помощью авторитета и т.п.

Таким образом, каждое действие, относительно которого аргументирует оратор, проходит три этапа. Установив, было ли оно, оратор включает его в множество каких-либо действий и на основании этого строит оценку.

С помощью сорока двух общих мест (не каждый топ может образовывать все типы аргументов — во-первых, это связано с их распределением по статусам — см. выше — во-вторых, некоторые из них обладают «дефектной парадигмой», так как не входят в обязательные компоненты и параметры ситуации) аргументы образуются по пяти основным алгоритмам:

1) доказать, что действие состоялось/не состоялось на основании наличия/отсутствия у него одного из обязательных компонентов;

2) найти неизвестный компонент через известные;

3) доказать через один из топов, что действие принадлежит к определенной категории;

4) доказать через один из топов, что действие положительно/отрицательно;

5) оценить положительно/отрицательно какой-либо объект как являющийся компонентом положительной/отрицательной ситуации.

Продемонстрировать все эти алгоритмы можно на примере топа «субъект» (тот, кто совершил/совершит данное действие, является непосредственным, активным и главным участником ситуации):

1) У А был субъект.

У всякого действия есть субъект.

А состоялось.

У А не было субъекта (Субъект не мог совершить А).

У всякого действия есть субъект.

А не состоялось.

Леопольд Сумятицкий отрицательно относился к написанию завещаний, следовательно, завещания он не писал.

«Вопрос, который интересует меня в этом деле, стоит так: писано ли Леоп. Сумятицким завещание от 23 ноября 74 года, и, если оно было писано им самим, то подписано ли оно свидетелями Кобельским, Сливинским и Рутковским при его жизни?<...>

Видим ли мы прежде всего в Л. Сумятицком расположение к составлению духовного завещания? По этому поводу не было ни одного из лиц, знавших Л. Сумятицкого и сказавших, что он серьезно относился к этому вопросу, да и а priori можно сказать, что нет. Вы помните французскую поговорку, которой он обыкновенно отвечал лицам, заговаривавшим с ним о завещании: «Après moi — le deluge», говорил он.»

Речь присяжного поверенного В.Н. Герарда по делу Сулятицкого 22 мая 1880 г. в Каменец-Подольском окружном суде. (Судебные ораторы, 15 — 16)

Де ла Ронсьер был благородным человеком, следовательно, он не хамил женщине.

«Лишь после того, когда перешли в гостиную, он ни с того, ни с сего подходит к Марии и говорит: «У вас прекрасная мать! Очень жаль, что вы на нее так мало похожи».

Найдется ли хоть один человек, который поверил бы подобному эпизоду? Какой негодяй, какой безумец решился бы сказать нечто подобное? Рассудите, господа, сами. Вспомните, что такое генерал вообще относительно поручика. И что значит генерал барон Морель, начальник кавалерийского училища, человек с громадными связями, для незначительного субалтерн-офицера, вдобавок замеченного кое в чем и старающегося загладить свои недостатки перед начальством и строгим отцом. И вот офицер за столом генерала; и к нему внимательны, даже посадили или позволили сесть рядом с дочерью. В благодарность за это гость бросает ей дерзкие, непозволительные слова. Чем объяснить их? Привык он, что ли, так позорно держать себя у графов Шеланкур, Сен-Дени или у генерала Роберта? Не видел он порядочного общества? Наоборот, ряд свидетелей удостоверил, что, бывая в лучших домах и среди избранных женщин, он вел себя безукоризненно. Так было всегда, и лишь у генерала Мореля иначе. Здесь ла Ронсьер ничего не помнит и нагло, без всякой причины, оскорбляет кроткую, прелестную девушку.

Повторяю: кто этому может поверить?!»

Шэ д'Эст Анж, «Речь по делу де ла Ронсьера»
(Судебные ораторы Франции, 486)

Мичман Краевский был беден, и поэтому не мог внести в ссудную кассу более трех тысяч рублей.

«Ведь мать покойного мичмана Краевского, вызванная в суд обвинителями, простодушно заявила: когда мне сказали, что сын мой, получавший всего 190 рублей

жалованья, внес будто бы в судовую кассу свыше трех тысяч рублей, я сразу сказала: да этого и быть не может; самое большое, что мог он накопить, это рублей двести-триста.

И то, что доступно пониманию бесхитроной женщины, разве недоступно умудренным опытом и знанием чинам финансового ведомства?»

(Сергеич, 251).

2) Субъект действия, особенно в судебных делах, часто неизвестен, и задача оратора — доказать, что именно этот человек совершил данное действие. Наряду с субъектом есть несколько обязательных компонентов ситуации: действие не может совершаться никогда, нигде и никаким образом. Также не бывает такого действия, которое ничем не вызвано, не дало никакого результата и ни на кого не повлияло. Эти компоненты дают несколько соответствующих топов: объект (пассивный участник ситуации, тот, кто пострадал от данного действия), место, время, образ действия, основание (то, что спровоцировало возникновение данной ситуации) и результат. Факультативными параметрами ситуации являются инструмент (то, чем непосредственно совершалось данное действие) и средство (то, что помогало совершению данного действия). Также свойства самого потенциального субъекта определяют, мог ли он совершить данное действие. Таким образом, возникает еще несколько аргументов:

- он совершил данное действие, потому что он такой/он не совершал данного действия, потому что он такой

Семенова не убивала, потому что она — молодая и наивная женщина.

«Сразу отнеслись к Семеновой недоверчиво, а когда взглянули на нее — молодую, прилично одетую, в шведских лайковых перчатках, то невольно улыбнулись иронически. Недоверие это вызывалось, очевидно, тем, удивительным соображением, что убийца может быть только сильный, с узловатыми руками, растрепанными волосами и вообще скорее — мужчина, чем эта наивная на вид и

моложавая женщина (не то женщина, не то девочка, по выражению Ипатова).»

С.А. Андреевский, речь по делу Мироновича, 1884 —
1885 гг. (Андреевский, 120).

- он совершил данное действие, потому что имел доступ к объекту/он не совершал данного действия, потому что не имел доступа к объекту

В судебных речах такой аргумент редок, так как он применяется еще на той стадии, когда проводится следствие и устанавливаются обстоятельства дела. Часто можно встретить такой аргумент в детективах. Например, в романе Агаты Кристи «Убийство Роджера Экройда» шантажистом оказывается врач, так как он имел доступ и к жертве шантажа — замкнутой, мало с кем общавшейся миссис Феррар - и к информации о смерти ее мужа.

- он совершил данное действие, потому что имел доступ к инструменту/он не совершал данного действия, потому что не имел доступа к инструменту

У Волоховой не было ни ножа, ни шила, следовательно, она не убивала мужа.

Кроме того, и из медицинского осмотра видно, что раны были нанесены тремя родами орудий. Не говоря уже о том, что одному человеку нужно было употреблять три различных орудия для того, чтобы совершить убийство, я замечу, что в доме Волоховых ни ножа, ни шила не было найдено.

А.И. Урусов, речь по делу Волоховой (Урусов, 102).

- он совершил данное действие, потому что имел доступ к средству/он не совершал данного действия, потому что не имел доступа к средству

Де ла Ронсьер не насилывал Марию Морель, так как у него не было лестницы, чтобы залезть в ее комнату.

«Чтобы составить лестницу в 45 футов длиной, необходимы две толстые веревки, и, по наименьшему расчету, сорок поперечных палок. Где, у кого достал их ла

Ронсьер? Передопрашивали всех торговцев города, не продавал ли кто-нибудь таких материалов; отовсюду получили одинаковый ответ: нет! Затем — по совершении преступления, вслед за дерзким насилием, учиненным человеком, который, отправляясь на разбой и как бы опасаясь, что его не разыщут, бросает в своей комнате на комод письменное указание на себя самого, - по окончании всего этого, говорю я, куда девалась лестница? Опять искали всюду ее остатков, кусков, палок или веревок; вычерпывали колодцы, перепахивали рвы, бегали по амбарам и чердакам, лазили в погреба, везде и не один раз и опять ничего! Так как же, господа, проник ла Ронсьер к Марии Морель?»

Шэ д'Эст Анж, «Речь по делу де ла Ронсьера»
(Судебные ораторы Франции, 515).

- он совершил данное действие, потому что имел возможность совершить его в данное время/он не совершал данного действия, потому что не имел возможности совершить его в данное время

Миронович не мог убить Сарру Беккер, так как в это время он находился у себя дома.

Он вышел из кассы в 10-м часу, когда Сарра была еще жива, догнал в нескольких шагах от кассы свою давнишнюю сожительницу и направился в свой дом в Болотную. Тогда же Мироновича в 10 часов с небольшим видят входящим к себе домой все домашние. Он раздевается, надевает халат, меняет сапоги на туфли и пьет чай. Расставаясь с ним, Федорова видит на часах ближайшего магазина половина 11-го. Но и после того Миронович пьет чай с девочкой Машей. ... Все ручаются с неколебимой твердостью за большой промежуток времени, проведенный Мироновичем у них на глазах, между 9 и 11 часами. А вы знаете, что в начале 11-го убийца вошел в кассу.

С.А. Андреевский, речь по делу Мироновича, 1884 —
1885 гг. (Андреевский, 111)

- он совершил данное действие, потому что имел возможность совершить его в данном месте/он не

совершал данного действия, потому что не имел возможности совершить его в данном месте

Человек не мог совершить кражу, находясь за триста верст от того места, где она совершилась.

Из тех двух лиц, между которыми колеблется обвинение, одно было за 300 верст от места кражи в момент совершения ее, другое присутствовало на этом месте, в обоих вероятных пунктах, т.е. в деревне и в Липецке... И кто возьмет на себя смелость, на основании одного оговора, обвинять человека, против которого нет ни одной существенной улики, в то самое время, когда целая масса улик против оговаривающего подрывает значение этого оговора?

Ф.Н. Плевако, речь по делу Кострубо-Карицкого, обвиняемого в краже и изгнании плода. 1871 г. (Плевако, 89)

- он совершил данное действие, потому что имел возможность совершить его таким образом/он не совершал данного действия, потому что не имел возможности совершить его таким образом

Леопольд Сулятицкий не мог написать завещание ровным почерком, так как был разбит параличом.

«Я не стану уверять, что духовное завещание Л. Сулятицкого не схоже с его несомненным почерком; напротив, очень схоже, и если бы не было схоже, то и настоящего дела бы не было. То, что теперь несомненно, это то, что мы имеем пред собой много почерков Л. Сулятицкого, относящихся к 60 и 70 гг., и затем к моменту ближайшему, ко времени составления завещания и мы видим, что в почерках есть разница в дрожании руки. Это дрожание заметно более в почерке 70 гг., чего мы не видим в почерках 60-тых гг. и на духовном завещании.

Мы видим, что сходство духовного завещания ближе к документам, относящимся периоду времени за 12 — 15 л. и отличается от документов, относящихся к последним двум годам до его составления. Я не думаю, чтобы могло явиться предположение, что Л. Сулятицкий писал завещание не 23 ноября 74 г., а пометил его лишь 23 ноября, по крайней

мере, не могу придумать таких соображений, по которым можно было бы допустить подобное предположение. Между тем, мы знаем, что в это время Л. Сулятицкий, был разбит параличом. «Да, говорят, полно; доктора говорят: полу-параличом!» Мне кажется, что это все равно; все равно была болезнь, которая необходимо увеличивает дрожание руки, а уж никак не может уменьшить такое дрожание. Было же что-то такое, что почерка не укрепляло»

Речь присяжного поверенного В.Н. Герарда по делу Сулятицкого 22 мая 1880 г. в Каменец-Подольском окружном суде (Судебные ораторы, 15 — 16).

- он совершил данное действие, потому что у него было основание/он не совершал данного действия, потому что у него не было основания

Лукерья не совершала самоубийства, так как у нее не было на то основания.

Посмотрим, насколько возможно предположение о самоубийстве. Думаю, что нам не станут говорить о самоубийстве с горя, что мужа посадили на 7 дней под арест. Надо быть детски легковерным, чтобы поверить подобному мотиву. Мы знаем, что Лукерья приняла известие об аресте мужа спокойно, хладнокровно, да и приходиться в такое отчаяние, чтобы топиться ввиду 7-дневной разлуки было бы редким, чтобы не сказать, невозможным примером супружеской привязанности. Итак, была другая причина, но какая же? Быть может, жестокое обращение мужа, но мы, однако, не видим такого обращения: все говорят, что они жили мирно, явных ссор не происходило. Правда, она раз, накануне смерти, жаловалась, что муж стал грубо отвечать, лез с кулаками и даже советовал ей в Ждановку. Но, живя в России, мы знаем, каково в простом классе жестокое обращение с женой. Оно выражается гораздо грубее и резче: в нем муж, считая себя в своем неотъемлемом праве, старается не только причинить боль, но и на шуметь, сорвать сердце. Здесь такого жестокого обращения не было и быть не могло. Оно, по большей части, есть следствие грубого возмущения какою-нибудь стороной в личности жены, которую нужно, по мнению мужа, исправить,

наказуя и истязая. Здесь было другое чувство, более сильное и всегда более страшное по своим результатам. Это была глубокая, затаенная ненависть. Наконец, мы знаем, что никто так не склонен жаловаться и плакаться на жестокое обращение, как женщина, и Лукерья точно так же не удержалась бы, чтобы не рассказать хоть близким, хоть сестре, что нет житья с мужем, как рассказала о нем накануне смерти. Итак, нет повода к самоубийству.

А.Ф. Кони, речь по делу об утоплении крестьянки
Емельяновой ее мужем (Кони, 286)

- он совершил данное действие, потому что результат имеет к нему отношение/он не совершал данного действия, потому что результат не имеет к нему отношения

У подсудимого были найдены чеки, пропавшие у Штрама, следовательно, он убил Штрама.

Остается только третий повод убийства, который всего яснее вытекает из того, что сюртук покойного находится под трупом пустой, а то, что в последнее время составляло, по-видимому весь смысл существования Штрам, без чего он сам был немислим, отсутствует: нет чеков, нет денег. Очевидно, убийство совершено из корысти.

...

Дайте факты, дайте определенные, ясные данные! Данные эти есть — это чеки, с которыми арестован подсудимый. Факт этот связывает все приведенные выше обстоятельства крепкою связью.

А.Ф. Кони, речь по делу об убийстве Филиппа Штрама
(Кони, 316) .

3) При определении того, чем являлось данное действие, также часто используется идея субъекта. Чаще всего это аргумент, касающийся состояния субъекта, от которого зависит, можно ли признать его действия умышленными или нельзя.

Человек находится в состоянии, подходящем для А.

В определение действия входит состояние субъекта.

Это действие является А.

Состоянием, с точки зрения теории общих мест, является не только сиюминутное состояние духа, но и, например, возраст. Соответствующий аргумент применяется тогда, когда несовершеннолетние подвергаются более мягкому наказанию или не наказываются вовсе, а совершеннолетние наказываются по всей строгости.

**Человек находился в состоянии, не подходящем для
А.
В определение действия входит состояние субъекта.
Это действие не является А.**

Захлебывающийся в воде человек не может обдумывать свои действия, следовательно, нельзя признать его виновным в умышленном убийстве.

Увы! — человек часто влагает в явления смысл, им вовсе не присущий. Вспомним средние века, времена наивной веры в суды Божии, времена ордалий. Двоих подозреваемых в преступлении бросали в воду: который шел ко дну, считался невинным, а кто не тонул — преступником. Мы далеко ушли от этих суеверий, но мы бессознательно удерживаем более утонченные формы подобных же заблуждений; мы не верим во вмешательство воли Божией, но зато слишком много приписываем воле человеческой. Двое упали в воду, один утонул, другой выплыл, — значит, первый утопил второго. И мы, анализируя волю человека, коченеющего в воде, приписываем ему нашу логику и вкладываем ему в голову адские планы, совершенно забывая, что нам, спокойно здесь сидящим, столь же мало доступна логика захлебывающегося и коченеющего в предсмертной судороге человека, как и его мозгу кровообращением недоступны наши спокойные размышления.

М.К. Казаринов, речь по делу Укминского (Речи русских юристов, 194 — 195) .

Лукашевич находился в состоянии аффекта, следовательно, его действия нельзя признать умышленным убийством.

Когда здесь об этом состоянии духа спрашивали людей сведущих, то по данным науки ответ был один и тот же. В это время его аффект достиг наивысшей степени. Это был такой толчок человеческой природе, при котором в одно мгновение разум и воля оставляют человека: человек делается рабом всего того, что им пережито. Яд, которого так много накопилось в груди, моментально разливается по всему организму, не встречая себе ни малейшего противодействия... <...>

К несчастью, мы поздно хватились, что эксперты не слышали обвинительного акта; поэтому я не мог с достаточной ясностью рассмотреть вопрос о самих выстрелах. Между прочим здесь было сказано, что все выстрелы были сознательно направлены в цель. Но для нас не имеет особенного значения число выстрелов. Для нас важен другой вопрос — о той решимости, с какою был сделан первый выстрел. Если вы вспомните то расстояние, на котором были произведены выстрелы, то увидите, что первая пуля была смертельна, что она положила женщину на месте, а прочие уже вошли в труп — изнизали тело уже погибшей женщины. Очевидно, человек, который производил эти посмертные выстрелы, уже не владел своей рукой.

Ф.Н. Плевако, речь по делу Н.А. Лукашевича, обвиняемого в убийстве мачехи (Плевако, 61) .

4) Оценка самого действия может зависеть от того, какой субъект его совершил. Таким образом, возможны следующие аргументы:

Это действие совершено хорошим субъектом¹⁵.

Хорошие люди совершают только хорошие действия.

Это действие хорошо.

Подобный аргумент применяется в рекламах типа «новый роман известной писательницы», «новый фильм популярного режиссера» - подразумевается, что любой

¹⁵ Слово «хороший» (так же, как и «плохой») в данном случае является категорией здравого смысла. За ним может стоять любое содержание: добрый, умный, честный благородный и т.д. («плохой» - нечестный, глупый, злой и пр.)

роман данной писательницы и любой фильм данного режиссера хорош, так как сам автор — фигура положительная.

Это действие совершено плохим субъектом.

Плохие люди совершают только плохие действия.

Это действие плохо.

Булах — жадная и жестокая женщина, поэтому даже построенные ей благотворительные заведения — это плохо.

Опытная, глубоко проникающая в жизнь, Булах знала, что мир завистлив к быстрому обогащению, что, как пес, лающий на татя, пробирающегося к чужой сокровищнице, огрызается мир на всякое незаконное присвоение чужого. Она бросила этому миру подачку, - бросила два куска, в образе двух, чужими руками созданных, заведений любви и милости, и пока, обнюхивая и смакуя добычу, мир прервал свое ворчание, - одетая в тогу благотворительности, окруженная почетом, Булах не дремала: казнохранилища Мазуриной опустели, а у Булах, - и не только у нее, но и у всех ее присноблизких, - воздвигнулись богатые хоромы, а в них закрома...

Ф.Н. Плевако, речь по делу Булах (Плевако, 120) .

6) Наконец, оценка самого субъекта может зависеть от того действия, которое он совершил. Иными словами, показанные в предыдущей части аргументы как бы разворачиваются в обратную сторону:

Этот субъект совершил хорошее действие.

Хорошие действия совершают только хорошие люди.

Этот субъект хорош.

Александр I является хорошим монархом, так как он много сделал для Университета.

«В чье царствование других великих и благотворных Государей наших было поприще таланту и учености открыто столь обширнейшее и блистательное, как при АЛЕКСАНДРЕ? При каком из Монархов возникло столько полезных заведений для образования юношества, для распространения наук и для поощрения ученых? — Обозревая в особенности *Историю Московского Университета*, не обинуясь, можем сказать, что никто из М о н а р х о в Российских не оказал ему столько

благотворений, как АЛЕКСАНДР — его Преобразователь, Восстановитель и Благодетель.

С любовью к Отечеству и с пламенным желанием ему добра вступив на родительский Престол, ОН положил твердо в уме своем — распространять истинное просвещение между всеми состояниями подданных Своих; и когда в сем благотворном намерении заведены ИМ были новые Университеты, новые училища: тогда ОН удостоил особенного воззрения Московский Университет, и в Грамоте Своей торжественно изъявил ему Свою признательность за великое участие его в образовании людей, способных для Государственной службы, в распространении знаний и наипаче в усовершенствовании отечественного языка. — Едва минуло полвека существованию в древней Столице сего Университета, по времени, месту и достоинству первого и старшего в России: АЛЕКСАНДР даровал ему *н о в ы й У с т а в*, а с ним вместе новые права и преимущества, более сообразные с просвещением текущего времени — и желая поставить сие заведение на *незыблемом основании*, торжественно подтвердил оные за Себя и за своих Преемников; ибо сей мудрый просвещенный Государь признавал ученые заведения не частными и временными, но общественными, вековечными, коих цветущее состояние и слава, изменения ко духу времени и правления важны и полезны не только для учителей и учеников, но и для всякого народа и общества гражданского ко взаимным их отношениям».

«Слово, говоренное в день основания Императорского Московского Университета, января 12 дня 1826 года Императорского Московского Университета Богословия и Церковной Истории Профессором, Богоявленском Архимандритом Иннокентием» (Речи в память Александра, 13 — 14) .

Этот субъект совершил плохое действие.

Плохие действия совершают только плохие люди.

Этот субъект плох.

Министр культуры сыграл на сцене Ленина, значит, он не может управлять культурой.

Да здравствует наш министр культуры, сыгравший роль дорогого покойника Ульянова на сцене главного театра страны и с тех пор ставящий интересы заплесневелого трупа впереди интересов простых, мелких мещан вроде меня, тупо желающих приобрести ковер, яйца, маргарин без мышьиного помета и иголки в наборе и не испытывающих ну никаких добрых чувств по отношению к гниющему кремлевскому мечтателю.

Т. Толстая, «Главный труп» (Толстая, 218).

Практически каждое общее место дает аргументы по тем же самым алгоритмам. Рассмотрение всех пяти алгоритмов для каждого из топов дает практически полную картину логической аргументации, использующейся в показательных, совещательных и судебных речах. Особенно продуктивными являются третья и четвертая схема: классифицирование действия и оценка его через какой-либо параметр, - так как они актуальны не только для судебных, но и для других типов речей.

Литература.

1. Андреевский — С.А. Андреевский, «Избранные труды и речи». Тула, «Автограф», 2000.

2. Кони — А.Ф. Кони, «Избранные труды и речи». Тула, «Автограф», 2000.

3. Плевако — Ф.Н. Плевако, «Избранные речи». М., «Юридическая литература», 1993.

4. Речи русских юристов — «Речи известных русских юристов», сост. П.М. Захаров, Е.П. Черкашина. М., «Юридическая литература», 1985.

5. Речи в память Александра — «Речи и стихи, произнесенные в память незабвенных благотворений блаженной памяти государя императора Александра I, оказанных Московскому Университету, при воспоминании дня основания оного, 12 января 1826 г.», М., 1826.

6. Судебные ораторы — «Сборник речей судебных ораторов», ред. Л.А. Базунов, В.И. Добровольский, СПб, 1904.

7. Сергеич — П. Сергеич (Пороховщиков П.С.), «Искусство речи на суде». М., Государственное издательство юридической литературы, 1960.

8.Судебные ораторы Франции — «Судебные ораторы Франции XIX века. Речи в политических и уголовных процессах». Сост. Е.М. Ворожейкин. М., Издательство института Международных отношений, 1959.

9.Толстая — Н.Н. Толстая, Т.Н. Толстая, «Двое». М., «Подкова», 2002.

10.Урусов — А.И. Урусов, «Первосоздатель русской судебной защиты». Тула, «Автограф», 2001.